

Ю.Ф.БУРЯКОВ

Генезис
и
этапы
развития
городской
культуры
Ташкентского
оазиса

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ГЕНЕЗИС И ЭТАПЫ
РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТСКОГО
ОАЗИСА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1982

В монографии исследуются генезис, закономерности и пути формирования и развития городов одного из самых урбанизированных регионов — Ташкентского оазиса, включавшего два средневековых владения Восточного Мавераннахра — Чач и Илак. Впервые для крупного региона Средней Азии с большим хронологическим диапазоном применен системный подход к изучению путей и этапов урбанизации, включающий анализ всех категорий археологических объектов, источников сырья, средств внутренних и межрегиональных связей, в сочетании с данными письменных источников.

Для археологов, историков, демографов и всех интересующихся древней и средневековой историей Узбекистана.

Ответственный редактор —
чл.-кор. АН ТССР В. М. Массон

Рецензенты — кандидаты исторических наук
Р. Х. Сулейманов, Р. Р. Мукашева, М. Д. Джуракулов,
К. К. Кубаков, Н. А. Аванесова

Б $\frac{10602-2113}{М 355 (04)-82}$ Рез. 204—82 0507000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Пути и закономерности роста и развития городов и урбанизации общества, роль этого процесса в социально-экономической структуре общества — актуальные проблемы современной науки. Эти проблемы неоднократно поднимались в трудах основоположников марксизма в историческом, экономическом и социальном аспектах. Сам факт появления городов, отделения города от деревни Ф. Энгельс характеризовал как первое крупное общественное разделение труда (1, с. 301), как отделение промышленного и торгового труда от земледельческого (5, т. 1 с. 9).

Указывая, что отделение города от деревни является основой всякого развитого и опосредствованного товарообменом труда, К. Маркс считал городское ремесло именно той формой производства, в которой труд освобождается от земельной собственности и потому социально и политически стоит на самом высоком уровне (5, т. 3, с. 175).

На всех этапах истории город шел впереди деревни, играл по отношению к ней революционную роль (6, с. 5), создавая своего рода основу хозяйственно-экономической и политической жизни страны.

Не случайно сегодня проблема урбанизации общества исследуется учеными различных направлений. Географов привлекает пространственный ход урбанизации, иерархические системы городов, территориально-урбанистическая структура, роль природно-географических факторов в развитии городов (184, с. 275—276). Экономисты и архитекторы-урбанисты изучают город как специфическую сферу расселения, концентрации и функционирования промышленного производства и сфер обслуживания, ставя задачей постижение законов развития городов, организацию и управление их развитием. Город как сложная социально пространственная целостность является объектом социологической теории (362).

В качестве важной составной части выдвигается изучение временного хода урбанизации, ее периодизация, установление этапов как в масштабе страны, так и в пределах ее частей (184, с. 273),

т. е. исследование генезиса и ранних этапов становления и развития городов, их функций и конкретной структуры в составе различных формаций. Процесс этот был длительным.

На ранних этапах город длительное время сохранял ряд функций деревни. Концентрация ремесла проходила постепенно. В то же время на любом этапе развития город, как центр ремесла, товарного обмена, культурной интеграции являлся в широком смысле частью общей системы расселения и форм хозяйственно-экономической деятельности человека, обусловленной и связанной с окружающей средой. Это географическая и хозяйственно-экономическая среда — природные условия, способствующие формированию различных хозяйственных систем, характер сырьевых и гидроэнергетических ресурсов, транспортные средства, общественно-экономические факторы, выражающиеся в различных типах расселения (сельские поселения, городские пункты, кочевья), формах экономических, политических и культурных связей между ними на различных исторических этапах и, наконец, это взаимосвязи историко-культурного региона в целом с ему подобными, т. е. место региона в системе общества. Поэтому закономерности урбанизации невозможно проследить на базе отдельных городов и даже их групп без комплексного анализа всей социально-экономической структуры, в составе которой они сформировались.

Попытки синтеза закономерностей формирования городов в общей системе расселения в пределах страны проводились преимущественно на европейских средневековых городах, сохранивших разнообразные письменные источники: от исторических хроник до фискальных и иных документов (467, I—III). Большой интерес в области систематизации европейских городов на экономической основе представляет разработанная В. Кристаллером теория «центрального места» о иерархической системе городов различных категорий с различными формами связей (561, 562). Гексагональная модель В. Кристаллера была принята за основу при проектировании районирования и более поздних городов А. Лешем, углубившим формы экономических связей, уровни соподчинения и общую иерархию расселения и сделавшим ее более гибкой (294), а также использована П. Хаггетом при анализе вопросов ранжировки и иерархии современных городов (520, с. 415—423). Фактически модель В. Кристаллера рассчитана на идеальные районы с однотипными природно-географическими и экономическими условиями. Поэтому необходим более глубокий подход к генетической базе урбанизации конкретных регионов и их локальных особенностей.

Изучение городов Хорезма позволило выделить три зоны урбанизации с различными путями и этапами роста городской культуры: центральные приамударьинские районы с устойчивым развитием городов, низовья Амударьи с появлением поселений городского типа в VII—IX вв. и расцветом в XII—начале XIII вв. и северо-западные и западные окраины, с появлением

городов в различное время, но расцветом их в конце XIII—XIV вв. (387, с. 220).

История городских центров Средней Азии, динамика их развития неоднократно привлекала внимание востоковедов, начиная с прошлого столетия. Примером являются классические исследования В. А. Жуковского [219], В. В. Бартольда [60, 61] и др., основанные преимущественно на материалах письменных источников. Однако, так как количество этих источников ограничено, степень охвата ими исторических вопросов и освещенности этапов в целом неоднородна, их более правильно относить к историко-географическим.

Поэтому В. В. Бартольд считал, что следует привлечь другие важные источники — археологические и приступить к широким систематическим раскопкам старых городов Туркестана. Но при этом он имел в виду лишь те города, о которых сохранились подробные сведения в письменных источниках — Мерв, Самарканд и отчасти Бухару. Восстановить же историю остальных городов, включая Ташкент, он считал невозможным и предлагал ограничиться лишь фиксацией археологического материала (66, с. 528, 553).

За период, прошедший после намеченной в 1922 г. программы, изучение истории городской культуры поднялось на новый этап, что объясняется активным привлечением именно археологических источников (214, 307, 332, с. 3—12). Перспективность их была подчеркнута А. Ю. Якубовским при определении задач монографического исследования средневекового города Средней Азии (549, с. 3—4). Они включают детальное исследование топографии и планировки городских пунктов, фортификации, парадных и общественных сооружений, жилых и ремесленных кварталов, позволяют последовательно раскрывать историю городов в динамике их развития.

Археологические исследования предпринимались с первых лет Советской власти, начавшись с разведочных маршрутов, учета памятников и составления первичных археологических карт (616, 613, 186). С ростом научных сил и накоплением методического опыта они переросли в специализированное и комплексное исследование отдельных городов, локальных территорий и целых регионов (80, 81, 85, 186, 188, 189, 339, 340, 343, 344, 488, 490, 491, 493, 496, 531, 537, 547, 549). Особенно большой размах они получили в последние десятилетия в связи с созданием комплексных экспедиций, сочетающих топографическое обследование крупных регионов со стационарным изучением базовых эталонных центров городской культуры регионов.

Проблемы городской культуры в древней и средневековой археологии Средней Азии и Казахстана регулярно рассматриваются на всесоюзных и региональных сессиях археологов и этнографов (207, 208, 355, 425, 466), находят отражение в обобщающих работах, посвященных отдельным регионам: Хорезму (387, 500, 501), Южному Казахстану (22, 23, 30, 31, 56, 57), Киргизии (58, 221,

265, 266, 285, 287), Усрушане (379, 383), Согду (50, 537), Северному Хорасану (28, 347).

Исследования пополнились методическими разработками археологических принципов определения города, системы грааций, населенности (81, 59, 220, 329, 431, 440, 542). Проблема города во всех ее аспектах в последние десятилетия является центральной, объединяющей усилия всех археологических экспедиций (102, с. 96; 348, с. 14).

Накопление обширного материала позволило перейти к обобщению закономерностей формирования феодального города Средней Азии. Опытом подобного синтеза явилась вышедшая в 1973 г. монография А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии» (73), построенная преимущественно на археологическом материале, используемом в качестве источника для рассмотрения таких исторических вопросов, как архитектурно-планировочная структура, экономика и экономические связи города, социальная структура, населенность и место города в политической системе страны. Вместе с тем эта работа выявила наличие целого ряда белых пятен в исследовании городской культуры областей Средней Азии, недостатки в методике их изучения, необходимость привлечения более широкого круга категорий археологических источников.

К числу крупных, но недостаточно исследованных историко-культурных регионов, игравших важную роль и в социально-экономической, и в этнической истории Мавераннахра, относится бассейн Средней Сырдарьи — Ташкентский регион, объединявший в средневековую эпоху два владения — Чач и Илак.

Располагавшийся в бассейне правобережья Средней Сырдарьи и ее крупнейших правых притоков — Чирчика и Ахангарана, Ташкентский регион относится к числу самых густонаселенных областей Средней Азии. Природно-климатические условия его разнообразны. По высотным отметкам оазис лежит выше низменных равнин Турана и входит в систему высотных поясов, охватывающих Тянь-Шань. В состав его включаются отроги Западного Тянь-Шаня, Чаткальский и Кураминский хребты которого с пониженными завершениями Карамазара и Барактынтау подковой охватывают оазис с северо-востока, востока и юга и постепенно ниспадают лёссовыми холмами — адырами к Сырдарье. Вершины их достигают 3000—4000 м, но перевалы связывают Ташкентский оазис с Таласской долиной и Северной Ферганой и являются удобными путями для перегона скота. Почвы (бурые в нижней части и светло-коричневые субальпийские к вершинам с арчевником и разнотравьем) представляют собой удобные пастбища для отгонного скотоводства, особенно для летнего периода — яйлау.

Две трети территории занимает предгорная равнина адыров и долинная равнина, изрезанная поймами рек. Адыры предгорьев, сложенные темными сероземами, — это зона садовых культур, богарного земледелия и обширный район пастбищ с разнотравной

растительностью, благоприятной для зимнего и весенне-осеннего содержания скота. Лёссы содержат богатые залежи глин, в первую очередь первичных — каолинов, мягкого режущегося камня — колибташа и отдельные выходы рудных минералов и красителей.

Равнина в долинах рек — это основные орошаемые земли луговых почв, обладающих большим содержанием гумуса и высокоплодородных. Они обеспечивают возможность культивирования различных культур: злаковых, бахчевых, кормовых и технических (372, с. 185—196, 177, с. 225).

Ирригационной базой хозяйственно-экономической системы оазиса являются правые притоки Сырдарьи — Чирчик и Ахангаран, в их междуречьи — более мелкие сая. Чирчик с водосборной площадью около 15 тыс. км² является основной базой земледелия северных и центральных районов оазиса, так как на протяжении более 100 км отдаёт воду системой более чем 50 крупных каналов с многочисленными отводами, а в нижнем течении образует широкую разработанную пойму. Его истоки Чаткал и Пскем многоводны и имеют удобные высокогорные долины.

Ирригационным ядром южных районов является р. Ахангаран с водосборной площадью более 7,5 км² и длиной рабочего хода с отдачей воды с помощью около 30 каналов также более 100 км. Основное современное русло ее в низовьях проходит по ложу древнего южного протока Чирчика. Сая междуречья, из которых наиболее крупными являются Паркентсай, Башкизилсай, Сардобсай, в низовьях включаются в Чирчик-Ахангаранскую ирригационную систему, либо еще ранее разбираются на полив.

В юго-западных районах для орошения изрезанных протоками участков используются воды самой Сырдарьи, хотя в целом правый берег ее, более возвышенный, мало удобен для проведения каналов.

Климат резко континентальный. Отрицательным фактором является засушливость летнего периода, но она компенсируется теплой влажной весной. Все эти моменты выгодно отличают Ташкентский оазис от соседних областей, включая Ферганскую долину. Если учесть, что в недалеком прошлом климат ряда предгорных районов отличался от современного более высокой влажностью (228), то зона удобных для земледелия площадей представится более обширной.

Животный мир включает многих обитателей горной и лесостепной зоны, а равнинные заболоченные поймы рек удобны для рыболовства.

Таким образом, почвы и рельеф объективно способствуют развитию в равнинной части орошаемого земледелия, в предгорных и горных районах — богарного земледелия и скотоводства.

Благоприятным фактором является богатство недр, близость их к ирригационной базе. Эти факторы в определенной мере использовались в древности. Восточные географы X в. характеризовали Чач — Илак как одну из самых цветущих земледельческих

областей восточного мира, подчеркивая обилие фруктов, зерна и продуктов животноводства (557, VII, с. 295).

Чач-Илак играл крупную роль как крупный горнорудный район с разрабатывающимися рудниками золота, серебро-свинцовых руд, меди, железа, копиями самоцветов, красителей и глин (557, VII, с. 268).

Важную роль играли торгово-экономические связи со степными народами. Степь снабжала земледельцев продуктами животноводства и сырьем для развития ремесел, связанных с обработкой кож, ткачества и ковроделия. Степь являлась крупным потребителем сельскохозяйственной и ремесленной продукции — зерна и фруктов, защитного и наступательного оружия, конской упряжи и снаряжения, одежды, бытовых изделий и предметов роскоши.

Все эти факторы способствовали развитию городской культуры оазиса. Уже в VII в. здесь упоминается несколько десятков больших и малых городов (556, с. 38). В последующие столетия сеть их становится еще более густой. Географы X в. отмечают более 50 городов. Такого количества городских пунктов не имело ни одно владение ни Мавераннахра, ни Хорасана. Для сравнения можно указать на то, что Фергана, более чем вдвое превышающая Чач по площади, насчитывала лишь 39 городов (73, с. 201), Исфиджаб и нижняя Сырдарья — 20 (73, 192—194), Усрушана — 12 (379).

Однако до недавнего времени, за исключением работы М. Е. Массона в виде историко-археологического очерка об Ахангаране (344), городам Ташкентского оазиса было посвящено лишь несколько небольших статей, касающихся отдельных городских пунктов. Не были известны ни время становления городской культуры, ни этапы ее развития, ни причины, способствовавшие развитию конкретных пунктов, ни их место в системе региона. Частичному выполнению этой задачи посвящено данное исследование. Для этого был проведен учет источников сырья, главным образом рудных (140), предпринята систематизация всех разнородных и разновременных памятников с составлением археологической карты оазиса (139), проанализированы письменные источники, отождествлен на их основе ряд пунктов (143).

Данная работа является частью исследования, цель которого — изучение на основе системного анализа археологических памятников оазиса общих закономерностей и локальных особенностей урбанизации крупного региона Восточного Мавераннахра поры древности и феодализма.

Глава I. СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА

Специфика археологических памятников как объектов познания требует применения специальных методических приемов классификации и определения функциональной роли этих объектов, в первую очередь системной характеристики регионов и типологии древних пунктов. В экономической географии за систему расселения принимается страна, главные параметры которой — населенность и территория.

Одна из важнейших проблем — изучение временного хода урбанизации, ее периодизация, установление этапов как в масштабе страны, так и в пределах частей последней. Единицы расселения — города, поселения могут меняться в размерах и населенности, что влияет на характер и других компонентов, но не разрушает единства системы, а позволяет рассмотреть динамику урбанизации, выделить ее интенсивные и экстенсивные этапы (184, с. 273).

Система связей пунктов сложна и многогранна, поэтому в системной методике урбанистов при специальном исследовании функций городских агломераций в структуре регионального социально-экономического пространства допускается ограничение выбора единиц системы либо рассмотрение отдельных классов (города, сельские поселения) или их наиболее важных для решения искомого вопроса функций (206, с. 289—290).

Типологии древних поселений посвящен ряд исследований. Тип поселения рассматривается археологами как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных с выполняемыми функциями, которые находят отражение и в размерах памятника, и в его внутренней структуре, и в составе находок (336, с. 36).

Город, как особая категория расселения, обусловленная социально-экономическим развитием общества, отличается от сельского поселения специфическим спектром функций, запечатленных в его внутренней структуре. Однако их выявление требует полного вскрытия всей территории, что практически не сделано ни для одного города Средней Азии. Тем не менее исследователями на

предварительной стадии изучения выработан ряд признаков археологической классификации по размерам поселений, характеру их укреплений, соотношению цитадели и остальной укрепленной части, экономической структуре пункта. Остановимся на ведущих признаках классификации.

Размер поселения. Значительный спектр административных и экономических функций города сравнительно с сельским поселением требует для размещения его населения большей территории. Точки зрения исследователей на территориальный барьер городов и поселений древнего Востока неоднородны. А. Н. Бернштам, выделяя 4 типа городищ Киргизии, включает в их состав и пункты площадью в 1 га (81, с. 32—33). Э. В. Ртвеладзе к разряду небольших городов Бактрии относит поселения площадью 1,5—3 га (440, с. 65). Ю. А. Заднепровский для Ферганы выделяет разряд городских поселений, площадь которых не менее 4 га, хотя и учитывает особенности некоторых пунктов, например Касана, которые даже при меньших размерах выполняли городские функции (220, с. 12). Р. Адамс, исходя из проведенной им системной характеристики поселений Месопотамии, пришел к выводу, что территориальной гранью города-селения является площадь около 6 га (553, с. 18). В. М. Массон, проанализировав данные учета почти 120 памятников Северной Бактрии, указывает, что и в данном регионе значимая грань поселений лежит в пределах 4—6 га (336, с. 36).

Систематическое обследование региона позволило нам выявить 742 памятника древней культуры, в том числе 531 пункт расселения — городища и поселения. Наиболее значимая грань городских и сельских пунктов на наших памятниках может быть выделена в пределах 4—5 га.

Система укреплений. Для древнего города — оборонительного и административного центра жилой ячейки различных масштабов — характерно наличие крепостных стен городской территории и укрепленного ядра цитадели, в то время как сельские поселения, выраставшие вокруг замка правителя, не всегда укреплялись защитными стенами. Правда, письменные источники иногда упоминают о городах, не имевших стен. Но это относилось к пунктам, которые не укреплялись в связи с их активным выступлением против центральной власти, либо объяснялось тем, что города разрастались за пределы древних стен как крупные экономические центры. Однако этот признак должен был корректироваться последующими, так как укрепленные поселения также имели в своем составе специальное ядро — замок правителя.

Пропорция. Обязательный признак — это пропорциональное соотношение размеров цитадели и прилегающей укрепленной территории, которые для города и сельского поселения различны в силу специфики выполняемых ими функций. В сельском поселении основные социально-экономические и административные функции связаны преимущественно с его центральным ядром

— усадьбой правителя. Поэтому данная структурная часть поселения имела относительно гипертрофированно развитые формы.

Как показывают материалы наблюдений Ю. А. Заднепровского на памятниках Ферганы (220, с. 12) и В. И. Распоповой в Согде (431, с. 22—26), для сельских поселений характерны замки и цитадели, занимающие свыше 20% площади всего поселения. Площадь цитаделей поселений городского типа обычно меньше этого критерия. Наши материалы показывают, что в Чаче к городским поселениям по соотношению составных частей могут относиться пункты, площадь цитадели которых не превышает 25% общей территории.

Уровень ремесла. Ремесленное производство является обязательным компонентом поселений городского типа. Ведь экономически город — это поселение, основная часть жителей которого занята неаграрным производством. Конечно, есть аграрные города и ремесленные поселения. И все-таки уровень ремесла — это один из определяющих признаков города и его экономического потенциала (550, с. 96).

Для поры развитого средневековья археологические материалы скорректированы нами с сообщениями письменных источников.

Историческая интерпретация. По нашему мнению, важнейший объективный критерий — соотношение археологического объекта с пунктами, описываемыми и характеризующимися историческими хрониками, т. е. отождествление и историческая интерпретация поселения. Это положение принято нами как основное исходное в системной характеристике Ташкентского региона, в которую сведены три крупных категории объектов:

1) памятники оседлоземледельческой культуры — городища и поселения;

2) рудники и специализированные ремесленно-производственные пункты;

3) погребальные сооружения, принадлежавшие как оседлоземледельческим, так и скотоводческим племенам.

С учетом физико-географических особенностей, почв и климата регион можно представить как систему из четырех районов:

а) бассейна Чирчика и Келеса; б) обширного предгорья междуречья; в) бассейна Ахангарана; г) равнины правобережья Сырдарьи. Каждый из них в свою очередь можно подразделить на локальные участки, а последние — на микрооазисы, объединенные единством гидросистем¹. Остановимся на характеристике районов Ташкентского региона.

¹ Группировка памятников внутри районов проведена от верховьев рек к их устьям. В соответствии с археологическими признаками отбора поселения размером более 4 га описаны более подробно. Поскольку материалы большинства памятников введены в литературу, описание их в данном разделе опущено, суммарная характеристика археологических материалов приводится в специальном разделе.

ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ

А. Район бассейна рек Чирчика и Келеса. Он представлен восемью участками: A_1 — долина Пскема, A_2 — долина Чаткала, A_3 — верховья Чирчика, A_4 — правобережье Чирчика от Газалкента до Ташкента, A_5 — Ташкентский участок, A_6 — низовья правобережного Чирчика, A_7 — левобережье Чирчика (от Газалкента до устья), A_8 — долина Келеса.

A_1 — долина Пскема — может быть представлен в виде двух микрооазисов: от верховьев до с. Нанай и в нижнем течении р. Пскем. Первый микрооазис занимает удобные для земледелия локальные участки надпойменных террас размером от 100 до 1200 га в верховьях, в основном, на левобережье, ниже — на правом берегу. Не все из них были освоены в древности, но местами сохранились остатки древней оросительной сети и отдельные обвалованные участки.

На этой площади выявлено шесть городищ и поселений (рис. 1, а, б, 1—6). Наибольшее скопление их сгруппировано вокруг городища **Шахджувартена**, расположенного на левом берегу реки напротив с. Пскем. На второй и третьей террасах городище занимает площадь более 10 га. С востока его защищает склон террасы, с запада — укрепление, доходящее до крутого обрыва. Структурно Шахджувартена состоит из двух частей — крупной цитадели и неукрепленного предместья с возвышением в западной части (рис. 2, а, 1). Цитадель площадью 2,25 га в плане подковообразная. В её центре монументальные сооружения с внутренним двориком, окруженные рвом глубиной до 11,5 м. Вокруг этих сооружений второй ряд укреплений, состоящий из многогранной стены с восемью башнями и рвом глубиной до 12 м. Стена опускается на вторую террасу. С юга и востока к крепости примыкала неукрепленная территория, на которой по микрорельефу прослеживались остатки жилых кварталов, магистральные улицы, канал шириной 3,5 м, пересекавший центр поселения с северо-востока на юго-запад до рва цитадели. В пяти пунктах южной и восточной части поселения и на склоне к реке сохранились скопления отвалов металлических шлаков и обломки футеровки металлургических горнов.

Впервые городище отмечено в 1906 г. И. В. Мушкетовым (376, с. 119), в 1964 г. обследовано автором (139, с. 13). В 1979—1981 гг. на памятнике были проведены раскопки и вскрыто три строительных горизонта. Ранний представлен небольшим слоем с разрушенной архитектурой и незначительной керамикой типа Каунчи-III. Средний датирован VII—IX вв., стены построек пахсовые, керамика неглазурованная лепная и станковая мингурюкского типа. Наиболее значителен верхний горизонт, включавший остатки жилого и производственного комплекса с арочным выходом во двор. В нем выделены два этапа — X — начало XI вв. и XI—XII вв. н. э., связанных с металлургическим ремеслом, плавкой и обработкой же-

леза и меди. Вскрыта стена цитадели, пахсовая, построенная с использованием естественного холма.

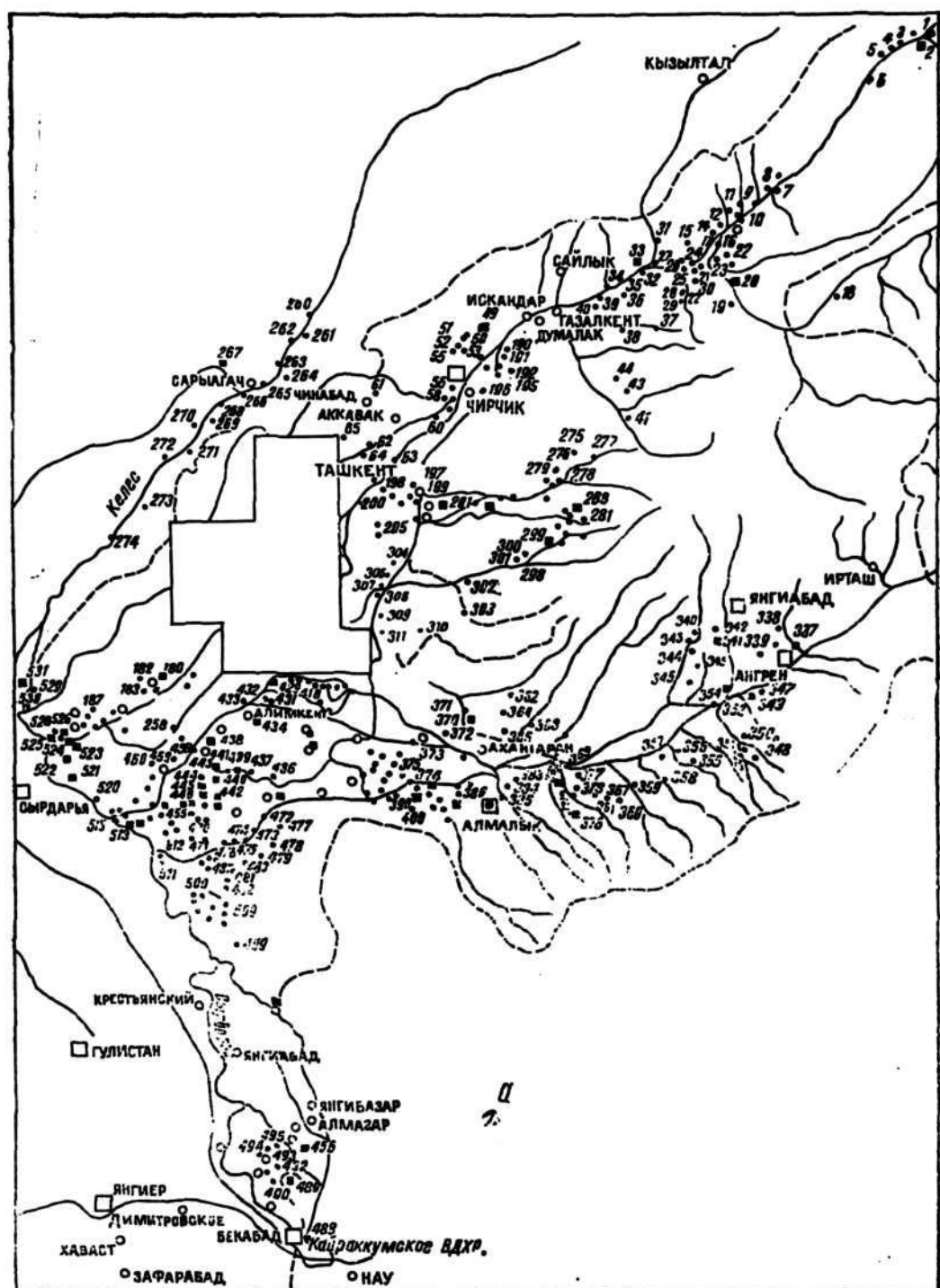
Окружающий цитадель вал также пахсовый в основе, но частично прослоенный сырцовым кирпичом размером $52 \times 28 \times 10-12$ см. Вскрыта башня или часть предвратной системы. Стены из кирпича с деревянной арматурой, на полах найдена керамика VI—VIII вв. н. э., выше — следы ремонта XI—XII вв. Канал выводил воду с помощью специального отвода из Пскемсае и орошал близлежащие поля.

Таким образом, первоначально Шахджувартена представляло собой укрепление с двойной системой стен и рвов на двух террасах. Включение нижней террасы не только усиливало оборонительные возможности, но и обеспечивало автономным источником воды, выходящим из подножья холма. Удобные для земледелия площади периферии способствовали формированию локальной ирригационной сети. В X—XII вв. вокруг укрепления развивалось ремесленное предместье площадью более 8 га. Его формирование не случайно. В Пскемсае выявлены древние выработки на медь, в русле встречен обломочный материал, обогащенный железом, а в Семисаазсае и Шамтерексае — полиметаллические руды и самоцветы. С эксплуатацией этих пунктов и связано развитие ремесла в X—XII вв. в Шахджувартена, который превратился в определенный экономический центр верховья Пскема, насчитывающего более тысячи гектаров удобных для освоения земель.

Второй микрооазис включает 11 оседлых (см. рис. 1, а, 7—17) пунктов, представленных небольшими укреплениями-поселениями и замками площадью 0,2—0,5 га, которые связаны с непрерывной узкой полоской обработанных земель. Датируются, за исключением Кадовадтена, преимущественно VI—VIII и частично XI—XII вв., а отдельные — вплоть до XV—XVI вв. н. э. Металлургическое производство представлено обработкой железа, добываемого в основном из галечника Пскема.

A_2 — долина Чаткала — делится на две неравные части: высокогорную и горнодолинную. Высокогорная, за перевалом Баркраук, относящаяся ныне к территории Киргизии, обследовалась в 1949—1951 гг. А. К. Кибировым (259, с. 3—62). Судя по направлениям караванных путей и характеру археологического материала, этот микрооазис тяготеет более к Фергане, чем к Чачу. Непосредственно к Чачу относилась горнодолинная часть — от западных склонов хребта Канджайляу до низовьев реки. Отмечено три пункта оседлой культуры (см. рис. 1, а, 18—20). В их числе — один крупный, площадью 16 га. Это городище **Бурчмула** (см. рис. 2, а, 2). Оно располагалось на правом берегу Чаткала у впадения в него Коксу. Вал у слияния этих рек зафиксирован в 1925 г. И. А. Сухаревым (618). В 1962 г. он осмотрен сотрудниками кафедры археологии ТашГУ (311, с. 53).

Фиксация памятника со съемкой плана и интерпретацией как городского пункта выполнена в 1963 г. автором. В 1964—1965 гг.

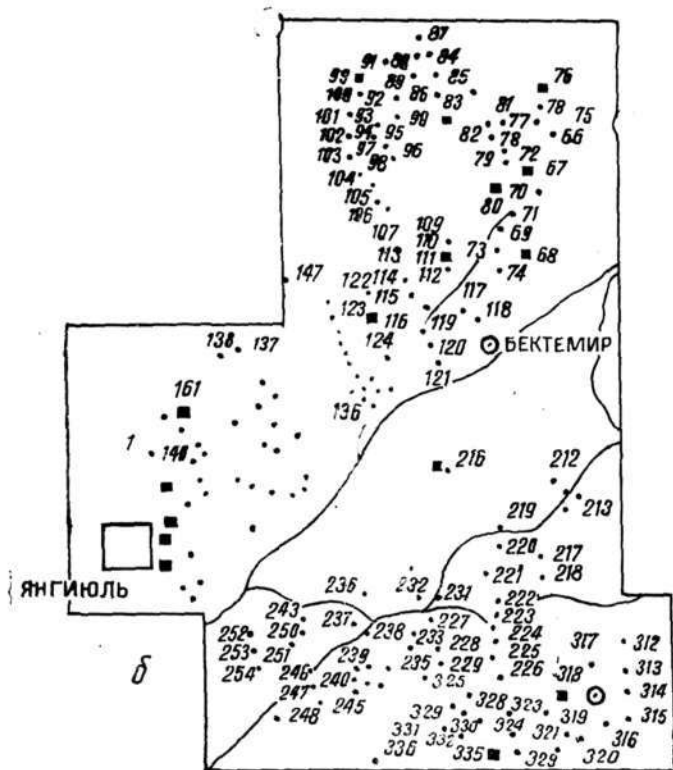

Рис. 1. Карта. Городища и поселения Ташкентского оазиса

на памятнике были проведены раскопки, включавшие четыре раскопа и шесть шурфов. Исследованиями вскрыты квадратное укрепление с жилищами для воинов и мастерские ремесленников-металлурга и кузнеца, прошурфованы площади, изучена структура крепостных стен, намечены этапы жизни пункта, отождествленного со средневековым городом Чача Ардланкетом (143, с. 82—84; 212, с. 71—80). Судя по керамическим изделиям и накопечникам стрел, формирование поселения относилось к VI—VIII вв., разрастание в пункт городского типа — к IX—X вв., а расцвет жизни — к X—XI вв. н. э.

Бурчмула выступала как крепость у переправы, занимавшая стратегически выгодное положение близ слияния рек. Функционирование стен совпадало с основными этапами жизни пункта, начиная с IX в. н. э. Но более значительна роль Бурчмулы как ремесленно-металлургического пункта, связанного с плавкой и обработкой железа, полиметаллов. Несомненно, она была в районе крупнейшим обменным пунктом ремесленной продукции. Можно предположить что некоторые площади террас использовались под скотные базары. На это указывают плотно утрамбованные слои при почти полном отсутствии бытовых находок.

А₃ — участок верховьев Чирчика от его сложения до выхода на более широкую равнину ниже впадения Аксагатасая — представлен Чарвакской впадиной длиной 25 км, переходящей ниже в узкую долину, сжатую горами, с ограниченными площадями, удобными для посевов вдоль берегов реки. На этой площади, включая бассейн Аксагатасая, выявлено 28 памятников оседлой культуры (см. рис. 1, а, 21—48). Поселения мелкие площадью от 0,07 до 0,3 га. Лишь площадь трех из них составляла 0,9—1,3 га, а Ходжикентбазарбоши, расположенного на правом берегу Чирчика напротив с. Ходжикент, — 9 га (см. рис. 2, а, 3). Ходжикентбазарбоши выявлен Х. Алпысбаевым. В 1961—1963 гг. он обследовался С. Б. Луниной (311, с. 50—53), в 1964 г. — Чарвакским археологическим отрядом (139, с. 29). Пункт отождествлен со средневековым городом Харджанкетом. Однако в связи с тем, что наслоения его перемешаны, мы не смогли провести детальное изучение объекта (115, с. 80—81).

Ниже впадения Гальвасая долина Чирчика начинает расширяться. Отсюда берут начало основные каналы, питающие земли террас среднего и нижнего Чирчика. В правобережье — это в первую очередь Ханым, в левобережье — Ханарык, Карасу.

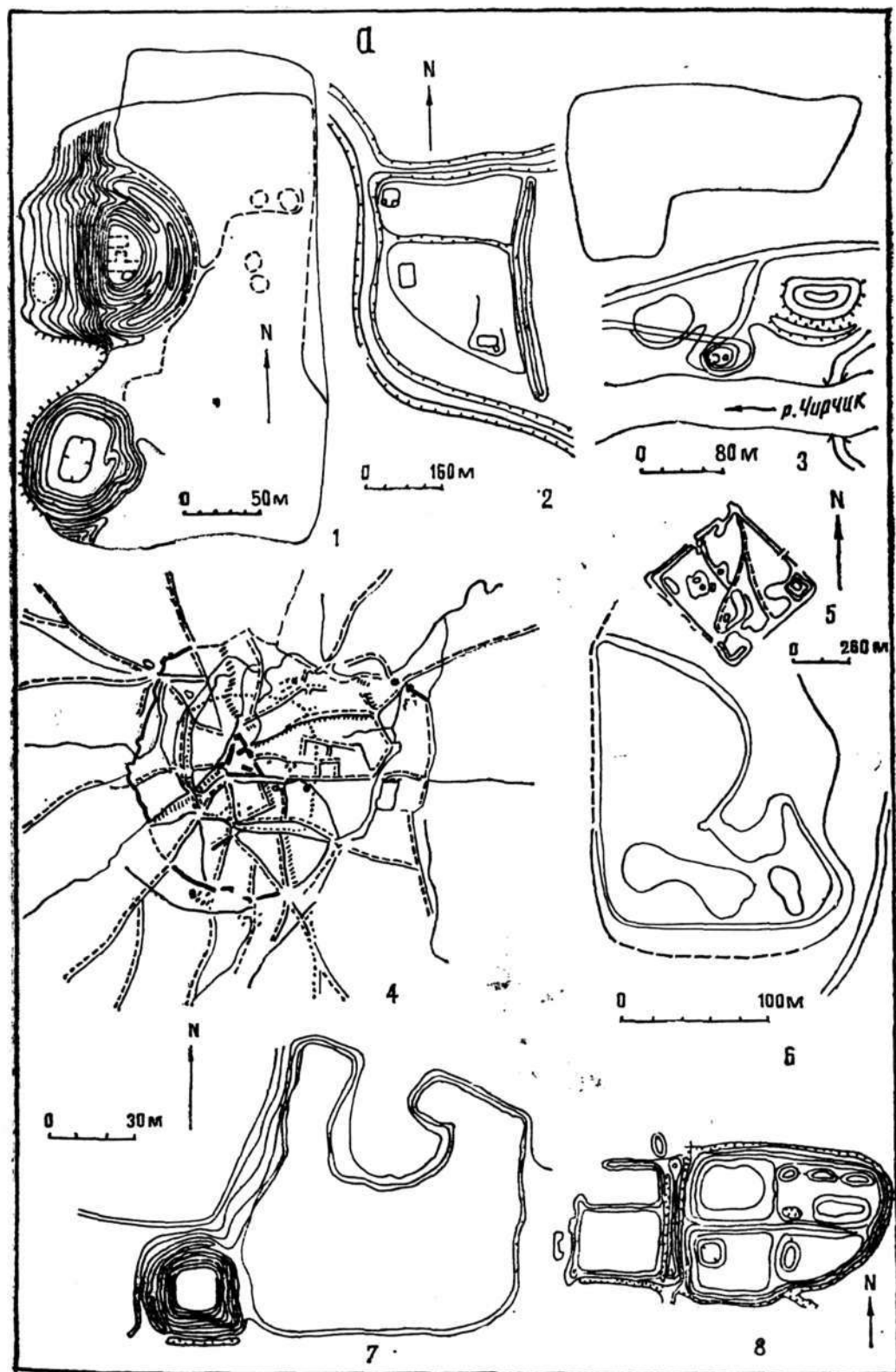
А₄ — участок в правобережье Чирчика от Газалкента до Ташкента — представлен узкой полосой длиной 45 км, ограниченной с юга рекой, с севера — всхолмлениями выполаживающихся предгорий. На этой площади зарегистрировано 17 поселений и городищ (см. рис. 1, а, 49—65). Среди них одно городище — **Паргостепа** в одноименном селении, расположенное в головной части канала Зах (см. рис. 2, б, 9). Первое описание его дано в 1935 г. В. Д. Жуковым (612 с. 4—5).

В 1937 г. городище осмотрено Д. Д. Букиничем в связи с изучением древней ирригационной сети долины Чирчика (113, с. 72). В 1961—1962 гг. памятник обследовался С. Б. Луниной (311, с. 46—47), в 1964 г. — автором (143, с. 75—79). Территория его по ареалу распространения находок определена в 15 га.

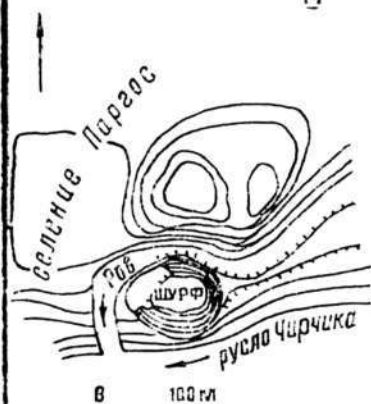
А₅ — участок долины правобережья Чирчика, резко расширенный в его нижней трети, от Кибрая, и охватывающий всю территорию Ташкента до Зангиата на западе. Удобные для освоения земли охватывали площади двух террас шириной 15—20 км, местами сливаясь с долиной Келеса, и длиной около 30 км. Они пересекались рядом протоков и каналов, берущих воду из Чирчика: Саларом, Калькаузом, Анхором, Кукча, Джарарыком, Захом, Шахаром, Танышахаром, Джангобом, Чиланзаром, Актепа и др. Вдоль них зарегистрировано 96 городищ и поселений (см. рис. 1, б, 66—161).

Площадь десяти городищ составляла от 9 до 400 га.

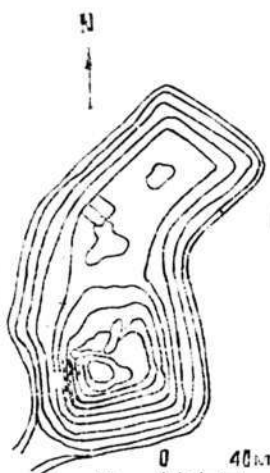
Тугайтепа. Оно расположено в восточной части Ташкента в 4 км к югу от с. Дурмень. Впервые оно обследовано в 1949 г. И. Баишевым и В. Массоном (55, с. 134—137).

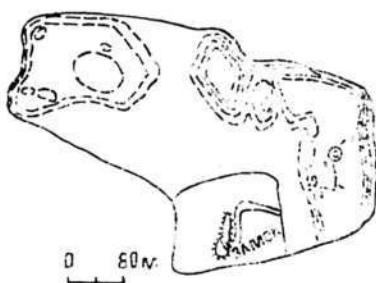
8

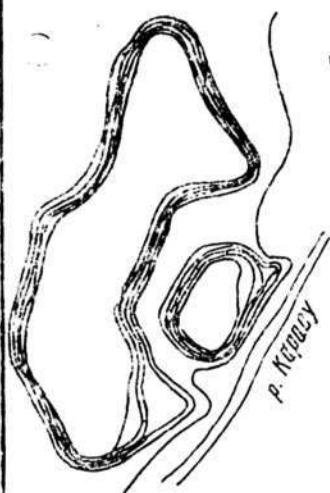
9

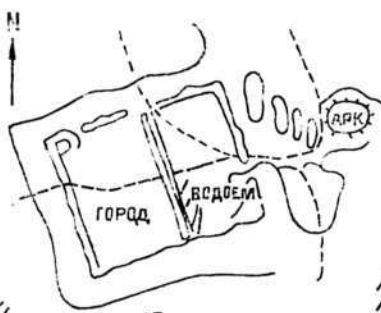
10

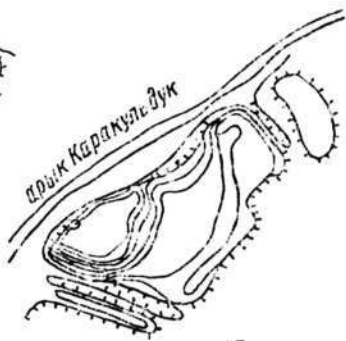
11

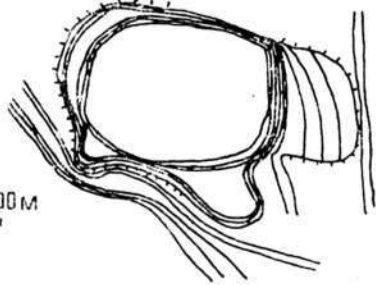
13

12

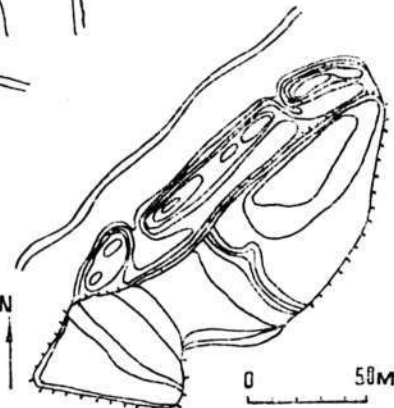
15

14

16

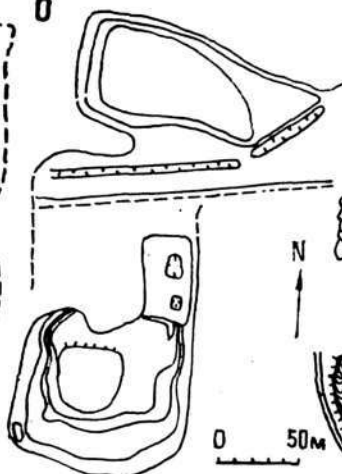

17

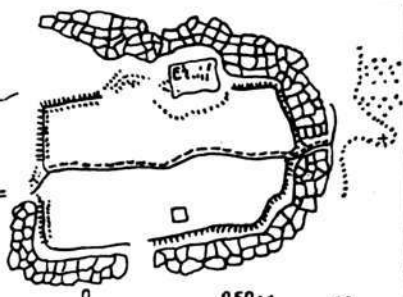
6

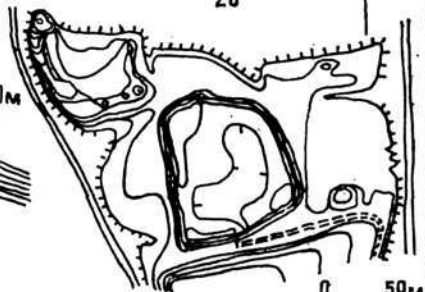
18

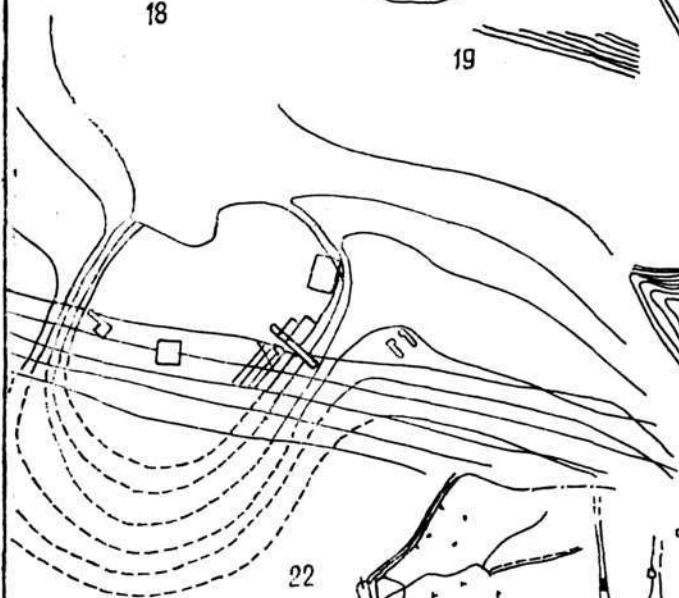
19

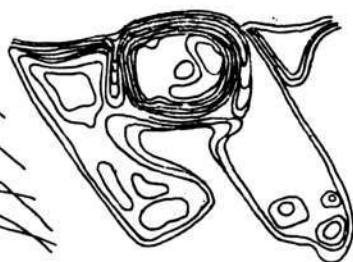
20

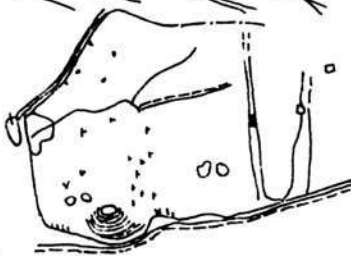
21

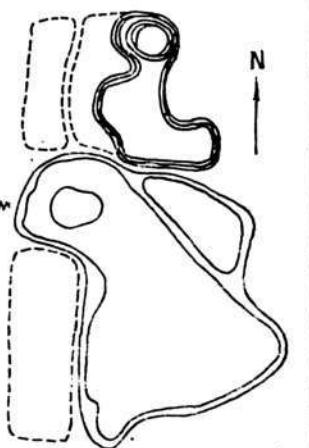
22

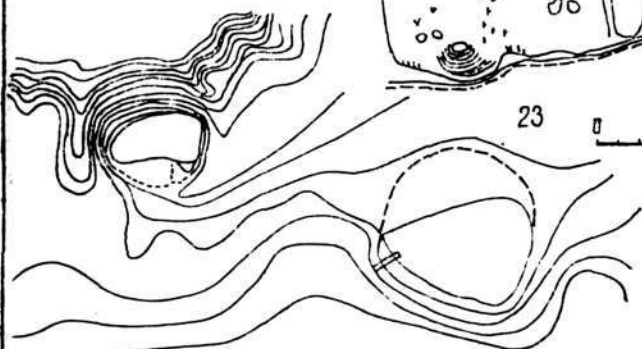
24

23

26

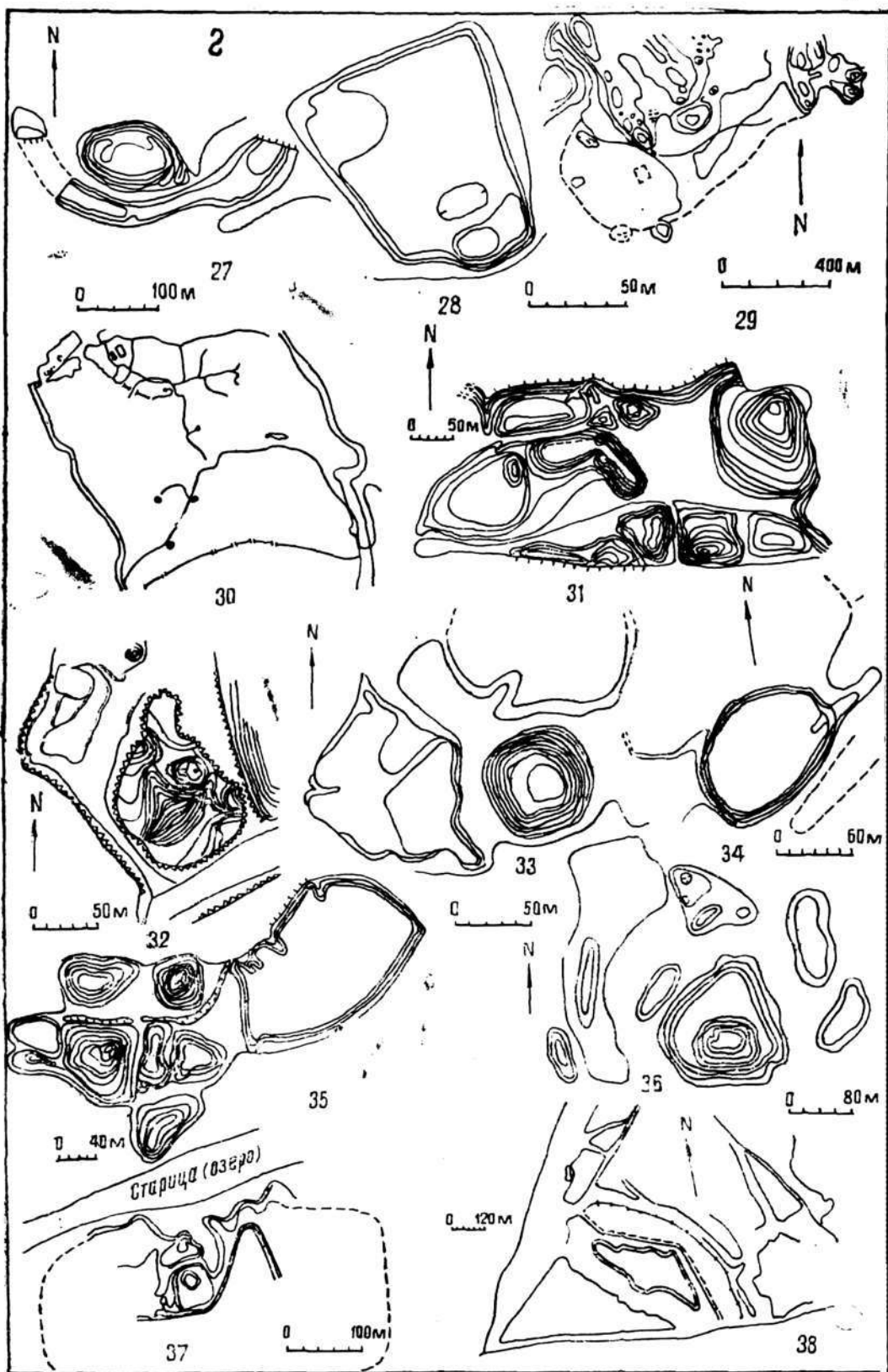

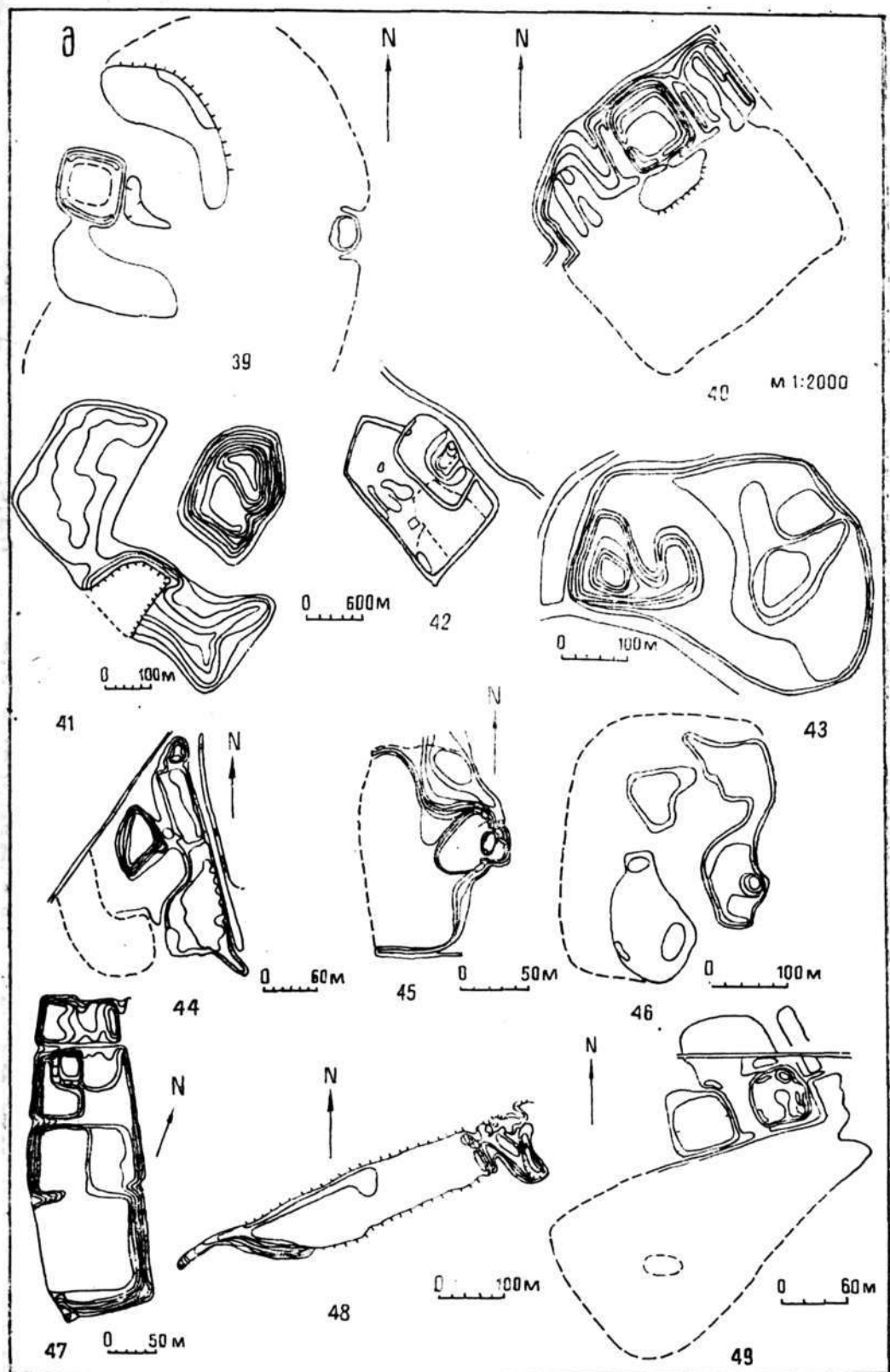
25

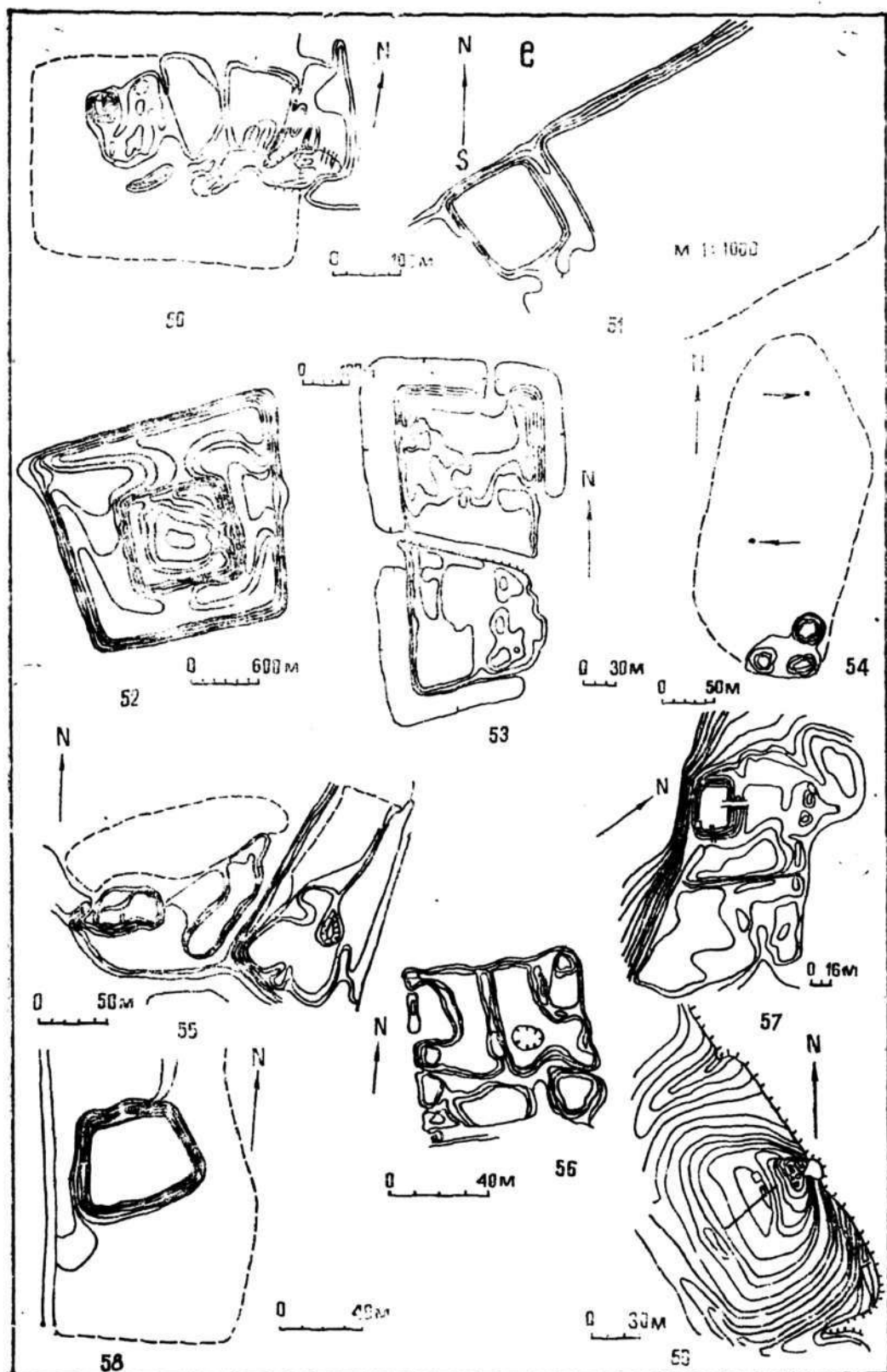
0 50M

0 180M

0 50M

Укрепление, хотя и относительно небольших размеров (менее 10 га), появилось здесь с середины I тыс. н. э. Расцвет его отнесен к X—XII вв., когда накапливались мощные слои с разнообразными находками, включавшими значительные остатки ремесленного производства.

Таукаттепа. Оно расположено в восточной части Ташкента. Впервые отмечено в 1929 г. А. А. Потаповым (616), в 1949 г. обследовано И. Баишевым и В. Массоном, собравшими материалы XI—XII вв. и XV в. и квалифицировавшими его как средневековый замок с укрепленным двором и центральным жилым массивом (55, с. 132). При обследовании памятника в 1957 г. автор совместно с В. Белоусовым выявили материалы IV—VIII вв. н. э. (139, с. 41). В 1970 г. Д. Г. Зильпер были проведены раскопки с целью периодизации и изучения характера социально-планировочной структуры памятника (210, с. 64—67) высотой до 6,5 м и незначительно приподнятой над окружающей местностью обширной территории, одна часть которой ныне занята под пашни, а другая — под кладбище.

Раскопками центральной возвышенной части и пониженного поселения выявлены слои, начиная от позднего Каунчи-II до VIII в. н. э. и незначительные материалы XV—XVI вв.

В 1978 г. Ташкентским отрядом был заложен шурф-раскоп, в котором выявлено 7 культурных горизонтов, датированных I—XV вв. н. э. (505, с. 125—142).

Аката. Городище расположено на северо-восточной окраине Ташкента. Памятник упоминается с 20-х годов, но первое археологическое обследование его проведено в 1940 г. М. Э. Воронцом, определившим его общую площадь в 600×300 м с цитаделью высотой до 5—6 м (611, с. 41). В 1960 г. отсюда в Музей истории народов Узбекистана поступил клад медных тимуридских монет XV в. в количестве 1040 экз. Небольшое разведочное изучение пункта с закладкой стратиграфического шурфа проведено в 1968—1969 гг. археологическим отрядом Института археологии АН УзССР (209, с. 81).

Рис. 2. Планы городищ Ташкентского оазиса:

а: 1—Шахджуварттепа; 2—Бурчмула; 3—Ходжикентбазарбоши; 4—Старый Ташкент; 5—Хан-абадтепа; 6—Шаматтепа; 7—Безымянное тепа; 8—Шарапхана;

б: 9—Паргостепа; 10—Актепа Юнусабадское; 11—Мингурюк; 12—Югантепа; 13—Нишбаштепа; 14—Ишкурган; 15—Каунчиттепа; 16—Каланболо; 17—Калаттепа в Намдапаке;

в: 18—Кавардан; 19—Ивалектепа; 20—Улькантойтепа; 21—Севильттепа; 22—Безымянное тепа в Ангрене; 23—Аблык; 24—Янгитепа; 25—Кургантепа; 26—Аккурган;

г: 27—Джумишказытепа; 28—Уваиттепа; 29—Кульата; 30—Имлак; 31—Дунгулактепа; 32—Пушти Махмуд; 33—Актепа Пскентское; 34—Бука; 35—Будальтепа; 36—Тепа в с-зе им. Мичурина; 37—Безымянное в к-зе „Гулистан“; 38—Шаркия;

д: 39—Мазарттепа-1; 40—Мазарттепа-2; 41—Актепа близ Шаркии; 42—Канка; 43—Кыркджангитепа; 44—Чакмактепа (Югантепа); 45—Чипазтепа; 46—Замгарттепа; 47—Турткультепа-2; 48—Актепа близ Шаркии; 49—Кургантепа-2;

е: 50—Санчиктепа; 51—Безымянное в к-зе „Фрунзе“; 52—Культепа; 53—Ошхоматтепа; 54—Учтепа; 55—Югантепа-2 в с-зе „Аккурган“; 56—Турткультепа-3; 57—Шаушукумтобе; 58—Дальверзисттепа; 59—Актобе-2.

Руины памятника довольно значительных размеров. Ядром его была раннесредневековая цитадель. Размеры территории, освоенной в то время на периферии, определить не удалось. По данным М. Э. Воронца, площадь памятника была в пределах 18 га, по данным же Ташкентского отряда он значительно крупнее, а цитадель в X—XI вв. не функционировала и использовалась под кладбище (209, с. 80—81). Однако этому противоречат находки керамики X—XII вв. на ее территории (196, с. 80).

Некоторое обживание пункта отмечалось в XV в., что подтверждается материалом из шурфов в шахристане и кладом монет.

Актепа Юнусабадское. Это самый малый из характеризуемых памятников. Выявлен в северо-восточной части Ташкента. Изучение его начато в 1940 г. А. И. Тереножкиным (491, с. 71) и продолжено с 1975 г. М. И. Филанович (515, с. 539).

Мингурюк. Это крупное по размерам городище расположено в южной части Ташкента (см. рис. 2, б, 11).

С конца прошлого столетия городище неоднократно упоминалось при описании древностей Ташкента, но первое археологическое обследование проведено лишь в 1954 г. автором (119, с. 121—132). В 1957—1959 гг. совместно с Д. Г. Зильпер проведено стратиграфическое исследование городища, изучение замка и оборонительной системы цитадели (120, с. 128—146). В 1957 г. раскопки в цитадели продолжены О. В. Обельченко, в 1968—1976 гг. — Д. Г. Зильпер (209, с. 18—53; 210, с. 50—52). Исследована стратиграфия ядра городища мощностью до 15 м, расчищены крепостные стены и башни, раскрыты монументальное сооружение дворцового типа VII—VIII вв. н. э. с настенной живописью, жилые дома XI—XII вв. Получен комплекс материала, позволявший дать четкую характеристику основным чертам материальной культуры памятника этого периода.

Выяснено, что пункт сооружен в конце I—IV вв., в фортификационных целях. Его интенсивное развитие приходилось на VI—VII вв., когда были возведены стены цитадели, занимающей половину древнего укрепления и шахристан. Стены, сложенные из пахсы и сырцового кирпича, имели два четких периода жизни. Их разделял этап сильного разрушения, вслед за которым шло восстановление и укрепление крепости.

Расцвет жизни Мингурюка отмечен в VII — первой половине VIII вв. н. э. Судя по ареалу распространения материала, вся площадь в 35 га имела очень плотную застройку. К этому периоду отнесено и возведение в цитадели дворцового комплекса с залом, украшенным стенными росписями, сохранность их оказалась очень плохой из-за сильных разрушений и пожаров. Период запустения города датирован второй половиной VIII в. Новое обживание территории началось со второй половины X в., а более интенсивно — с XI в. Однако полностью площадь Мингурюка не

была освоена. В начале XIII в. отмечены новые разрушения, пожары, что привело к полному прекращению жизни на городище.

Старый Ташкент. Городище занимает северо-западную часть современного города (см. рис. 2, а, 4). Изучение его затруднено густой современной застройкой. Первое систематическое археологическое обследование предпринято М. Е. Массоном, отождествившим его с Бинкетом и наметившим местоположение цитадели, шахристана и двух рабадов (345). Эпизодическое наблюдение за наслоениями Бинкета проводилось рядом исследователей².

С 1968 г. Институтом археологии АН УзССР проводятся стационарные раскопки. Более 200 археологических разрезов, шурфов и раскопов позволили изучить структуру городища и его историческую топографию вплоть до XIX в. (209, 210). Площадь первоначального городища определена для шахристана и цитадели в 20 га, первого рабада — в 60 га. Территория второго рабада читалась очень нечетко.

Размеры городища в целом совпали с границами, указываемыми М. Е. Массоном. Однако раскопки на месте предполагаемой цитадели к северу от шахристана дали незначительные материалы X—XII вв. В основном же они относились к XV в. Более вероятна локализация цитадели в южной части шахристана на месте всхолмления близ местности Чорсу.

Как показали раскопки, Бинкет не имел мощных слоев, столь характерных для раннефеодальных городов. Нижние слои его лишь местами датированы первой половиной IX в., а в основном — второй половиной IX—XII вв. Находки XIII—XIV вв. охватывали локальную территорию.

Кулаклитеп. Городище расположено в западной части Ташкента на правом берегу притока Каракамыш. Впервые оно отмечено в 1927 г. Н. Г. Маллициким по названию одноименной загородной местности мауза кукчинской части города (319, с. 119).

В 1968 г. памятник обследовал Ташкентский археологический отряд, без проведения раскопочных работ. Городище сохранилось фрагментарно. Оно имело подпрямоугольную форму. Площадь городища составляла 700 × 200 м. Пирамидальная цитадель высотой до 12 м отделена от города рвом. Подъемный материал относился к VI—XII вв. и частично — к XV в. (139, 45—46).

Ханабад. Он расположен в юго-западной части Ташкента (см. рис. 2, а, 5). Впервые упоминался в краеведческой литературе в связи с обследованием археологами-любителями (414, с. 39—45), ограничившимися лишь его кратким описанием. Детальная характеристика дана В. М. Массоном, обследовавшим Ханабад в 1949—1950 гг. и собравшим материалы VI—VII вв. н. э. В шахристане зафиксированы остатки ремесел, в частности

² Об истории изучения см. (209, с. 8—17).

гончарного и кирпичеобжигательного производства, кирпичи размером $30 \times 14 \times 3,5$ см, характерные для XI—XII вв. н. э. (55, 325).

В 1958 г. памятник был обследован автором. С 1971 г. городище исследовано Ташкентским отрядом Института археологии АН УзССР (115, с. 516; 210, с. 6—49). Становление жизни на территории цитадели можно отнести ко времени не позднее середины I тыс. н. э. В VI—VII вв. эта территория была обнесена крепостной стеной. Находки керамики VII — начала VIII вв. в северо-восточном и юго-западном районах города свидетельствовали об освоении всей его территории площадью в 34 га. В северо-западной стене шахристана раскрыты погребения-ниши с замурованными костями человека.

На полах помещений и коридоров цитадели найдена керамика VII — начала VIII вв. и большое количество монет. Среди них — клад из 25 медных тюрко-согдийских монет и отдельные монеты тюркских правителей Чача, соседних владений, в первую очередь Согда. Культурные наслоения IX—XII вв. составляли толщу, местами превышавшую 3 м. Материалы этого времени разнообразны. Они представлены остатками ремесленного гончарного производства, керамикой, стеклянными изделиями, монетами. Слои этого времени раскрыты за пределами шахристана, где сохранилась отдельно стоявшая монументальная постройка. Однако ареал распространения находок за пределами стен ограничен.

Ногайкурган. Он расположен на правом берегу Салара у юго-западной окраины Ташкента. Интересный памятник неоднократно привлекал к себе внимание и любителей старины, и специалистов. Упоминание о нем мы встречаем у известного русского художника В. В. Верещагина (157, с. 61—53), сообщавшего даже о желании произвести здесь раскопки. Описание холмов Ногайкургана имеется в сводке 1896 г. Е. Т. Смирнова (448, с. 8—9). Впоследствии памятник осматривался членами ТКЛА, один из которых пытался в 1914 г. провести археологические раскопки, ограничившиеся, однако, незначительными зачистками (255, с. 109). Таким же методом проводились в 1916—1917 гг. раскопки В. Э. Эгерта, начавшего вскрытие остатков оссуарного кладбища Ногайкургана. В 1923 г. обследование поселения, сопровождавшееся съемкой плана и стратиграфической зачисткой слоев, было предпринято М. Е. Массоном. Памятник упомянут А. А. Потаповым (616) и Г. В. Григорьевым, обследовавшим долину Чирчика в 1934 г. (186, с. 43), специально изучался в 1939 г. В. Д. Жуковым (613). С 1954 г. в течение нескольких лет наблюдения проводились С. Б. Луниной и З. И. Усмановой, обобщившими материалы всех предшествующих исследований (312, с. 144—147; 314, с. 164—166). В 1967 г. и 1970 гг. стратиграфические раскопки его были проведены Г. Дадабаевым. С 1973 г. новые стратиграфические исследования памятника были предприняты Ташкентским археологичес-

ким отрядом (209; 515, с. 539; 517, с. 540—41; 518, с. 460—61). Площадь городища составляла более 30 га.

Результаты исследований дают основания считать древнейшим ядром городища холм Кугаиттепа. В цитадели его двумя стратиграфическими шурфами вскрыты культурные наслоения мощностью до 12 м (143, с. 58—63; 210, с. 57—64), включавшие три архитектурно-строительных горизонта от Каунчи-II до X—XII вв. н. э.

Таким образом, с поры Каунчи-II Ногайкурган вырос в крупное оседлое укрепление на базе вод Салара. В VII—VIII вв. продолжался его рост, однако наиболее интенсивно он развивается в X—XII вв.; территория по ареалу распространения находок достигала 30 га. Материалы более позднего времени на городище не найдены.

Майтепа. Городище расположено на юго-западной окраине Ташкента в местности Зангиата. Первичное обследование проведено в 1934 г. Г. В. Григорьевым, отметившим кладки из сырцового кирпича и мощные зольники. Основным материал городища автор относит к X и последующим столетиям, а в северо-восточной части он отмечает наличие культурных слоев с домусульманской керамикой (186, с. 12). В 1948 г. на городище найдены монеты, две из которых чеканены в Бенакете местным правителем караханидской династии в конце XII — начале XIII вв., третья, золотая, относится к концу XIII — началу XIV вв. (196, с. 157—160).

Наиболее полная характеристика памятника дана С. Б. Луниной и З. И. Усмановой на основе обследования в 1953 и 1954 гг. (313, с. 194—195). Расчищены остатки жилых домов с полами, вымощенными жженым кирпичом квадратного и прямоугольного стандарта $18 \times 18 \times 3$; $32 \times 16 \times 4$ см, характерного для IX—XII вв.

В перекрывающем слое вместе с чашами, покрытыми зеленой глазурью, найдены пастовые бусы. Этот слой характерен для XI—XII вв. Верхний культурный слой относился к XIII в.

Несмотря на определенное сокращение жизни, поселение в данном пункте существовало почти непрерывно до наших дней.

А₆ — территория западнее Ташкента, охватывавшая правобережную равнину Чирчика. Сужаясь, она проходит вплоть до впадения Чирчика в Сырдарью полосой преимущественно в 6—10 км. Здесь выявлено 28 памятников оседлой культуры (см. рис. 1, а, б, 162—189), выросших на базе вод как самого Чирчика, так и его отводов — Джуна и Куркульдука, естественное русло которого еще в древности было реконструировано и превращено в канал. Из общего числа памятников семь относилось к самым крупным. Опишем некоторые памятники.

Чангтепа. Это самое восточное городище. Оно расположено на землях колхоза «Ленинизм». Впервые обследовано в 1934 г. Г. В. Григорьевым (186, с. 43). В 1968—1969 гг. на периферии и в центре тепа проведены раскопки Г. Дадабаевым (203, с. 19). В 1974 г. исследование основного холма провел автор (148, с. 103—111).

Все материалы Чангтепа можно датировать II—XIII вв. н. э. К этому периоду следует отнести и материалы из раскопок Г. Дадабаева, ошибочно относившего нижние слои цитадели и средние слои поселения к VI—VIII вв. н. э. (203, с. 19).

Жизнь на поселении и в цитадели прекратилась после VI вв. н. э. и лишь с XI в. на руинах возродилась небольшая феодальная усадьба, функционировавшая до начала XIII в. (186, с. 43; здесь верхний слой датирован XIV в. н. э.).

Шаматеп. Городище расположено к югу от Янгиюля (см. рис. 2, а, б). Первичное обследование его проведено в 1934 г. Г. В. Григорьевым, отметившим культурные слои мощностью до 2 м и определившим его как пункт базара и сторожевое укрепление феодального периода при базаре (186, с. 44).

В 1974 г. автором проведено обследование памятника с небольшими зачистками. Общая площадь памятника 11—12 га. При раскопках шахристана вскрыт культурный слой мощностью до 3,5 м, включавший три строительных уровня с помещениями, стены которых сложены из пахсы и крупноформатного сырцового кирпича. Материал всех этапов однороден и характерен для Каунчи-II. В нижнем слое вскрыто погребение подбойно-катакомбного типа с труположением и инвентарем в виде сосуда времени Каунчи-I, железных черешковых однолезвийных ножей и стеклянных бус.

Нишбаштепа (Ниязбаштепа). Городище расположено к югу от г. Янгиюля на правом берегу Чирчика в бассейне канала Карасу. Памятник отмечен в 1934 г. Г. В. Григорьевым (186, с. 44). В 1968 г. стратиграфическое изучение проведено Бозсуйским археологическим отрядом (138, с. 40). Городище площадью до 5,5 га неправильной формы, вытянуто с севера на юг (см. рис. 2, б, 13). В восточном фасе — цитадель округлой формы, высотой до 16 м, занимавшая вместе с окружавшими рвами площадь в 1,5 га. С трех сторон, кроме восточной, его окружает поселение. Стратиграфическими шурфами на городище вскрыты культурные слои мощностью 8 м, состоявшие из трех архитектурно-строительных горизонтов, включавших материалы позднего Каунчи-I, II и материал мингурюкского комплекса.

Югантепа. Городище расположено северо-восточнее с. Ниязбаш (см. рис. 2, б, 12). Первичное обследование проведено в 1934 г. Г. В. Григорьевым, отметившим материалы от архаичной керамики до XIV в. (186, с. 44).

В 1953—1954 гг. наблюдение и раскопки были проведены Ташкентским областным краеведческим музеем (615). Они включали зачистку обреза и закладку четырех стратиграфических шурфов: первых двух — на территории городища, третьего — на холме поселения, четвертого — на центральном холме. В 1967 и 1970 гг. городище обследовалось автором (143, с. 52—55).

Зарождение оседлой жизни на территории Югантепа относится к периоду Каунчи-II, когда на выдававшемся в пойму Чирчика удобном месте выросло укрепление округлой формы, вокруг кото-

рого постепенно в период VI—VII вв. разрослось значительное неукрепленное поселение.

Мощность культурных слоев этого времени на городище достигала 1—3 м, а в замке — более 4 м. Временное запустение объяснялось последствиями, вызванными борьбой против арабского нашествия. Однако через непродолжительный период с IX—X вв. территория вновь стала обживаться и даже укрепляться довольно мощной крепостной стеной, охватившей на юге и неосвоенную ранее территорию. Застройка внутри, особенно вдоль центральных улиц, имела правильную планировку и включала и жилые дома, и ремесленные гончарные, кирпичеобжигательные и металлургические мастерские. Общая площадь города с замком, шахристаном и лежавшими между ними неукрепленными предместьями превышала 20 га. Последний интенсивный этап жизни на городище относился к XII — началу XIII вв. н. э. На городище не встречены более поздние материалы.

Безымянное тепа. Располагается на правом берегу р. Куркульдук. Ядром его является холм овальной в плане формы размером 50×30 м, высотой до 10 м. С севера и востока к нему примыкает поселение, разделенное руслом канала (см. рис. 2, а, 7).

На поверхности выявлена керамическая печь, водоем овальной формы размером 25×15 м. Общие размеры памятника 250×170 м. Раскопки не проводились, но по подъемному керамическому материалу поселение датировано VI—X вв. н. э.

Каунчитепа. Это второй по величине памятник указанной группы. Он расположен в южной части г. Янгиюля (см. рис. 2, б, 15). Впервые отмечен в 1934 г. и изучен Г. В. Григорьевым (186, с. 45; 187, 188). В 1970 г. исследование его продолжил Бозсуйский отряд (138, с. 41), а в 1976 г. — Шашилакская экспедиция Института археологии АН УзССР.

Становление жизни связано с формированием на Куркульдуке земледельческого поселения бургулюкской культуры, на месте которого в пору Каунчи-I выросло укрепление. Вокруг него возникло поселение, расцвет которого отнесен к Каунчи-II. В раннефеодальный период возможно продолжение освоения городища в тех же пределах, но затем жизнь на нем постепенно прекратилась.

Турткультепа-I. Оно расположено западнее г. Янгиюль. Первичная характеристика принадлежала Г. В. Григорьеву (186, с. 46). В 1977 г. изучение его проведено автором.

Городище подквадратной формы размером 400×400 м, лежит на левом берегу Куркульдука. Со всех сторон обнесено крепостной стеной, разрез которой показал, что она сложена из крупноформатного кирпича размером $46-52 \times 25-26 \times 10-12$ см. Толщина в основании достигала 8 м, сохранившаяся высота — также 8 м. Изнутри вплотную к стене примыкали комнаты с суфами, пострадавшие от пожаров. Они являлись помещениями для воинов. Материал представлен керамикой типа Каунчи-II.

А₇ — долина левобережья Чирчика от Газалкента до впадения его в Сырдарью — может рассматриваться как единый участок, так как представляет собой однородную равнину, образованную отложениями Чирчика и изрезанную впоследствии каналами, проложенными по его руслам. В верхнем отрезке она сжата адырами отрогов хребта Сюреньаты, ниже расширена до 12—15 км. Значительную часть территории в древности занимали рукава Чирчика, и лишь отдельные площади были освоены под оседлое земледелие, особенно в нижнем течении реки.

На этом участке зафиксировано 70 пунктов оседлой культуры (см. рис. 1, а, б, 190—259), в том числе два городища.

Городище Китайтепа. Оно расположено на берегу Чирчика в 3 км западнее Янгибазара. Представлено холмом округлой формы диаметром в основании 85—90 м и высотой 10 м и прилегавшим к нему с северо-востока неукрепленным поселением, площадь которого по ареалу распространения находок составила более 3 га. Материал холма и поселения представлен керамикой позднего Каунчи-II и мингурюкского комплекса.

Городище Кавардан. Оно расположено в одноименном селении: в 25 км к востоку от Ташкента (см. рис. 2, в, 18). Памятник выявлен в 1972 г. Чачилакским отрядом. Исследования проведены в 1973—1974 гг. (143, с. 86—99; 145, с. 70—87). Первичное обживание пункта относилось ко времени конца Каунчи-I и II, с появлением укрепления на месте цитадели, синхронного погребальным памятникам прилегавшей адырной зоны.

Освоение обширной территории на площади до 75 га отмечено в пору позднего Каунчи-II: были обжиты две крупные территории, укрепленные на втором этапе крепостными стенами с башнями, причем постройки и перекрывали погребения катакомбного типа, и были синхронными их поздней группе. Менее четко на городище выражены материалы мингурюкского комплекса, которые выявлены лишь в цитадели и раскопах на прилегавших к ней площадях. Однако нам не удалось определить четкие границы их распространения.

Последующий период — вплоть до XII в. — начала XIII вв. — прослеживался на обширной территории. Он представлен остатками жилой архитектуры, ремесленного, металлургического и гончарного производства и ирригационной системы. Однако мощность культурных наслоений в различных частях городища неодинакова. Наряду с плотной застройкой квартального типа выделялись обширные пониженные площади со следами слабой стационарной застроенности. За пределами стен городища лишь к западу от него возвышалось мощное всхолмление цитадельного типа высотой до 10 м, слои которого синхронны городищу, начиная с позднего этапа Каунчи-II.

А₈ — с севера бассейн замыкается долиной р. Келес, граничащей непосредственно со степью. В нижнем течении река делится на два русла: северное — Куруккелес, ныне высохшее, и южное —

действующее. В древности функционировали оба русла, но южное уже тогда было основным. На этом участке выявлено 15 оседлых пунктов (см. рис. 1, а, 260—274).

Шарапхана. Это самое крупное городище. Оно расположено в верхней трети реки на ее левом берегу (см. рис. 2, а, 8). Памятник подпрямоугольной формы, вытянут с востока на запад. Состоит из двух территорий: западной, наиболее возвышенной, размером 80×65 м и высотой 1,5 м и восточной размером 140×100 и высотой 0,5 м. Вокруг примерно на 1,5—2 га встречен керамический материал X—XII вв. н. э. (22, с. 145—146).

Б. Район междуречья Чирчика и Ахангарана. В географическом отношении его можно разделить на два неравных по площади участка — Б₁ и Б₂. Б₁ — основная территория на северо-востоке и востоке занята выполаживающимися предгорьями Чаткала, переходящими в адыры с локальными бассейнами Самсарексая, Паркентсая, Башкызылсая, Чаулисая, Курсая, удобными для отдельных городищ и поселений или их небольших групп, базирующихся на естественном орошении. Б₂ — второй небольшой участок на юго-западе от Уртасарая до Тойтепа — равнина, примыкавшая с северо-запада к древнему южному протоку Чирчика, ныне занятому руслом Карасу. Памятники здесь сосредоточены группами и базированы на искусственной системе орошения.

На участке Б₁ предгорий площадью более 800 км² выявлено 29 памятников оседлой культуры (см. рис. 1, а, 275—303). Среди них — три городища.

Калаиболо. Выявлено автором в 1963 г. в Заркенте (139, с. 66). Городище расположено на юго-западной окраине селения вдоль левого берега Заркентсая (см. рис. 2, б, 16). Общая площадь памятника более 10 га. Раскопки в Заркенте не проводились. Подъемный материал представлен керамикой VI—VIII вв. в укреплении и X—XIII вв. на всей территории городища, причем характерно обилие на всех этапах краснолощеной и красноокрашенной посуды.

Ишкурган. Выявлен в 1963 г. в Паркенте на левом берегу Паркентсая. Ядро городища возвышалось до 30 м, занимая площадь около 1 га (см. рис. 2, б, 14). Вокруг него на территории современного селения встречен материал на площади до 10 га. В результате раскопок, проведенных на городище в 1980 г. Г. И. Богомоловым под руководством автора, вскрыты слои частично VI—VII, затем X—XII и XV—XIX вв., а на периферии — до настоящего времени. Городище может быть представлено двухчастной формой цитадели и шахристана, степень укреплённости последнего неясна. Возможно, городская стена отсутствовала.

Калатепе (Искитепе). Городище зафиксировано в 1963 г. Чаткало-Кураминским отрядом в с. Намданак между Башкызылсаем и Еттыарыксаем (139, с. 68). Структурно оно близко к городищу в Заркенте. Общая площадь более 10 га. В подъемном материале керамика от Каунчи-II до XI—XII вв. (см. рис. 2, б, 17).

Площадь второго участка Б₂ относительно невелика — не более 200 км², но на ней зафиксировано 33 памятника (см. рис. 1, а, б, 304—336), в том числе два крупных.

Улькантойтепа — крупное городище на северо-западной окраине города Тойтепа (см. рис. 2, в, 20). Первичное детальное описание с историей изучения приведено М. Е. Массоном (344, с. 45—54), последующее — автором (123, с. 251—261; 130, с. 60—61; 143, с. 106—109). Общая площадь городища с прилегавшей неукрепленной территорией в момент наивысшего расцвета составляла не менее 200 га. Разнообразен материал VI—VIII вв. В цитадели он представлен мощными культурными слоями, а на неукрепленной части — сосудами и оссуариями. Аналогичные находки на неукрепленной территории встречались и ранее. Это сосуды и оссуарии вдоль Ислахатарыка к востоку от укрепленного ядра (344, с. 29, 54), каменная стелла и ажурная бронзовая пряжка с изображением танцовщицы в легкой ниспадающей одежде (344, с. 52—53).

Последующий период представлен более обширно. Для X в. мы встречаем керамические и стеклянные сосуды и металлические изделия в шахристане, а также в южном и западном пригородах.

Джумишказытепа. Расположено к югу от г. Тойтепа. Памятник отмечен без описания М. Е. Массоном (344, с. 56), обследован Шаш-Илакским отрядом в 1974 г. Ко времени осмотра автором городище было сильно разрушено, поэтому затруднительно восстановить его структуру. Нам удалось лишь собрать коллекцию материалов X—XII вв., зафиксировать гончарные мастерские того же времени и определить площадь памятника по ареалу распространения материала примерно в 10 га (см. рис. 2, г, 27).

Остальные памятники этого участка представлены небольшими поселениями, из которых наиболее крупное Турткультепа в Курсае — его площадь около 2 га.

В. Бассейн Ахангарана. Это третий крупный район Ташкентского региона. Он может быть разбит на три крупных участка: В₁ — узкая долина верховьев, В₂ — участок среднего течения от выхода из предгорий до Туябугузского водохранилища и В₃ — широкая равнина в низовьях Ахангарана.

В₁. Первый участок представлял собой узкую долину верховьев реки от ее истоков до выхода на равнину с небольшими плоскими террасами в местах впадения притоков — Акташа, Баксуксая, Нишбашсая, Карабаусая, в бассейнах которых имелись локальные террасы, удобные для земледелия как поливного, так и богарного. Здесь выявлено 18 памятников (см. рис. 1, а, 337—354), среди которых значительную группу составляли крупные городища.

Городище Безымянное. Открыто в 1966 г. на северной окраине современного г. Ангрена (см. рис. 2, в, 22). В 1960—1967 гг. изучение было проведено автором (129, с. 98—107; 143, с. 127—152).

Наиболее ранние следы оседлой жизни отмечены в трех пунктах раскопов 2, 4, 6. Первые два связаны с притоком, впадавшим в

Ахангаран, третий тянулся до самого русла реки. Все они составляли довольно обширное неукрепленное поселение, датируемое по комплексу керамики периодом Каунчи-II. С позднего этапа этого периода на поселении стали развиваться такие важные отрасли ремесла, как металлургия и металлообработка. В VI—VII вв. у впадения древнего притока Ахангарана была построена небольшая крепость замкового типа, возведенная на искусственной платформе из пахсы и кирпича. Восточной границей был берег Ахангарана, с севера и запада ее окружал искусственный ров, с юга — русло сая. Значительное расширение территории городища связано с периодом IX—X вв., материалы которого встречены на обширной площади. Для этого периода характерен заброс и частичное разрушение крепостных стен цитадели, на которых вырастают помещения и плавильные печи.

Последние материалы городища относятся к первому этапу караханидской эпохи, после чего на памятнике жизнь прекращается.

Дукенттепа. Это самое высокогорное в долине Ахангарана городище. Выявлено в одноименном селении в 8 км севернее г. Ангрена. В литературе упоминалась находка из этого пункта клада серебряных монет конца XIII—XIV вв. (217, с. 176—207; 218, с. 307), однако специальное обследование пункта с выявлением городища, сбором кладов монет и археологическим надзором проведено автором в 1959, 1962 и 1966 гг. (139, с. 78; 143, с. 153—157).

По материалу выявлено три этапа жизни. Первый представлен керамикой мингурюкского типа в цитадели. Со вторым периодом связаны основные наслоения не только цитадели, но и всего городища. Находки включали керамический материал и стеклянные изделия X—XII вв., каменные жернова, жженные кирпичи стандарта 29—30×14—15×4 см, витые серебряные браслеты и небольшой клад из 5 дирхемов конца XI—XII вв. Третий этап представлен отдельными находками керамики XV—XVII вв. и тремя кладами монет XIII—XVI вв. н. э.

Таким образом, начало оседлой жизни на месте цитадели можно отнести к VI—VII вв. н. э., а наиболее интенсивное освоение всей территории городища — к IX—XII вв. н. э. с последующим, хотя и менее интенсивным обживанием вплоть до XVI—XVII вв. н. э.

Кургантепа. Городище расположено в устье Нишбашсая, левого притока Ахангарана близ г. Ангрена (см. рис. 2 в, 25). Первичные раскопки проведены в 1960 г. Д. П. Вархотовой и В. А. Нильсеном, выделившими три периода его обживания от первых веков н. э. до XII в. (536, с. 14). В 1962 и 1963 гг. на городище найдены два клада медных и серебряных монет X—XI вв. В 1963 г. О. М. Ростовцевым из обрезов цитадели извлечены кремневые палеолитические орудия. В том же году памятник осмотрел автор в связи с находкой крупной терракотовой скульптурной детали. На цитадели собрана коллекция кремневых орудий, керамика X в., обломки стеклянных сосудов. Далее по руслу сая найдена

нижняя часть крупного жернова из красного порфирита, вероятно, служившего для размола руды с использованием силы движущейся воды сая. Прослежен специально подходивший к рудодробилке отвод сая.

В 1966—1967 гг. мы провели съемку основной территории городища и небольшие стратиграфические раскопки (143, с. 115—125).

Пункт впервые был обжит еще в пору палеолита. Вторично он обживался со второй четверти I тыс. н. э., когда на холме, выходящем к сая, появилось поселение каунчинской культуры, которое, однако, носило и ферганские черты. В раннефеодальную пору оно перерастает в небольшое укрепление замкового типа. В IX—X вв. вокруг первого разрастается второе укрепление и небольшое неукрепленное предместье общей площадью в 16 га. Последний этап жизни города по археологическим материалам отнесен к XI в. н. э.

Городище Аблык. Оно расположено в одноименном селении (см. рис. 2, в, 23). Об отдельных находках из этого селения сообщал в конце прошлого столетия М. С. Андреев (41), затем В. И. Массальский (324, с. 619) и М. Е. Массон (344, с. 40), но руины городища выявлены в 1962 г. автором (130, с. 123—151).

Формирование пункта проходило в удобном месте: у створа Ахангарана и его притока на холмистых лёссовых террасах, перекрывавших галечниковую подушку. Хронологически начало обживания относилось к концу VIII — началу IX вв., а расцвет — к IX—X вв. Структурно Аблык отличался от описанных выше городищ. Он не содержал мощных культурных наслоений, не имел четкой схемы членений. Кроме того, мы не нашли здесь явно выраженной цитадели и не смогли отчленить шахристан от пригородов.

Центральным ядром являлся южный сектор с сооружением, сохранившимся в виде высокого всхолмления. Вокруг него наиболее густая застройка и богатый бытовой инвентарь. Окраины заселены значительно реже. Более мощные культурные наслоения отмечены для юго-западного сектора, отчасти за счет обживания этого района в последующий период, включая XIV—XVI вв.

В₂. Второй участок бассейна Ахангарана начинался от выхода реки из предгорий на востоке до Туябугузского водохранилища на западе. Это неширокая полоса длиной 60 км и шириной 3—6 км, сжатая на севере адырами отрогов Южного Чаткала, на юге — Кураминским хребтом. Холмистые террасы, перерезанные руслами притоков Ахангарана, в основном представляли собой, особенно в западной части, локальные, удобные для орошаемого земледелия площади. На этом участке зафиксировано 63 памятника оседлой культуры (см. рис. 1, а, 355—417), из них восемь крупных.

Увайттепа. Городище расположено на правом берегу Ахангарана в одноименном селении. Памятник отмечен в 1929 г. М. Е. Массоном (344, с. 59). Городище площадью около 5 га неправильной прямоугольной формы, вытянутое с севера на юг (см.

рис. 2, г, 28). В южной части — цитадель площадью 0,5 га, также подпрямоугольной формы. Раскопки не проводились. Памятник датирован X—XII вв. н. э.

Севильтепа (Мунчактепа). Городище расположено на высокой второй надпойменной террасе левого берега Ахангарана. Ядро — подчетыреугольной формы размером 150×180 м, высотой 10 м (см. рис. 2, в, 21). По периметру — выступы пяти башен, с юга — вход в виде пандуса. С севера дополнительная площадь окружена подковообразной стеной с семью башнями, из которых северо-западная далеко вынесенная башня в виде форта размером 10×10×14 м. С востока и запада городище ограничено руслами сав. С юга подступали предгорья хребта. Общая площадь городища 11,2 га. Структура двухчастная. Раскопки памятника не проводились. Но в цитадели и шахристане найдена керамика VII—XI вв. н. э., а в последнем, помимо этого, зафиксированы следы ремесленного производства — металлические и гончарные шлаки, железная крица, жернова и терки, расколотые каменные молоты, применявшиеся для дробления руды при ее обогащении.

Имлак. Это самое крупное городище. Первые сведения об археологических находках в этом районе собраны в конце XIX в. М. С. Андреевым (41). Руины древнего городища упомянуты в 1926 г. С. Ф. Машковцевым (359, с. 67). В 1928 г. П. Т. Князев зафиксировал шлаковые отвалы городища, с 1929 г. обследуется М. Е. Массоном, а в 1934 г. им совместно с В. Д. Жуковым было проведено детальное обследование памятника, а топографом К. И. Лехновичем снят его план (344, с. 70—93) (см. рис. 2, г, 30). С 1959 по 1961 г. исследование городища проводилось автором (126, с. 76—123). Самое раннее поселение здесь появилось на берегу Ахангарана под защитой естественной системы всхолмлений в середине I тыс. н. э.

Появление укреплений площадью 17,5 га и освоение всей площади внутри них отнесено к VI—VII вв. н. э. Этим временем датированы и первые ремесленно-металлургические мастерские и монументальный комплекс в цитадели, от которого сохранился стилобат площадью в 100 м². В IX—X вв. площадь городища значительно увеличилась. Границы обжитой территории составили почти 180 га, но из них освоенной была лишь треть. К юго-западу и востоку от укреплений выявлены мощные отвалы металлургических шлаков, датированные концом IX — началом X вв. н. э.

Анализы шлаков и обогащенной руды привели к выводу об использовании полиметаллических руд с содержанием железа, меди, свинца, серебра, золота. Таким образом, ремесленники Имлака обрабатывали и железо, и цветные и благородные металлы. Выявлены следы керамического и стеклодувного ремесла. Материалы последующего времени незначительны, они ограничивались керамикой и монетами, преимущественно первой половины — середины XI в. Материалы конца XI—XII вв. встречались довольно редко.

Кульата. Городище расположено юго-западнее г. Алмалыка на левом берегу Ахангарана у южной окраины одноименного селения (см. рис. 2, г, 29). Следы древнего завода отмечены в 1928 г. участниками геологического съезда в связи с осмотром шлаковых полей Кульата (360). В 1934 г. городище обследовал М. Е. Мас-сон, также выявивший следы металлургических ремесел (344, с. 93—96). Первые раскопки на памятнике проведены автором (143, с. 158—170), в результате чего были определены основные рамки жизни городища — в пределах от первой половины I тыс. н. э. до начала XIII в. и динамика развития металлургического ремесла. Однако многие важные вопросы, связанные с этапами развития этого крупного ремесленного центра, остались невыясненными. Поэтому в 1977 г. на городище провели дополнительные археологические исследования, позволившие по-иному оценить площадь памятника и соотношение его составных частей, заложили раскопы в укрепленном ядре и на периферии городища (147).

Первоначально площадь городища была определена в 30 га. Однако при работах 1977 г. мы выявили дополнительную стену, протянувшуюся вдоль предместья в западном направлении почти на 600 м, а на востоке слившуюся с естественной грядой основания цитадели. Она окружала территорию площадью около 20 га. Общая площадь памятника с учетом вновь выявленной стены стала определяться в 50 га.

Первое поселение на месте Кульата появилось в период Каунчи-I. Оно расположено вдоль протока, питавшегося родниками. Впоследствии его территория расширилась почти по всей площади городища, причем были прослежены следы металлургического производства.

Слои VI—VII вв., связанные с появлением крепостных стен толщиной более 6 м, ограничивались лишь территорией цитадели и шахристана. Затем городище вновь было полностью освоено. Однако густота освоения отдельных площадей для различных этапов жизни неодинакова. Наблюдалось перемещение на новые участки ремесленно-металлургических мастерских (147, с. 38—42). После запустения городища в начале XIII в. становится обжитой лишь его центральная часть.

Янгитепа. Городище расположено в 6 км к северо-западу от Кульата. Памятник выявлен Шаш-Илакской экспедицией в 1977 г. Он подпрямоугольной формы, вытянут с юга на север на 700 м, с востока на запад — до 200 м (см. рис. 2, в, 24). Общая площадь 14 га. В северном фасе — укрепленное ядро в виде прямоугольника размером 46×32 м и высотой до 30 м, отделявшееся от остальной территории рвом. Стены, окружавшие городище, выявить не удалось. Раскопки не проводились. В подъемном материале встречена керамика от позднего этапа Каунчи-II до начала XIII в. На прилегавшем к замку поселении найдены обломки керамического и металлического шлака.

Дунгулактепа (Дунгуздактепа). Оно расположено к западу

от Янгитепа. Впервые отмечено в 1934 г. М. Е. Массоном (344, с. 97) и обследовано автором в 1972 г. Памятник расположен на левом берегу Гиджигена у впадения в него Курсая близ с. Кашка. Состоял из дугообразной в плане цитадели площадью до 1,5 га и высотой до 20 м и двух несколько неправильной формы территорий площадью 5,5 га, окруженных фрагментарно сохранившимися линиями оборонительных стен (см. рис. 2, г, 31). Раскопки не проводились. Подъемный материал цитадели датирован VI — началом XIII вв. н. э., а городища — IX — началом XIII вв. н. э.

Пушти Махмуд. Городище расположено ниже по течению р. Ахангаран. Впервые упомянуто в начале XX в., отмечено в 1934 г. М. Е. Массоном (344, с. 64—66), в 1961 г. обследовано автором (139, с. 100). Ядром его был холм Пушти Махмуд (Боло Пушти), вытянутый с севера на юг в виде неправильного овала площадью 3 га, ограниченного оврагами глубиной 8—20 м (см. рис. 2, г, 32). В восточной части овальная в плане цитадель площадью 0,5 га. Возможно, овраги были рвами, разделявшими отдельные части городища. Общая площадь его по ареалу распространения материала превышала 10 га. Памятник занят современным кладбищем. Раскопки не проводились. Самый ранний материал, найденный на городище, — керамика VI—VIII вв. н. э. Основной комплекс составляли материалы X — начала XIII вв. н. э. К западу от древнего ядра найдена керамика XIV—XVII вв. н. э. Еще западнее, в составе кварталов современного города Искиурдамахалля, Саккомахалля, Базарбоши, Барданкурбан встречены материалы XVI—XVIII вв. н. э.

Актепа. Городище выявлено в 2 км к югу от Пскента на левом берегу старого русла Ахангарана. Впервые отмечено в 1934 г. М. Е. Массоном (339, с. 67). В 1964 г. обследовано автором. Ядро городища — подпрямоугольная в плане цитадель размером 120×110 м, высотой до 25 м (см. рис. 2, г, 33). К западу от нее шахристан площадью 2,5 га и высотой до 3,5 м. Валы укрепления не прослежены. Керамический материал встречен также к югу и северу от цитадели, но ареал распространения незначителен, до 1,2 га. Раскопки не проводились. Подъемный материал от поры Каунчи-I, II до XI в. н. э.

Вз. Третий участок бассейна Ахангарана включал площадь его низовий, протянувшуюся более чем на 400 км² от г. Пскента на востоке до р. Сырдарьи на западе. С юга на север он охватывал протоки Ахангарана шириной в 20 км от южного иссыхающего его рукава Гиджигена до современного русла реки. На этом участке выявлено 70 памятников оседлой культуры (см. рис. 1, 418—487), в том числе 13 крупных.

Кендыктепа. Городище расположено на северо-востоке описываемого участка в зоне Туябугузского водохранилища. Впервые памятник изучался в 1959 г. В. И. Нильсеном и Т. Агзамходжаевым, выявившими лишь его цитадель и первый шахристан, трактованные как укрепленное поселение (389, с. 117—118; 535, с. 32).

В 1971 г. памятник обследован автором, цитадель — В. И. Спришевским (464, с. 49—50), в 1972—1975 гг. раскопки проведены автором (344, с. 177—183).

Наиболее четкие материалы по стратиграфии памятника получены в цитадели. Раскоп до материка не доведен, но в обрезах цитадели найдены материалы бургулюкской культуры, а в верхнем — слои XV в. н. э.

В шахристане I расчищены гончарные печи цилиндрической формы с керамикой позднего Каунчи-I и II (раскоп 2). Вместе с ними встречены монеты усрушанского правителя Раханча-II, самаркандских правителей Гурека и Тургара. Период с VIII по начало IX в. представлен серебряными монетами бухархудатского типа с именем Мухаммада ал-Махди, медными аббасидскими фельсами Мабада, ал-Джунейда ибн-Халида, Гассана ибн-Аббада, тюркешскими монетами. Конец IX—начало XIII вв. н. э., помимо культурных напластований с керамикой в цитадели, шахристана и частично шахристана II, также представлен большим количеством монет и целых монетных кладов (211, с. 121—144).

Аккурган. Городище расположено ниже Кендыктепа по течению Ахангарана, на левом берегу реки в северной части современного г. Аккургана. Впервые отмечен нами в 1967 г. (143, с. 39—42). Его общая площадь около 30 га (см. рис. 2, в, 26). Толщина культурных наслоений достигала 15 м. В нижнем слое прослежены строения с керамикой каунчинского типа. Аналогичные материалы встречены и в шахристане I. Материалы VI—VII вв. н. э. представлены на более обширной площади. Этим временем датированы монументальные крепостные стены из кирпича, прослоенного пахсой, и многочисленные керамические остатки. Последние встречены и в шахристане I и II. Их перекрывали слои IX—XII вв., не только охватившие территорию цитадели и шахристанов, но и распространившиеся на запад.

Значительная группа памятников крупных размеров зафиксирована южнее Ахангарана вдоль русла Карасу II.

Бука. Городище расположено на северной окраине одноименного города (344, с. 115—117). Ядро его возвышалось на правом берегу протока Карасу в виде холма, обрытого со всех сторон и, вероятно, имевшего в основе подпрямоугольную форму (см. рис. 2, г, 34). Высота холма свыше 20 м, площадь более 6 га. Раскопки городища не проводились.

В обрезах прослежены монументальные кладки из прямоугольного кирпича размером $32 \times 16 \times 3-4$ и $24 \times 24-4$ см. В подъемном материале встречена керамика от поры Каунчи-II до XIX в., фрагменты изделий из стекла, бронзовый чираг. Вокруг городища материал встречался на площади более 4 га. Памятник усложненной конфигурации. Общая площадь его свыше 10 га, в том числе укрепленная — более 6 га. Нам не удалось выявить цитадель внутри городища вследствие густой застройки площади в XVI—XIX вв.

Зарождение жизни памятника можно отнести к первым векам н. э. Однако наиболее мощные культурные слои, охватившие всю его площадь, датируются IX — началом XIII вв. н. э.

Тепа в совхозе им. Мичурина. Городище расположено в 15 км к юго-западу от Буки, на правом берегу самого южного протока Ахангарана Гиджигена (см. рис. 2, г, 36). Памятник выявлен в 1967 г. (131, с. 40—41). Судя по подъемному материалу, формирование его относилось к VI—VIII вв., однако дальнейший рост пункта ограничивался: материалы IX—X вв. занимали ту же площадь, а слои XI—XII вв. были уже незначительными.

Мазартепе-1. Расположено на правобережной террасе р. Гиджиген, с востока ограничено небольшим саем (см. рис. 2, д, 39). Ядром является четырехугольный холм размером 40×35 м, высотой 4 м с понижением в центре. С трех сторон, кроме западной, его окружает шлейф неукрепленного поселения. На востоке он завершается отдельно стоящим строением размером 20×15 м, высотой до 4 м. Общие размеры поселения 250—160 м. Раскопки не проводились. Подъемный материал незначителен. Он представлен неглазурованной керамикой VI—VIII вв. н. э.

Мазартепе-2. Расположено на лёссовом останце террасы левого берега р. Гиджиген (см. рис. 2, д, 40). Поселение подквадратной формы размером 200×200 м. Ориентировано с северо-запада на юго-восток. В северо-западной части — укрепленное ядро 60×50 м, возвышающееся над рекой до 14 м. Шлейф, отделенный ровом шириной до 5 м, соединялся с ядром с помощью пандуса. Сохранились остатки укрепления шлейфа. Раскопки не проводились. Подъемная керамика датирована VI—VIII вв. н. э.

Санчиктепа. Городище выявлено Шаш-Илакской экспедицией в 1975 г. Оно расположено к северо-западу от описанного в с. Янгикурбан. Памятник охватывал всхолмление левого берега Карасу площадью 5,5 га (см. рис. 2, е, 50). Он состоял из укрепления — цитадели и двух примыкавших к ней территорий, вытянутых с северо-востока на юго-запад. Основная площадь 260×150 м, высота 1,5—2 м. В северной части цитадель округлой формы высотой 14 м с плоской вершиной площадью 0,5 га. С востока примыкала более пониженная территория размером 160×100 м. Раскопки не проводились. Подъемные находки представлены разновременной керамикой от VI до IX—X вв. н. э.

Безымянное в к-зе «Фрунзе». Памятник расположен на лёссовом адыре левого берега р. Гиджиген (см. рис. 2, е, 51). Общая площадь его примерно 300×140 м. В юго-западной части укрепленное ядро в виде четырехугольника размером 60×50 м, ориентированного с северо-запада на юго-восток. Остальная территория не укреплена. Высота под поймой реки доходила до 10 м. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен лепной и станковой неглазурованной посудой — от середины I тыс. — до VIII в. н. э.

Канка. Это крупнейший в районе памятник. Расположен на левом берегу Карасу. Впервые отмечен в литературе середины прошлого столетия. История изучения его приведена М. Е. Массоном, исследовавшим памятник в 1934 г. (344, с. 105—114). В 1957 г. обследование проведено автором. В 1969—1972 гг. начаты первые стратиграфические раскопки К. А. Абдуллаевым (16, с. 128—154). С 1974 г. проводятся стационарные работы автором (143, с. 31—38; 213, с. 59—109) (см. рис. 2, д, 42).

Общие размеры городища с пригородами превышали 200 га. Исследование памятника только начинается. К настоящему времени полностью изучен верхний архитектурно-строительный горизонт цитадели (раскоп 4), представлявший собой крупную феодальную городскую усадьбу правителя города XI—начала XII вв., встроенную в руины более ранних крепостных сооружений.

Частично исследован подстилающий его более ранний монументальный архитектурно-строительный комплекс, включавший сложную систему укреплений с выносными галереями, помещениями типа ловушек, жилой и культовый комплекс, объединенные системой обводных коридоров. Сооружение возведено из пахсы и крупноформатного сырцового кирпича размером $44\text{—}52 \times 25\text{—}28 \times 9\text{—}12$. Оно подвергалось многократным ремонтам и перестройкам и может быть датировано IV—VIII вв. н. э. Более ранние слои не вскрывались. В шахристане I проведено стратиграфическое изучение западного фаса крепостной системы с вскрытием самых древних для городища слоев с материалом типа Афрасиаб-II (раскоп-1). Кардинальная реконструкция их относилась к первым векам н. э., возведение новой оборонительной системы — к середине I тыс. н. э. с формированием монументального комплекса, вероятно, общественного назначения. Их перекрывали жилые хозяйства караханидской эпохи.

В центре шахристана раскрыт фасад крупного сооружения, сложенного из сырцового кирпича размером $55 \times 55 \times 13\text{—}14$ см, оформленный декором полихромной стенной росписи, барельефами резной глины и фигурным жженым кирпичом. Кирпич с тамгами, среди которых имелись аналогичные знакам на монетах Чача III—V вв. н. э. По материалу комплекс датирован V—VI вв. Он перекрыт жилыми постройками караханидского времени (раскоп 10).

В шахристане II изучены крепостные стены из пахсы и крупноформатного сырцового кирпича VI—начала VII вв. н. э. (раскоп 3) и прослежена стратиграфия культурных наслоений. Культурные слои мощностью до 10 м позволяют отнести первичное освоение этой территории к первым векам до н. э., но основные наслоения — к первой половине I тыс. н. э. с частичным последующим обживанием вплоть до конца XI—начала XII вв. н. э. (шурф).

Значительные раскопочные работы проведены в шахристане III. Здесь частично исследовано квадратное сооружение

типа караван-сарая VIII—XI вв. н. э. (раскоп 2), к юго-западу от него вскрыто не менее шести городских хозяйств X—XI вв., включавших 27 помещений, дворики, часть улицы, сделано два разреза крепостных стен, проведено вскрытие оборонительной башни и монументального комплекса поры поздней античности и раннего феодализма (раскоп 6, 7).

За пределами города вскрыт комплекс керамических мастерских поры раннего феодализма (раскоп 8) (14, с. 83—92). Исключительный интерес вызвала находка в раскопках и подъемном материале медных монет местного чекана, которые датированы III—IV вв. н. э. (344, с. 27, 113), но есть мнение о датировке их и более ранним временем (328, с. 80, пр. 9). Обильно представлены монетные находки X—XI вв. н. э., особенно медные фельсы и серебряные дирхемы. Среди них интересен клад из 23 караханидских дирхемов чачского чекана (12, с. 71—73). В пониженной западной части шахристана III найден клад из 20 серебряных динаров и дирхемов, чеканенных в 20-х годах XIV в. В южной пригородной части Канки при планировке полей найден каменный винодельческий пресс-тарапан, золотые украшения и монеты VI—XI вв. н. э.

Как показали материалы стратиграфических шурфов и разрезов крепостных стен шахристанов, городище функционировало по крайней мере с III в. до н. э. до конца XI либо начала XII в. н. э., разрастаясь с 6,5 до 220 га (с пригородами).

Кыркджангитепе. Городище расположено ниже по течению Карасу в 3,5 км к северо-западу от Канки в с. Эльтамгалы (см. рис. 2, *д*, 43). Впервые памятник отмечен в 1900 г. членом ТКЛА Б. Илькиным, в 1934 г. обследован М. Е. Массоном (344, с. 104—105), в 1966 г. — автором (143, с. 38—39). Раскопки городища не проводились. Судя по наблюдениям за обрезами, культурный слой местами достигал мощности более 3 м. Основной материал относился к VI—VIII вв. Он представлен характерными формами неполивной керамики, богато орнаментированным оссуарием овальной формы (344, с. 105). Керамика IX—XI вв. встречена на всей территории шахристана, но культурный слой незначителен. Материалы последующего времени на городище не зафиксированы.

Ошхонатепе. Городище расположено на левом берегу Карасу ниже Кыркджангитепе. Оно выявлено в 1975 г. при работах Шаш-Илакской экспедиции (см. рис. 2, *е*, 53). Городище подпрямоугольной формы, вытянуто с севера на юг. Размеры сторон 470 × 230 м, высота над окружающей поверхностью 10 м. Снаружи окружено валом и рвом глубиной в 2 м, шириной до 25 м. Внутри рельеф холмистый. Раскопки памятника не проводились. Подъемный материал незначителен — укладывается в рамки VII—XII вв. н. э.

Культепа. Памятник расположен в 0,5 км южнее Ошхонатепе. Выявлен в 1975 г. Шаш-Илакской экспедицией (см. рис. 2, *е*, 52). Структурно состоит из двух частей — шахристана подквадратной в плане формы размером 240 × 230 м и высотой до 7 м с квадратной цитаделью в центре размером 100 × 100 м и высотой до 13 м.

По фасам цитадели прослежены башни округло-овальной формы. Шахристан окружен рвом. Раскопки не проводились. Находки незначительны, но характерны для IX—XII вв. н. э.

Югантепа. Оно расположено на лёссовой террасе с. Карасу на землях с-за «Аккурган», включая округлый холм размером 75×65 м и высотой до 15 м (см. рис. 2, е, 55). К нему примыкает неукрепленное поселение. Общие размеры его составляют 270×160 м, высота в восточной части до 3 м, в западной — до 8 м. Раскопки не проводились. По подъемному керамическому материалу датируется в пределах VII—XII вв. н. э.

Г. Городища и поселения на правом берегу Сырдарьи

Четвертый участок представлен узкой полосой правобережья Сырдарьи от Бекабада на юге до Чардарьинского водохранилища на севере, в который включено и низовье южного пересохшего русла Ахангарана — Гиджигена. Это холмистая площадь, пересеченная ниспадающими к Сырдарье отрогами адыров, оврагами и руслами иссыхающих протоков. Для оседлой жизни удобны локальные участки. На этой площади зафиксировано 44 памятника (см. рис. 1, а, 488—531), в том числе 14 крупных. Охарактеризуем их.

Учтепа. Городище выявлено археологическим отрядом Музея истории народов Узбекистана в 1963 г. на юго-западной окраине оазиса в с. Хас (см. рис. 2, д, 49) (152, с. 46—47). Оно представляет собой три локальных холма площадью 0,25 га, объединенных шлейфом неукрепленной обжитой территории. Общая площадь 5,75 га. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен керамикой и жженым кирпичом XII—XIV вв.

Дальверзинтепа. Городище открыто автором в 1963 г. в с. Джумабазар. Общая площадь более 12 га (см. рис. 2, е, 58). Раскопки не проводились, но в подъемном материале собрана керамика от Каунчи-II до XIV—XVI вв. н. э. (152, с. 46—48).

Находка монет (338, с. 9) и каунчинского материала позволили отнести становление жизни городища к первой половине I тыс. н. э., расцвет жизни — к X—XII вв. н. э. Однако городище функционировало и в последующие столетия. Прекращение жизни можно связать с передвижением русла Сырдарьи.

Безымянное тепа. Памятник расположен на землях с-за «Гулистан», на лёссовой террасе дневного протока Ахангарана (см. рис. 2, г, 37). Площадь его составляла 400×220 м. Ядро — холм неправильной формы размером 50×50 м, высотой до 8 м с четырехугольной возвышенностью в северной части размером 20×20 м. С трех сторон, кроме северной, полукольцом его окружал шлейф неукрепленного поселения. В его юго-западной части возвышалась отдельно стоявшая башня. Севернее холма сохранилась отделенная от него рвом восьмиметровой ширины площадка неправильной формы размером 50×30 м с небольшим возвышением в за-

падной части. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен неполивной керамикой, в основном лепной, датированной в пределах IV—VII вв. н. э.

Кургантепа-2. Памятник вытянут с северо-востока на юго-запад (см. рис. 2, д, 49). Его площадь 300×200 м. Ядром его является квадратное укрепление размером 50×50 м в северо-восточном углу высотой до 8 м со следами фортификационных сооружений. К западу от ядра углубление типа хауза размером 60×50 м, глубиной до 4 м. Шлейф поселения не укреплен. Раскопки не проводились. Подъемный керамический материал в пределах VI—X вв. н. э.

Чанактепа. Это городище расположено в одноименном селении на берегу старицы Сырдарьи. Первые сведения о памятнике без визуального его обследования сообщены в 1953 г. М. Е. Массоном (344, с. 39). В 1962 г. городище осмотрено со сбором материала и съемкой плана автором (139, с. 101). Структурно состояло из двух площадей: мощного укрепления в виде холма подпрямоугольной формы с закругленными углами размером 70×75 м и высотой 15—17 м и примыкавшей к нему со всех сторон неукрепленной площади размером 200×135 м. Раскопки не проводились. Подъемный материал датирован IV—VI и XI—XII вв. н. э.

Шаркия. Это крупное городище расположено на правом возвышенном берегу Сырдарьи у впадения в нее Карасу (см. рис. 2, г, 38). Памятник неоднократно осматривался специалистами и любителями археологии. Первое обследование производилось в 1876 г. Д. К. Зацепиным, в 1894 и 1896 гг. — Е. Т. Смирновым (448, с. 134, 253). И. А. Беляевым были сняты фотографии городища. Однако затем интерес к памятнику заглох. В 1957 г. он обследован автором. Первые раскопки его проведены в 1973—1974 гг. и затем в 1978—1979 гг. Шаш-Илакской экспедицией под руководством автора (143, с. 4—30). В 1979 г. В. И. Петровым был снят полуинструментальный план городища. Общая площадь памятника более 140 га, причем часть его смыта рекой. Как показывают материалы, ядром городища служила территория I, представлявшая собой укрепление, вероятно, квадратной формы времени Каунчи-I и II. Такие же размеры городище имело и в VI—VIII вв., но с IX в. оно разрастается, охватывая шахристан 2 и отчасти шахристан 3. В XI и особенно в XII — начале XIII вв. была обжита территория всех трех шахристанов. Затем наблюдается упадок. Материалы конца XIII — середины XIV в. найдены лишь в шахристане I. Затем вновь происходит освоение всей территории городища. Верхние слои датируются XVII — началом XVIII вв.

Актепа. Памятник расположен в равнинной части низовьев Ахангарана близ его левого берега (см. рис. 2, д, 41). Общая площадь его более 6,5 га. Структурно памятник состоит из двух частей: цитадели пятиугольной формы, вытянутой с северо-востока на юго-запад, общей площадью 1,2 га и высотой до 16 м. В се-

веро-восточной части ее — возвышение замка, в юго-западной — пониженная площадь двора. С юго-запада — шахристан, отделенный широким понижением рвом, подпрямоугольной формы длиной до 320 м, шириной 100—200 м, высотой до 5 м. Раскопки не проводились.

В культурном слое шахристана вскрыты зольники с неполивной керамикой — лепной и станковой, характерной для поздне-каунчинского и мингурюкского комплексов.

Турткультепа-2 (Шахарбобо). Оно расположено ниже Актепа по течению Ахангарана на левом берегу, также близ устья в стратегически удобном месте на высоком всхолмлении, с двух сторон прикрытом руслами рек и дополнительными искусственными рвами (см. рис. 2, д, 47). Выявлено в 1975 г. Шаш-Илакской экспедицией. Вытянуто с северо-запада на юго-восток вдоль Сырдарьи на 750 м при ширине более 300 м. Высота шахристана — до 18 м. В северной части его подквадратная в плане цитадель размером 75×80 м и высотой до 22 м. Севернее, отделенная рвом вторая площадь шахристана также прямоугольной формы. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен керамикой поры Каунчи-II и VI—VII вв. н. э.

Югантепа-2. Памятник расположен на левом берегу р. Карасу. Его площадь более 5 га. Форма неправильная (см. рис. 2, д, 44). Ядром является подтреугольный холм размером 70×50 м и высотой до 14 м, вытянутый с севера на юг. Снаружи с двух сторон, кроме северной, западной и северо-западной располагается отделенный от ядра рвом шлейф в форме трех территорий холмов размером 240×200 м и высотой 6—8 м. Возможно, он также был обнесен стеной, по крайней мере с востока, с остальных сторон ни стена, ни башни не прослежены. Раскопки памятника не проводились. По подъемному материалу его можно датировать от VII—VIII до XI в. н. э.

Безымьянное тепа. Памятник расположен на равнине к югу от левого берега Колганчирчика (Старый Чирчик). Ядром является округлый холм диаметром 65×65 м, высотой до 8 м, окруженный шлейфом неправильной формы, вытянутым с северо-востока на юго-запад, поднимающимся до 2—4 м. Общая площадь около 8 га. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен лепной и станковой посудой от второй половины I тыс. до XI—XII вв. н. э. и жженым кирпичом размером 32×16×4 см.

Зангартепа. Оно расположено на равнине левобережья Колганчирчика (см. рис. 2, д, 46). В центре холм размером 40×30 м, высотой до 12 м, расположенный на площадке размером 240×100 м, вытянутой с юга на север. Вокруг подковообразный шлейф, отделенный понижением шириной 30—60 м. Сохранились две территории шлейфа неправильной формы без следов укреплений общим размером 350×290 м. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен лепной и станковой керамикой от начала до конца I тыс. н. э.

Каратепе. Памятник, значительно разрушенный к настоящему времени, сохранил часть укрепленного ядра, составлявшего, вероятно, прямоугольник размером 100×70 м, высотой до 12 м и шлейф к югу от него. Общие размеры 340×220 м. Раскопки не проводились. Подъемный материал представлен керамикой, в которой выделяются комплексы VII—VIII, XI—XII и XVI—XVIII вв. н. э.

Турткультепа-3 (Унджакет). Зафиксировано автором в 1971 г. в низовьях Чирчика в с. Гуль в 1,5 км выше впадения его в Сырдарью между основным руслом и протоком Колганчирчиком (см. рис. 2, е, 56). Раскопки проведены в 1972 г. (143, с. 43—47). Установлено, что пахсовые стены цитадели возведены на искусственно-м цоколе. Они функционировали с конца IX—X вв. до начала XIII в. К этому же времени отнесены основные наслоения шахристана. И цитадель, и шахристан погибли от пожара. Их перекрывал незначительный слой XV—XVII вв. н. э.

Городище Чиназ. Первично обследовано в 1934 г. Г. В. Григорьевым, снявшим схематичный план цитадели и шахристана и собравшим материал X—XII вв. н. э. (186, с. 8—12, 47). В середине 50-х годов кафедрой археологии ТашГУ осуществлен археологический надзор, собраны материалы X—XII вв. (313, с. 193—194). В это же время в Институт истории и археологии АН УзССР поступили витые серебряные браслеты X—XI вв. (154, с. 116—119). А в 1960—1961 гг. Музеем истории АН УзССР собран уникальный по весу и обилию вариантов клад серебряных монет, преимущественно саманидских, общим весом 11,9 кг.

В 1970—1971 гг. изучение памятника проведено отрядом Института археологии АН УзССР (132, с. 44—47). Оно включало определение границ городища со съемкой плана и изучение его стратиграфии. Общая площадь его составляла около 50 га (см. рис. 2, д, 45).

Хронология прослежена стратиграфическим шурфом (размером 4×8 м) в северо-восточном фасе городища. Керамика I-й половины I тыс. н. э. из могильника на северной границе городища позволяет предполагать появление в это время поселения, на базе которого в VI—VII вв. н. э. выросло укрепление с цитаделью, окруженное двойной стеной.

Материалы IX—XII вв. найдены на обширной территории площадью в 50 га.

Более поздние материалы представлены на городище случайными находками. В основном они концентрируются к юго-западу от памятника на месте современного с. Чиназ.

Актобе-2. Расположено на возвышенности лёссового берега р. Сырдарьи в 15 км выше пос. Чордорастрой. Городище размером 325×115 м (см. рис. 2, е, 59) структурно состоит из трех частей: шахристана, обнесенного с трех сторон валом и со стороны реки стеной, вытянутого вдоль реки укрепления — цитадели размером 75×90 м и округлого холма дворцового здания высо-

той около 20 м у юго-восточной части цитадели. На памятнике в 1961—1962 гг. проведено четыре раскопа и заложена серия стратиграфических шурфов. Установлено, что дворец, цитадель и «город» возведены одновременно, два первых пережили два строительных периода. В целом городище датировано в пределах I—IV вв. н. э. (317, с. 11—79).

Шаушукумтобе. Расположено на одном из выступов верхней террасы правого берега в среднем течении Сырдарьи в 5 км севернее пос. Чордорастрой (см. рис. 2, е, 57). Оно представляет собой квадратную возвышенную площадку размером 250×250 м, высотой до 4—5 м, являющуюся, вероятно, шахристаном древнего города. В середине юго-западной части города поднимается холм цитадели в виде неправильного квадрата, ориентированного углами по странам света. Размеры его стен 29×40 м, высота—до 10 м. Холм окружен валом высотой до 0,8 м. Шахристан также окружен стеной с башнями. В 1963 г. на памятнике проведено два раскопа, в результате чего получен материал III—VIII вв. н. э. (317, с. 80—119).

Рудники и специализированные металлургические пункты

Важную роль для изучения экономической истории оазиса представляет исследование источников сырья — рудных и нерудных полезных ископаемых, объемов их добычи и развитие на их базе металлургического производства. Это наименее изученный вопрос ввиду специфики объектов, сложности их исследования и датировки. В этом направлении в Ташкентском оазисе проводились специальные работы. Однако районы были изучены неравномерно. К числу наименее изученных относится бассейн Чирчика. Первые сведения о металлургии в его горных районах поступили в связи с исследованиями И. В. Мушкетова, отметившего шлаковые отвалы в верховьях Пскема (376, с. 119). В. Н. Вебер сообщает о древних выработках в медных рудных жилах бассейна Угама близ Хумсана (156). В 1934 г. И. Д. Чумаков фиксирует выработки в верховьях Чаткала (529). В последующие годы древние рудники фиксировались лишь попутно и случайно при геологическом обследовании района. Сводка их сделана автором при работах Чарвакского археологического отряда (139, с. 18—31).

Недостаточно изучены и западные склоны Чаткала в междуречье Чирчика и Ахангарана, известные преимущественно по случайным сообщениям геологов.

Наиболее подробно исследовались Южный Чаткал и отроги Кураминского хребта. Изучением истории горного дела этого района занимался ряд геологов и историков материальной культуры.

В дореволюционный период некоторые выработки осматривались горным инженером В. Н. Томилиным, В. Н. Вебером и Р. Бубом (156, с. 404—414). В советское время интерес к району

вырастает в связи с публикацией сообщений восточных географов о серебряных рудниках Илака. К топографии Кухисима обращается геолог С. Ф. Машковцев (359, 360). Шлаки древней плавки изучают А. П. Кириков, Б. Н. Наследов (378). С конца 20-х годов специальным исследованием Карамазара занимался М. Е. Массон (323; 326; 337; 377), материалы которого используются в общегеологической характеристике района. В 50-е годы М. Е. Массон вновь обратился к этой теме в обобщающем плане, а Б. А. Литвинский и О. И. Исламов провели некоторые полевые работы³.

В процессе работы в районе Кайраккумского водохранилища на южных склонах Кураминского хребта были открыты поселения металлургов поры поздней бронзы и раннего железа, работавшие на карамазарской руде (302, с. 196—231). В 1959—1968 гг. изучением горнорудных объектов занимался автор. Обследование района позволило составить карту рудников и плавильных пунктов с их систематической характеристикой, определением объектов и предварительных объемов добычи и этапов развития горного промысла и металлургии древнего и средневекового Илака в целом (140, с. 13).

В 1968—1975 гг. исследование пунктов, связанных преимущественно с добычей золота и бирюзы, проводил Е. Б. Пругер (417, с. 118—126), а автором совместно с О. П. Маджи подведены итоги изучения одного из участков по добыче золота (315, с. 110—126).

В настоящий раздел включены 90 пунктов добычи, обогащения и плавки металлов⁴. В их числе 10 плавильных мастерских на поселениях и городищах, но основная группа — 80 объектов — специализированные рудные точки и металлургические мастерские. За единицу объекта приняты и крупные горнометаллургические узлы, объединяющие группу рудников и обогатительных площадок, связанных единой системой отработки и сбыта, и отдельные рудники и плавильные мастерские.

А₁. В долине Пскема выявлено четыре пункта (рис. 3, 1—4). Пункты добычи изучены недостаточно. В штольнях Мискана в Пскемсае, по сообщениям геологов, добывались медь и полиметаллы, плавка которых связывалась с металлургией в Шахджуваре и может быть датирована X—XII вв. н. э. Железная руда добывалась в Тентяксае и русле Пскема и служила базой металлургии в Кадовадтепа, и Шахджувара, дата функционирования которых от середины I тыс. н. э. до XII в. н. э. В Кадовадтепа вскрыта печь I, крупная в плане. В Шахджуваре было не менее 5 мастерских. На обоих пунктах найдены шлаки, иногда обогащенные рудой.

А₂. В долине Чаткала и Коксу выявлено 10 пунктов (см. рис. 3, 5—14). В верховьях Чаткала это рудник на полиметаллы в Кара-

³ Историю изучения вопроса см. (140, с. 8—12).

⁴ В раздел не включены пункты металлообработки, как характерной отрасли ремесла средневековых городов Чача и Илака.

куруме и небольшие пункты плавки медных, железных и полиметаллических руд, привязанные, вероятно, к точкам рудоразработок. Плавильный горн цилиндрической формы для изучения железа вскрыт в Обирахмате. Здесь также найдены гальки с большим содержанием железа. Плавка датирована X—XI вв. Более четкие

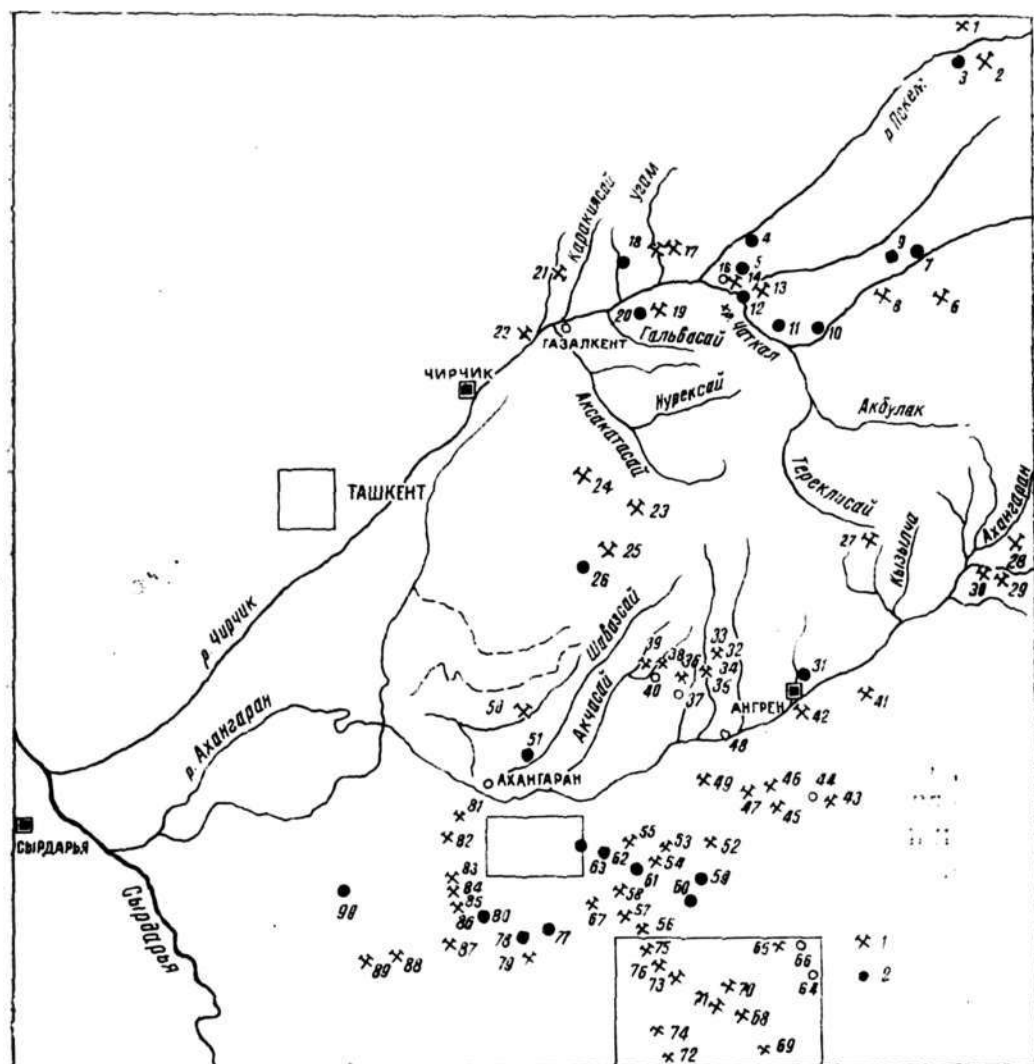

Рис. 3. Карта. Древнейшие рудники и плавильные пункты Ташкентского оазиса:

1—рудники; 2—плавильные пункты

выработки отмечены в низовьях Чаткала и Коксу. В них проводилась добыча охристых и свинцово-серебряных руд. Обработка и использование сырья связаны с мастерскими Бурчмулы (212, с. 73).

Аз. В верховьях Чирчика зарегистрировано 7 пунктов добычи и плавки (см. рис. 3, 16—22). В основном извлекалось железо, ре-

же — медь, серебро, золото. Один пункт отмечен как бирюзовые копи. Однако в целом объемы добычи обследованных рудников и пункты плавки незначительны. Время функционирования большинства рудников не определено ввиду отсутствия материала. Большинство из них можно датировать косвенно, лишь привязкой к ремесленным пунктам их периферии. Так, пункты добычи, обогащения и плавки в Каранкульсае на основании материалов поселения Каранкуль-I и II могут датироваться XI—XII и XV вв. н. э.

Б. В бассейне междуречья Чирчика и Ахангарана зафиксировано четыре пункта добычи, плавки полиметаллических и железосодержащих руд и добычи нерудных ископаемых, в первую очередь красителей, глин и мягкого камня для изготовления разъемных форм, применяемых преимущественно в гончарном производстве (см. рис. 3, 23—26). Наиболее крупные выработки, сосредоточенные в верховьях Паркентсая и Заркентсая, носили общее название Кумышкан — «серебряный рудник». Сохранилось более 40 древних выработок. В Паркентсае и Башкизылсае зафиксированы следы плавки руд. В шлаках содержалось незначительное количество свинца и железа.

Из рудников на красители и глины наиболее крупным был Чанги. Здесь добывалась красная охра высокого качества. Выше Чанги этот район не изучен, хотя по сообщениям геологов в высокогорье Западного Чаткала от Большого Чингапа до Арашана по саям Саргардон, Акбулак и Серкали встречались шлаки, а в хребте Саргардон — следы древней рудодобычи. Эти факты следует учитывать при изучении процесса урбанизации района междуречья и характеристики таких пунктов, как Кавардан, Ишкурган, Калаиболо, Искитепа.

В. Наиболее крупная руднометаллургическая база региона была сосредоточена в его юго-восточных районах, включавших отроги Чаткальского и Кураминского хребтов. В настоящее исследование мы включили наиболее крупные объекты — 62 пункта, в составе которых такие горнорудные узлы, как Лашкерек-Лояк, Кочбулак-Тогберды, Канджол (тропа рудников), Канимансур, насчитывавшие сотни выработок (см. рис. 3, 27—54, 56—76, 77—85, 87, 88). Специальное исследование позволило выявить объекты добычи и ориентировочные объемы, соотношение руд отдельных металлов и соотношение районов Илака в добыче и обработке руд. Общий объем добычи определен в 2455 тыс. м³, в том числе серебро-свинцовых руд 1244 тыс. м³, золотых — 605 тыс. м³, железных и медных — 281 тыс. м³. Из нерудных большие объемы связаны с добычей бирюзы в Унгурликане и Акджене (140, с. 92—93).

В₁. В верховьях Ахангарана выявлено 23 пункта добычи и обработки сырья (см. рис. 3, 27—49). Это рудники по добыче глины и красителей, меди и железа. Но принципиально новым явилось выявление крупных древних рудников по извлечению золота и серебра. Среди рудников на золото назовем Кызылалму, добыча в котором началась не позднее V—VI вв. н. э. На северной его пери-

ферии другой рудник — Самарчук. Объемы его древней добычи пока предварительны, глубинное изучение только началось. Но в левобережье Ахангарана выявлены не уступавшие Кызылалме по общему объему рудодобычи выработки Кочбулака, Тогберды и Гульдурамы, где найдены отдельные материалы с VI—V вв. до н. э., но основные — IX — XI вв. н. э.

Вторым важным открытием является выявление объемов добычи Лашкерекского серебряного узла. Добыча руды началась в пору Каунчи-II, интенсивна — для VI—VIII и IX—XII вв. н. э., есть и выработки XV в. Не случайно, помимо специальных пунктов по обработке руд, здесь встречены значительные скопления металлургических мастерских на городищах Безымянном и Аблыке.

В₂. В среднем течении количество пунктов больше. Здесь зафиксировано 33 пункта (см. рис. 3, 50—82). Объекты добычи разнообразны. Большой интерес представило выявление бирюзового рудника Унгурликан и Актурпака. Здесь сосредоточены и наиболее крупные плавильные пункты оазиса, добыча и обработка в которых происходила со времен от Каунчи-II до XI—XII вв., а в некоторых пунктах — и в XV—XVI вв. н. э.

В₃. В третий участок включены рудники и плавильные пункты Юго-Западного Қарамазара (см. рис. 3, 83—90). Выработки территориально сведены в шесть групп. Детальная характеристика их дана Б. Н. Наследовым (378, с. 303—309). По объемам добычи он не уступает предшествовавшим участкам, причем, хотя здесь выявлены и золотые и медные выработки, основная направленность добычи — извлечение серебра.

В целом детальное изучение древних пунктов добычи региона сравнительно с предшествующими исследованиями совершенно по-иному раскрыло и динамику добычи рудных ископаемых в оазисе, и соотношение различных металлов, и значение отдельных участков. Несмотря на выявление новых точек добычи и обработки металла в верховьях Чирчика и междуречье, основным рудоплавильным районом оазиса считалась долина Ахангарана, в которой сосредотачивалось до 90% всех древних объемов добычи.

Характеризуя древние рудники Илака, средневековые авторы в первую очередь отмечали добычу серебра и золота. По данным Б. Н. Наследова (318), на долю золота приходилось лишь 30 тыс. м.³, так как фактически основные рудники не были известны. Открытие этих рудников показало, что, во-первых, добыча золотой руды составляла не менее 600 тыс. м.³, т. е. более 25% всех горнорудных работ. Во-вторых, более 2/3 всей золотой руды добывалось в верховьях Ахангарана, что, естественно, влияло на общий ход экономического развития этого, казалось бы, отдаленного горного района и способствовало его интенсивной урбанизации.

Основным объектом разработок являлись серебро-свинцовые руды, объем которых составлял 2/3 всей рудодобычи региона.

Чаткало-Қарамазар выступал преимущественно как район добычи благородных металлов. Причем открытие крупнейшего се-

ребряного узла в Лашкереке с богатыми рудами, включая самородное серебро, позволило по-новому подойти к локализации «серебряного рудника Шаша» и Кухисима и подводящих к ним караванных путей. Значительные объемы добычи свинца способствовали развитию других ремесел, в частности, керамического, где он и использовался в качестве глазури.

Добыча остальных руд играла менее значительную роль. Велика в ней доля железной руды, выработки которой равномерно распределены по всем участкам оазиса, способствуя подъему ремесел городских пунктов.

Большой интерес представляло выявление крупного рудника по добыче бирюзы. Общий объем ее добычи в регионе составлял более 10% всех работ. Этот факт позволил по-новому оценить данные письменных источников. Так, в китайских источниках эпохи Тан сообщалось о самоцвете темно-синего цвета «сэсэ». Экспортером — посредником его в Китай был Хотан, но основным поставщиком на рынки Востока — Чач. Камень добывался в копиях «к юго-востоку от его столицы». Занимавшийся исследованием этих источников Э. Шефер считает, что речь идет о ляпис-лазури, добывавшейся в Бадахшане (601, с. 333). Однако последний отделен от Чача целым рядом владений и связан с восточными государствами самостоятельными путями. Естественно, речь должна идти о чачских голубых самоцветах — бирюзе. Э. Шефер отмечает, что Ф. Хирт и Э. Шаванн полагали, что под «сэсэ» подразумевалась бирюза, однако он придерживался точки зрения Б. Лауфера, считавшего, что в Китае бирюза не ценилась и речь должна идти о другом самоцвете (586, с. 25—45). Однако Б. Лауфер упоминает, что в XII в. в ходу был искусственный «сэсэ», по-видимому, синяя паста (586, с. 32). Действительно, паста была широко распространена на памятниках Средней Азии XI—XV вв. н. э. В целом же «сэсэ» считался иранским самоцветом (601, с. 333—334).

Открытие на юго-восточной окраине Чача региона бирюзового рудника Унгурликана с ярко-синей и голубовато-зеленой бирюзой заставляет считать сведения источников относящимися именно к этому региону, и дает одну из ранних дат расцвета деятельности бирюзовых копеей, когда оазис был одним из крупнейших поставщиков ее на рынки Востока. Добыча ее в больших масштабах шла и в IX—X вв. Для XI же века Бируни приводит слова ювелира: «Я видел илакскую бирюзу, которая весила двести дирхемов, и оценил ее тогда в пятьдесят динаров, но сейчас ее цена двести динаров, так как Илакский рудник иссяк и заброшен» (93, с. 159). Таким образом (если вторая часть фразы не вставка поздних переписчиков), в XI в. рудник начинает забрасываться. Интересно, что паста для украшений XI—XII вв. по цвету подражает именно синей бирюзе, которая была в Чаче.

Пластичные и каолиновые глины, минеральные красители, олово, свинец и другие цветные металлы, мягкий удобный для изготовления складных форм сланец являлись сырьем для развития различных видов ремесленного производства.

Погребальные сооружения

Характеризуя погребальные сооружения Средней Азии, исследователи неоднократно подчеркивали, что по насыщенности ими и разнообразию одно из первых мест занимает Ташкентский оазис (293, с. 163; 448). Здесь выявлены и отдельные курганы, и небольшие цепочки «джетытепа» (семь холмов) и более крупные «юзтепа» (сто холмов), и гигантские скопления «мингтепа» (тысяча холмов). Особенно насыщены ими адыры междуречья и долина Ахангарана. Кроме лёссовых курганов, встречались каменные насыпи и выкладки, переходившие в правильную кладку каменных ящиков, подземных и наземных склепов, наземные сырцовые и пахсовые сооружения.

Изучение их начато еще до революции. Затем в 20-е годы стали исследоваться погребения первых веков н. э. близ Тойтепа (344, с. 19—25), фиксироваться и раскапываться холмы Пскентского могильника с погребениями первых веков до н. э.— XIV в. (617). В 30-е годы изучались курганы в долине Чирчика (162, с. 43—46; 402, с. 102; 611, с. 335—337). Работы в долинах обеих рек продолжались и в 50—70-е годы: было вскрыто более 100 курганов, каменные склепы близ г. Ангрена, наусы Туябугуза, Пскента и Ташкента (24—27, 39, 128, 139, 211, 281).

Поскольку объекты данной категории играли подсобную роль, приведем их общую систематическую характеристику⁵.

А₁. Погребальные сооружения Пскемская (рис. 4, 1—6) представлены скоплениями курганов с каменной, реже лёссовой насыпью высотой 0,7—2,5 м и диаметром 3,5—20 м двух видов: в виде крупных валунов либо груды крупных камней с засыпкой внутри мелкими. Раскопки не проводились (139, с. 13—18; 212, с. 34).

А₂. Погребальные сооружения Чаткала (см. рис. 4, 7—15). Это курганные погребения с каменной и лёссовой насыпью. Встречена также комбинация каменной выкладки и лёссовой насыпи. Высота курганов 0,2—1,5 м, диаметр 3—25 м. Наиболее распространены скопления высотой 0,5—1,5 м и диаметром 5—12 м. Зафиксирована каменная ограда из уложенных плашмя погребальных камней. Курганы разновременны. В 1945 г. у с. Аурахмат при производственных работах были извлечены кости погребения и четыре бронзовых браслета с витыми рожками на концах, датируемые XII—XI вв. до н. э. (162). В 1964 г. вскрыты погребения в устье Куруксая, Аляме, близ Бурчмулы. По инвентарю (керамика, трехгранные железные наконечники стрел) датированы Каунчи-II (139, с. 19—25). В 1965 г. было вскрыто пять курганов близ Бурчмулы с каменной выкладкой и насыпью. Захоронения в грунтовых ямах, одиночные, вытянутые. Сохранившийся инвентарь —

⁵ В перечень не включены кладбища, функционировавшие с поры развитого средневековья до сегодняшнего времени.

А₄. В среднем течении Чирчика выявлены три группы и отдельные курганы с лёссовой насыпью (см. рис. 4, 24—26). Раскопки не проводились, но при хозяйственных работах близ Чирчика вскрыты погребения. Обряд захоронения не ясен. Инвентарь представлен керамикой типа Каунчи-I и II (139, с. 35—39; 612).

А₅. На территории Ташкента, помимо отдельных захоронений, зафиксировано восемь пунктов скоплений (см. рис. 4, 27—35). В восточной части города на Никифоровских землях вскрыты погребения в курганах и оссуарные захоронения. Одно из них относилось к эпохе бронзы, а остальные, представленные групповыми трупоположениями в катакомбах с инвентарем, — к Каунчи-I и II (281). В Каттартале вскрыты курганы позднего этапа Каунчи-II (26), а на Чагатайдарваза, Чиланзаре, Ханабаде, Ногайкуртане и Зангиата — оссуарные погребения, в гробиках овальной формы (26, 210, 255).

А₆. Группа погребальных сооружений сосредоточена на лёссовых всхолмлениях между Чирчиком и Келесом (см. рис. 4, 36—40). Наиболее крупное скопление отмечено близ Янгиюля. Раскопки их проводились в 30- и 50-е годы. Курганы с лёссовой насыпью. Могилы катакомбные с дромосом. Захоронения групповые, трупоположения с инвентарем, сосудами, оружием, бытовыми предметами и украшениями (26, 162, 188, 189).

Аналогичные погребения вскрыты на периферии Шаматепа и близ ар. Джун (303, 402). Оссуарные захоронения в гробиках более индивидуальной формы, в том числе с антропоморфными изображениями на крышках раскопаны близ Ниязбаштепа (32, с. 496; 465).

А₇. В левобережье Чирчика выявлено 13 пунктов курганных погребений (см. рис. 3, 41—53). В верховьях они расположены поодиночке и мелкими группами, а в выполаживающихся адырах, особенно на периферии Кавардана — крупными скоплениями. Это Юзурукское, Хантепинское, Каратхумское мингтепа. В Онконтае и Калканате вскрыты курганы: могилы катакомбные с дромосами, захоронения — групповые, вытянутые. В некоторых курганах сохранились сосуды и украшения типа Каунчи-II (33, с. 524). В окрестностях Кавардана возвышались курганы хантепинской и олоксайской группы. Под лёссовыми насыпями вскрыты могилы двух типов: катакомбы и склепы. Преобладающая группа — катакомбы с дромосами, в которых совершались одиночные и групповые захоронения — трупоположения с инвентарем этапа Каунчи-I и II. Некоторые захоронения имели кольцевую деформацию черепа (34, 143, с. 89). Но там же раскрыты склепы. Склепы с трупоположениями сооружены из сырцового кирпича крупного прямоугольного стандарта размером 48—52×24—26×10—12 см. Архитектура склепов не выявлена. Датировка — поздний этап Каунчи-II.

Б. В междуречье Чирчика и Ахангарана на адырной зоне от Хисарака на северо-востоке до Тойтепа на юго-западе выявлено

одиннадцать крупных скоплений погребальных сооружений (см. рис. 4, 54—56, 58, 62 и др.). Наиболее крупные из них — курганные группы на территории с-зов им. К. Маркса и близ Тойтепа. Это курганы с лёссовыми насыпями, окружавшие катакомбу с дромосом. Погребения групповые, вытянутые. Среди сохранившегося инвентаря — керамика, украшения и орудия труда типа Каунчи-I и II (249; 344, с. 19—25). Курганные катакомбные захоронения с инвентарем времени Каунчи-II раскрыты вдоль Ташкентского канала (488). На восточной окраине с. Тойтепа вдоль Ислахатарыка раскопано кладбище в оссуариях овальной формы и хумах, датировемых серединой I тыс. н. э. (344).

В. Основные комплексы оазиса связаны с бассейном Ахангарана В₁. Хотя верховье реки изучено недостаточно полно, здесь выявлено 11 погребальных групп (см. рис. 4, 65—75), из них большинство представлено курганами с каменной насыпью. Вскрыты курганы кызылалминской группы, представленные наземными групповыми труположениями. Порядок положения костяков нарушен. Сохранившийся инвентарь представлен керамикой поры Каунчи-II. Одна группа — курганы с лёссовой насыпью высотой до 1,5 и диаметром 5—10 м. Раскопки их не проводились, но при строительных работах были извлечены костяки и сосуды типа Каунчи-II. В верховьях Каттакилкисая зафиксированы каменные наземные юртообразные сооружения — мугхана. В одной камере найдены железный нож, пряслице и обломки сосуда типа позднего Каунчи-I или раннего Каунчи-II (139, с. 76—84). Большой интерес представляли погребальные сооружения Апартака, расположенные в 2 км от г. Ангрена. В 1960, 1974 и 1979 гг. здесь вскрыто 12 подземных каменных склепов в виде подквадратных в плане камер с куполами и узкими длинными плоско перекрытыми входами. Сверху склепы завалены каменной насыпью. Внутри расчищены групповые захоронения. Костяки плохой сохранности, положение нарушено многократными последующими захоронениями и ограблениями. Сохранившийся инвентарь представлен фрагментами сосудов и украшениями из золота, бронзы, стекла, характерными для позднего Каунчи-II и частично для VI—VIII вв. н. э. (26, 27).

В₂. Основные группы погребальных сооружений сосредоточены в среднем течении Ахангарана. Здесь на площади от Аблыка до Пскента выявлено 29 групп с различными обрядами захоронения (см. рис. 3, 76—104). Преобладающую группу составляли курганы с лёссовой насыпью, среди них крупные скопления (Акчинское, Карахтайское, Ханабадское, Алмалыкское и Пскентское мингтепа).

В результате исследований памятников Пскентского мингтепа вскрыто 77 курганов, включавших разнообразную группу погребений — от грунтовых ям первых веков до н. э. до монгольских могил XIV в. н. э. (617). Основную группу составляли погребения в катакомбах с дромосом. Их можно датировать временем Каунчи-I и II. При строительных работах в г. Алмалыке была спланирована часть курганов алмалыкского мингтепа, материал из кото-

рых представлен лепными и изготовленными на гончарном круге горшками и плоскодонными мисками, а также украшениями, среди которых большой интерес вызывали золотые серьги с ажурной накладкой и инкрустацией из красного стекла. Материал характерен для комплекса Каунчи-II.

Из других курганных групп исследовались погребения близ Кульаты. Высота курганов достигала 0,5—1,5 м, диаметр 15—20 м. Было вскрыто девять курганов. Могилы-катакомбы с параллельным дромосом типа подбоя с закладкой сырцовым кирпичом, трупоположения одиночные и групповые. Положение костяка на спине и правом боку. Находки представлены железной пряжкой и керамикой комплекса Каунчи-I и II. Черепа, за исключением одного долихокранного, брахицефальны со следами уплощения затылочной части, сильно монгололизированы (38, с. 518; 39, с. 79—87).

Из погребальных сооружений большой интерес представляли наземные склепы-наусы из пахсы и сырцового кирпича, выявленные в долине левобережья Ахангарана от Алмалыка до Муратали. Изучались склепы в Кальмакыре, несколько групп близ Кульаты, юго-западнее Пскента и близ Муратали. Они представляли собой наземные камеры, сложенные из пахсы и сырцового крупноформатного прямоугольного кирпича. Снаружи постройки круглые, диаметром 5,5—8,5 м с входом, выделенным иногда выступающим порталом. Внутри они прямоугольные или подквадратные, с суфами вдоль входа. Камеры перекрыты сводами, от которых в редких случаях сохранилась пята и переход к кривой арки свода. Внутри, на полу и суфах — групповые захоронения — трупоположения. Положение костяков сильно нарушено, сохранность их за редким исключением очень фрагментарная. Сохранившийся инвентарь представлен керамикой, в основном позднего этапа Каунчи-II, украшениями — бусами из самоцветов и стекла, бронзовыми перстнями, амулетами в виде сжатой в кулак руки, железными поясными пряжками.

Пскентские наусы имели аналогичную форму. В них вместо трупоположения на суфах были установлены оссуарии с крышками, навершия которых оформлены изображением козлов и баранов (128).

В₄. В нижнем течении Ахангарана зафиксировано 6 пунктов (см. рис. 4, 105—110). Среди них такие крупные курганные группы, как погребения Туябугуза, Алимкентское. Из них наиболее детально изучено Туябугузское мингтепа. В 1959—1960 гг. здесь было вскрыто 72 кургана, разделенных на три группы, первая (28 погребений) отнесена к I—III вв. н. э., вторая (32 погребения) — к IV—V вв. н. э. и третья (12 погребений) — к началу VIII в. н. э. (25, 26). В 1972—1977 гг. было вскрыто еще 22 погребения. Могилы в основном катакомбные, с поперечным дромосом. Захоронения групповые, реже одиночные, на спине. В двух случаях встречено одиночное захоронение «в позе всадника». Сохранившийся инвентарь немногочислен. Он представлен керамикой, железными и

бронзовыми пряжками, слабо изогнутым серпом, черешковым ножом. Материал типа Каунчи-I и II (211, с. 5, 113—119).

В 1976 г. при распашке полей была частично повреждена одна из двух групп курганов, расположенных на берегу Гиджигена. Высота курганов 0,5—1,2 м, диаметр 12—18 м. Керамика погребения отнесена ко времени Каунчи-II, но конструкция могилы и обряд захоронения не ясны (38, с. 523).

Помимо курганных захоронений, в Туябугузе обнаружены наземные наусы с трупоположениями и оссуарными захоронениями, датированными на основании монетных находок концом VII—VIII вв. н. э. (25, с. 71—79; 535, с. 16). Наусы — круглые в плане, сводчатые с прямоугольными камерами и выделенным порталным входом (389, с. 101—103). Вероятно, аналогичны и наусы из района с-за «Мичурин», здесь при пахоте было снесено сооружение подобной формы, из которого извлечен овальнообразный оссуарий. Исследование других погребальных групп не проводилось.

Г. В правобережье Сырдарьи, в юго-западной части оазиса выявлено одиннадцать крупных курганных скоплений с лёссовой насыпью (см. рис. 4, 111—121). Высота курганов 0,5—1,5 м, диаметр 12—25 м. Раскопки их не проводились, датировка не известна.

Таким образом, сплошное обследование региона позволило нам более чем вдвое увеличить перечень погребальных пунктов, хотя мы не включили в него ряд одиночных объектов. Важно отметить, что если Э. Б. Кадыров отмечал для Чача 12 датированных могильников, то сейчас мы выделяем 45. Тем же исследователем для Чача и Ферганы выделено 12 катакомбных могильников (249, с. 8); мы же только в Чаче зафиксировали 17 крупных скоплений этого типа. Выявлены и новые пункты захоронений в оссуариях, позволившие наметить границы распространения этого обряда в регионе.

Глава II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРОДСКОГО ТИПА

Системная характеристика региона позволяет ввести в общую классификацию археологических источников 742 объекта, среди которых 531 городище и поселение, 90 пунктов источников добычи и переработки сырья и 121 крупное погребение. Но для определения хозяйственно-политической жизни оазиса по этапам суммарной характеристики пунктов недостаточно. Необходимо рассмотреть роль отдельных участков и районов в экономике оазиса, а также хронологические рамки функционирования групп объектов. Наглядную картину систематизации определенных групп памятников по участкам оазиса дает табл. 1.

Таким образом, установлены основные районы сосредоточения пунктов оседлого расселения оазиса — это участки А и В, причем

на первом из них, являвшемся, судя по описанию восточных средневековых географов, ядром Чача, располагалось более половины всех поселений. Однако, если здесь на 51,5% пунктов расселения приходилось 35% городищ, то на участке В, являвшемся ядром Илака и сосредоточившем 28,6% всех пунктов расселения, также располагалось 35% городищ.

Вероятно, определенную роль в выяснении этого явления даст рассмотрение топографии сырьевых ресурсов. Если на участке А из 90 рудных и металлургических пунктов располагалось 24,4%, то на участке В был сосредоточен 71% по количеству и не менее 90% по объемам. Это раскрывает причины роста крупных пунктов неаграрного профиля в долине Ахангарана. В то же время небольшим

Таблица 1

Распределение археологических объектов по участкам

Участок	Городища и поселения			Погребальные соору- жения		Рудники и планиль- ные пункты	
	всего	в том числе		всего	в том числе оссуариев	всего	в том числе крупных
		городищ	поселений				
А	274	26	248	53	7	22	1
Б	62	6	56	11	2	4	1
В	151	26	125	46	4	64	20
Г	44	16	28	11	2	—	—
Итого	531	74	457	121	15	90	22

по размеру, но довольно урбанизированным районом является участок Г, где на 8,2% пунктов оседлого расселения приходилось более 20% городищ оазиса.

Район предгорий и междуречья (участок Б) по площади почти не уступает бассейнам Чирчика и Ахангарана. Однако в нем располагается лишь 11% пунктов расселения и менее 10% городищ.

Погребальные сооружения вскрыты преимущественно в адырных и предгорных зонах и лёссовых всхолмлениях междуречий. Наибольшие скопления их также приурочены к участкам А (около 44%) и В (38%), наименьшие — на участках Б и Г (по 11%).

Таким образом, на основе системной характеристики из 531 пункта расселения в оазисе мы можем выделить 74 и по признаку размера отнести их к поселениям городского типа (табл. 2). Однако не все они отвечают остальным признакам. Так, по признаку наличия оборонительной системы шахристана, рабада мы не можем отнести к городским пунктам (за исключением центрального замка) следующие объекты площадью 4—14 га, не имевшие укреплений. Это Таукаттепа, Чагтепа, Безымянное тепа в Янгюле, Кытайтепа, Янгитепа, Безымянное тепа в к-зе «Гулистан», Мазартепа-I и II, Безымянное тепа в к-зе «Фрунзе», Чакмактепа, Безы-

Таблица 2

Городища Ташкентского оазиса и их размеры

Городище	Дата, в-к	Древний период			Раннее средневековье			Средневековье			
		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		в том числе рабад, га
			цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахри-стан, га	
Шахджувартепа	V—XII	—	—	—	2,2	2,2	—	10,0	2,25	—	7,75
Бурчмула	VII—XII	—	—	—	0,1	0,1	—	16,0	0,16	15,84	—
Ходжикент-базарбоши	VI—XV	—	—	—	0,5	0,5	—	9,0	0,5	8,5	—
Паргостепа	VII—начало XIII	—	—	—	1,0	1,0	—	15,0	1,0	14,0	—
Тугайтепа	V—начало XIII	—	—	—	9,5	0,5	9,0	9,5	0,5	9,0	—
Таукаттепа	II—начало XV	6,5	—	—	6,5	—	—	—	—	6,5	—
Акататепа	VI—начало XIII	—	—	—	18,0	1,0	17,0	18,0	1,0	17,0	—
Актепа Юнусабадское	VI—VIII, X—XIII	—	—	—	4,0	1,5	2,5	4,0	1,5	2,5	—
Мингурюк	II—VIII	10,0	1,0	9,0	35,0	1,0	34,0	—	—	—	—
Старый Ташкент	IX—XIX	—	—	—	—	—	—	400,0	1,0	19,0	380,0
Кулаклитепа	VI—начало XIII	—	—	—	14,0	1,0	13,0	В рабаде Ташкента			
Ханабадтепа	VI—начало XIII	—	—	—	34,0	1,0	33,0	34,0	1,0	33,0	—
Ногайкурган	II—начало XIII	3,5	1,0	2,5	11,0	1,0	10,0	30,0	1,0	9,0	20,0?
Майтепа	VII—начало XIII	—	—	—	9,0	0,08	8,9	9,0	0,08	8,92	—
Чангтепа	III—VIII:XI—XIII	12,0	1,0	—	12,0	1,0	—	12,0	1,0	—	11,0
Шаматепа	III—VI	12,0	1,0	11,0	12,0	1,0	11,0	—	—	—	—
Нишбаштепа	IV—VIII	5,5	1,5	4,0	5,5	1,5	4,0	—	—	—	—
Югантепа	IV—начало XIII	2,0	2,0	—	20,0	2,0	18,0	20,0	2,0	18,0	—
Безымянное тепа	VI—VIII	—	—	—	4,2	0,15	—	4,25	0,15	4,1	4,1
Каунчитепа	Со II до н. э. по VI	25,0	0,3	24,7	25,0	0,3	24,7	—	—	—	—
Турткультепа-I	III—VI	16,0	?	16,0?	16,0	?	16,0	—	—	—	—
Иски Ташкент	VII—начало XIII	?	?	?	20,0?	?	?	200,0	?	?	?
Шарапхана	IX—начало XIII	—	—	—	—	—	—	4,0	0,5	1,5	2,0
Китайтепа	IV—VII	4,0	1,0	—	4,0	1,0	—	—	—	—	—

Продолжение табл. 2

Городище	Дата, век	Древний период			Раннее средневековье			Средневековье			
		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		в том числе рабад, га
			цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахри-стан, га	
Кавардан	II—начало XIII	75,0	1,0	74,0	75,0	1,0	74,0	75,0	1,0	74,0	—
Кулькара	VII—XII	—	—	—	1,0	1,0	—	10	1,0	4,0	5,0
Каланболо	VI—XIII	—	—	—	1,0	1,0	—	10,0	1,0	9,0	—
Ишкурган	VI—XV	—	—	—	10,0	1,0	9,0	10,0	1,0	9,0	—
Калатепе (Искитепа)	III—XIII	1,0?	1,0	—	1,0	1,0	—	10,0	1,0	9,0	—
Ивалектепа	VI—XIII	—	—	—	4,0	1,0	3,0	5,0	1,0	3,0	1,0
Улькантойтепа	VI—XIII	—	—	—	20,0	1,0	19,0	200,0	1,0	19,0	380,0
Джумишказытепа	IX—XIII	—	—	—	—	—	—	20,0	1,0	19,0	—
Безымянное тепа в Ан-грене	IV—XIII	2,0?	—	—	12,0	1,5	10,5	60,0	1,5	58,5	—
Дукенттепа	VI—XVI	—	—	—	0,5	0,5	—	8,0	0,5	7,5	—
Кургантепа	VI—XII	—	—	—	1,0	1,0	—	16,0	1,0	15,0	—
Аблык	IX—XIII	—	—	—	—	—	—	80,0	0,5	79,5	—
Уванттепа	X—XII	—	—	—	—	—	—	5,0	0,5	4,5	—
Севильтепа (Мунчактепа-2)	VII—XII	—	—	—	11,2	2,7	8,5	11,2	2,7	8,5	—
Имлак	V—XII	2,0?	—	—	17,5	5,0	12,5	180,0	5,0	12,5	162,5
Кульата	II—XII	50,0	0,8	49,2	15,0	0,8	14,2	50,0	0,8	49,2	—
Янгитепа	V—XII	14,0	0,15	—	14,0	0,15	—	14,0	0,15	—	13,8
Дунгулактепа (Дунгуз-дактепа)	VI—XIII	—	—	—	1,5	1,5	—	7,0	1,5	5,5	—
Пушти Махмуд	VI—XIII	—	—	—	0,5	0,5	—	10,0	0,5	9,5	—
Актепа Пскентское	VII—XIII	1,3	1,3	—	3,8	1,3	2,5	5,0	1,3	3,7	—
Кендыктепа	II—XIII	25,0	1,0	24,0	25,0	1,0	24,0	30,0	1,0	24,0	5,0
Аккурган	III—XIII	4,0	1,0	3,0	7,0	1,0	6,0	30,0	1,0	6,0	23,0
Бука	V—XIII	—	—	—	6,0	2,0	4,0	10,0	2,0	4,0	4,0
Будальтепа	IX—XIII	—	—	—	—	—	—	10,0	0,5	9,5	—
Тепа в с-зе им. Мичурина	V—X	—	—	—	12,0	0,8	11,2	12,0	0,8	11,2	—
Мазарттепа-1	VII—VIII	—	—	—	4,0	0,1	—	—	—	—	—

Городище	Дата, век	Древний период			Раннее средневековье			Средневековье			
		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		всего, га	в том числе		в том числе рабад, га
			цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахрис-тан, га		цита-дель, га	шахри-стан, га	
Мазартепе-2	VI—VIII	—	—	—	4,0	0,3	3,7	—	—	—	—
Санчиктепа	VI—XII	—	—	—	0,5	0,5	—	5,5	0,5	5,0	—
Канка	XII	150,0	1,0	149,0	150,0	1,0	149,0	200,0	1,0	149,0	50,0
Кыркджангитепе	IV—XII	1,0	1,0	—	15,0	1,0	14,0	15,0	1,0	14,0	—
Ошхонатепе	VII—XII	—	—	—	11,0	?	11,0	11,0	?	11,0	—
Культепа	IX—XI	—	—	—	—	—	—	5,5	1,0	4,5	—
Югантепа	VI—XII	—	—	—	4,8	1,0	—	4,8	1,0	—	3,8
Безымянное-3	VI—VIII	—	—	—	4,2	1,0	3,2	—	—	—	—
Учтепа	IX—X	—	—	—	—	—	—	5,75	0,2	—	5,5
Дальверзинтепа	II—XV	13,0	1,0	12,0	13,0	1,0	12,0	13,0	1,0	12,0	—
Кургантепа в к-зе им. К. Маркса	VI—X	—	—	—	8,4	0,2	—	8,4	0,2	—	8,2
Безымянное в к-зе «Гулистан»	IV—VII	8,8	0,2	—	8,8	0,2	—	—	—	—	—
Безымянное в к-зе «Фрунзе»	IV—VIII	4,2	0,3	—	4,2	0,3	—	—	—	—	—
Шаркия	I—XVIII	22,0	1,0	21,0?	22,0	1,0?	21,0?	150	1,0	49,0	100,0
Актепа близ Шаркии	VI—XII	—	—	—	6,5	1,2	5,3	6,5	1,2	5,3	—
Турткультепа-2 (Шахар-бобо)	II—VII	15,0	1,0	14,0	15,0	1,0	14,0	—	—	—	—
Югантепа-2 в с-зе «Ак-курган»	VI—X	—	—	—	7,0	0,4	—	7,0	0,4	—	6,6
Безымянное в к-зе «Заря»	VI—XII	—	—	—	8,0	0,5	—	8,0	0,5	—	7,5
Зангортепе	I—X	10,0	0,1	—	10,0	0,1	—	10,0	0,12	—	98,8
Каратепе	VII—VIII, XI—XII	—	—	—	7,5	0,7	—	7,5	0,7	—	6,8
Турткультепа-3	IX—XIII	—	—	—	—	—	—	25,0	0,3	24,7	1,0
Чиназтепа	VI—начало XIII	—	—	—	12,0	0,4	11,6	50,0	0,4	11,6	38,0
Актобе-2	I—IV	3,75	0,7	3,0	—	—	—	—	—	—	—
Шаушкумтобе	IV—VIII	6,25	0,2	—	6,2	0,2	6,0	—	—	—	—

мянное-3 в к-зе «Азад», Учтепа, Кургантепа в к-зе им. К. Маркса, Югантепа-2 в с-зе «Аккурган», Безымянное тепа в к-зе «Заря», Зангартепа и Каратепе. Изучение самого крупного из них — Чангтепа показывает, что это типичное сельское поселение с укреплением (148, с. 103—113). К сельскохозяйственным же поселениям, возникшим в долине Чирчика с III—V вв. н. э. и сохранившим свою специфику и в пору средневековья, по материалам работ Д. Г. Зильпер, отнесен Таукаттепа (210, с. 64—67). Таким образом, статистические выводы подтверждаются выборочными раскопками объектов.

Не менее важен показатель соотношения размеров цитадели и прилегавшей плотно обжитой, окруженной общей стеной и тесно связанной экономическими и социально-политическими узами территории поселения. Разделяя мнение Ю. А. Заднепровского и В. И. Распоповой об отнесении к поселениям объектов, цитадель которых имела гипертрофированные размеры, на настоящем этапе исследования в систему городов мы включили пункты, цитадели которых занимали менее 25% от общей территории.

На основе этого критерия в число сельских поселений из данного списка должны быть отнесены Актепа Юнусабадское, цитадель которого занимала около 40% от общей площади, укрепление Нишбаштепа (27%), для ранних этапов — Ивалектепа (25%), Актепа Пскентское (26%). В литературе высказаны различные мнения об Актепа Юнусабадском. Так, А. И. Тереножкин квалифицирует его как типичный раннефеодальный замок (491, с. 128—129). М. И. Филанович выделяет периферию Актепа площадью до 100 га, характеризуя как город VII—VIII вв. н. э. (515, с. 531). Однако пока отсутствует сводный план комплекса и не ясен характер связи прилегавшей территории с замком, нет данных о наличии общих крепостных стен всей территории, проблематична классификация объекта как городского центра. В то же время необходимо учитывать характер выполнения пунктом экономических функций, в первую очередь уровень ремесла. По этому признаку в число объектов, относимых к городским пунктам, мы включили Шахджувартепа — крупный ремесленно-металлургический центр верховьев Пскема с VII по XI—XII вв. н. э., на площади которого особенно для X—XII вв. сохранился ряд мастерских для плавки, обработки металлов.

Таким образом, из 74 выделенных объектов 21 по формально-типологическому признаку должен быть отнесен к сельским поселениям, хотя относительно крупные размеры таких из них, как Нишбаштепа (5, 5 га), позволяют предполагать в них переходный тип от поселений к городам.

Итак, на данном этапе исследования всем археологическим принципам типологии поселений городского типа отвечают 53 пункта. Однако по данным же показателям их следует проследить в динамике развития по этапам.

Как видно из табл. 2, древние материалы зафиксированы на 20 объектах. Ясно, что самые нижние слои памятников принадлежали к числу наименее изученных. Тем не менее можно утверждать, что степень освоения площадей объектов и характер расселения в них жителей неодинаковы. Несмотря на специально проводившиеся исследования, не выявлена система укреплений этого времени на городищах Безымянное в Ангрене и Имлаке, а площадь неукрепленных поселений здесь, так же как и в Калатепе, пока выявлена не более чем на 2 га. Вероятно, пределами территории Кугаиттепа ограничивалось поселение этого времени в Ногайкургане, составив менее 4 га. Лишь на цитадели найдены древние материалы в Югантепе и Кыркджангитепе, Шаушукумтобе. Следовательно, к числу поселений городского типа для древнего этапа можно отнести 13 пунктов. Это — Мингурюк, Шаматепе, Каунчитепе, Турткультепе-1, Кавардан, Кульата, Кендыктепе, Аккурган, Канка, Дальверзинтепе, Шаркия, Турткультепе-2, Актобе-2.

В число пунктов городского типа включены городища Мингурюк и Актобе-2, хотя площадь их невелика. Однако первое построено в качестве довольно мощного укрепления городского типа, а материальная культура отличается от синхронных объектов подобного ранга ремесленным характером изготовления изделий (210, с. 62, 67). То же можно сказать и о Актобе-2.

Слои раннефеодального времени зафиксированы на 45 памятниках городского типа (см. табл. 2). Из них Шахджувартепе, Бука, Дунгулактепе могут быть отнесены к разряду укрепленных поселений, цитадели которых занимали соответственно 40, 33 и 40 % всей площади.

Бурчмула, Ходжикентбазарбоши, Паргостепе, Кулькара, Калаиболо, Калатепе, Дукенттепе, Кургантепе, Пушти Махмуд и Санчиктепе должны быть отнесены к сельским поселениям вследствие небольших размеров. Остальные 32 можно отнести к памятникам городского типа поры раннего феодализма. Это Тугайтепе, Акататепе, Мингурюк, Кулаклитепе, Ханабадтепе, Ногайкурган, Майтепе, Шаматепе, Югантепе, Каунчитепе, Турткультепе-1, Иски Ташкент, Кавардан, Ишкурган, Улькантойтепе, Безымянное в Ангрене, Севильтепе, Имлак, Кульата, Кендыктепе, Аккурган, Тепе в с-зе им. Мичурина, Мазартепе-2, Канка, Кыркджангитепе, Ошхонатепе, Дальверзинтепе, Шаркия, Актепе близ Шаркии, Турткультепе-2, Чиназтепе, Шаушукумтобе.

К периоду IX — начала XII в. из 53 пунктов по археологическим признакам могут быть отнесены к поселениям городского типа 45 (см. табл. 2). Для этого времени мы можем проверить объективность археологических источников историческими данными путем отождествления их со средневековыми городами восточных дорожников.

Города Чача и Илака упоминаются в трудах Кудамы и Ибн Хордадбеха, но наиболее полные перечни их содержатся у авторов середины X в. Истахри и Мукаддаси и конца X в. Ибн Хаука-

ля (558, I, II, III, IV). Правда, перечисление их у ряда авторов сопровождается путаницей и повторами. Перечни их, систематизированные О. Г. Большаковым (73, с. 199, 201), включают 39 пунктов в Чаче и 17 — в Илаке.

Первая систематическая локализация средневековых городов региона была предпринята В. В. Бартольдом в географическом

Т а б л и ц а 3

Локализация городов Чача и Илака

Наименование города по списку		Локализация	Местоположение
Истахри	Мукаддаси		
Бинкет	Бинкет	Ташкент	Чач
Данфаганкет	—	Югантепа	
Чинанчкет	Чинанчкет	Чиназ	
Унджакет	Унджакет	Турткультепа-3	
Бенакет	Бенакет	Шаркия (Шахрухия)	
Харашкет	Харашкет	Канка	
Арлланкет	—	Бурчмула	
Худайикет	—	Аккурган	
Кабарна	Кабарна	Кавардан	
Нуджкет	Нуджкет	Ханабад	
Газак (Гузал)	Газак	Гиджал?	
Банункет	—	Ногайкурган	
Паргуш (Баркуш)	Баркуш	Паргостепа	
Хатункет	Хатункет	Тугайтепа	
Джабгукас	Джигукет	Аката?	
Фарнкет	Фарнкет	Ишкурган	
Шутуркет	Намалванак	Калатепа	
Гаркерд	Шутуркет	Иски Ташкент	
Залтикет	Гузкерд	Шарапхана	
Тункет	Заранкет	Кала-и-боло	
Сакокет	Тункет	Майтепа	Илак
Банджхаш	Шавкет	Имлак	
Наукет	Банджхаш	Увайитепа	
Балаян	Наукет	Джумишказытепа	
Арбилах	Балаян	Улькантойтепа	
Намудлыг	Арбилах	Кулькаратепа	
Туккет	Намудлыг	Аблык	
Бискет	Туккет	Безымянное	
Кухисим	Бискет	Кульата	
Дахкет	Кухисим	Пуштимахмуд	
Хас	Адахкет	Кургантепа	
Харджанкет	Хас	Дукент	
Самсирек	Ходжакет	Дальверзинтепа	
	Самсирек	Ходжикентбазарбаши	
		Бука	

очерке о Мавераннахре (61, с. 226—232). Отдельные города Чача локализовались Г. В. Григорьевым (186), В. Д. Жуковым (612), Е. А. Агеевой и Г. И. Пацевичем (22, с. 146). М. Е. Массон в историко-топографическом исследовании Илака локализовал 10 городов (344, с. 32, табл. 1), из которых нами пересмотрена лишь топография Кухисима.

Реконструкция караванных путей Чача и Илака, проведенная автором (143), способствовала локализации 35 городов, значительная часть которых либо отождествлена впервые, либо уточнена в связи с взаимным положением их на путях экономических связей. Перечень их приведен в табл. 3.

К настоящему времени не локализованы следующие пункты: в Чаче — Ашбингу, Кенкарак, Калашджак, Гардженд, Ганнадж, Джабузан, Вардук, Гадранак, Анузкет, Кадак, Накалик, Бишкет, Барскет, Бикет, Кабашкет, Дихкуран, Теллуш, Фардкет, Дарва, Аджих; в Илаке — Хумрак, Бикет и Гардженд. Некоторые из них, вероятно, перечислены дважды и являются следствием обычной путаницы. Например, Гардженд упомянут и в Чаче, и в Илаке. Бишкет и Барскет, возможно, повторы Бискета, Бикет — Нукета, Фардкет—Фарнкета. Если их исключить из списка, не локализованными останется 18 пунктов, не поддающихся отождествлению вследствие неясностей в топографическом положении их в системе расселения по данным источников. В основном это небольшие городки—центры сельской округи, мало отличающиеся от селений, о чем может говорить их название, например Дихкуран.

Среди археологических объектов также имеется ряд неотожествленных пунктов, которые по археологическим признакам могут быть отнесены к городским поселениям. Это Шахджувартепа, Дунгулак, Будальтепа, Культепа, Ивалек, Кыркджангитепа, Кендыктепа, тепа в с-зе им. Мичурина, Севильтепа, Ошхонатепа и Санчиктепа.

Отождествление большинства пунктов городской культуры средневековых источников с объектами, выделенными по археологическим признакам, подтверждает правильность принципов археологической классификации и позволяет использовать неотожествленные пункты как равноправные объекты при характеристике городской культуры региона на различных этапах его развития.

Глава III. ВЫДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Историко-топографическая локализация региона может быть обоснована при условии выделения характерного для него культурного комплекса. Определение его в общепринятом смысле включает совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом. Для древних эпох он выражается археологическим комплексом, как устойчивым сочетанием определенных массовых предметов, повторяющихся и на крупных объектах, и на мелких поселениях. На базе кушанских памятников В. М. Массон предлагает включать в их состав наборы керамических форм, выполняемых в одной технической традиции, единый формат кирпича, мелкую терракоту, пластику, монеты (311, с. 39). Вероятно, целесооб-

разно включение и погребальных обрядов. Основываясь на данной методике, мы предлагаем выделить для исследуемого периода пять археологических комплексов: бургулюкский, каунчинский, мингурюкский, имлакский и каварданский. Опишем их.

Бургулюкский археологический комплекс (IX—III вв. до н. э.) (рис. 5). Он связан в основном с древнеземледельческой культурой расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа. Для нас же он важен как генетический комплекс, так как

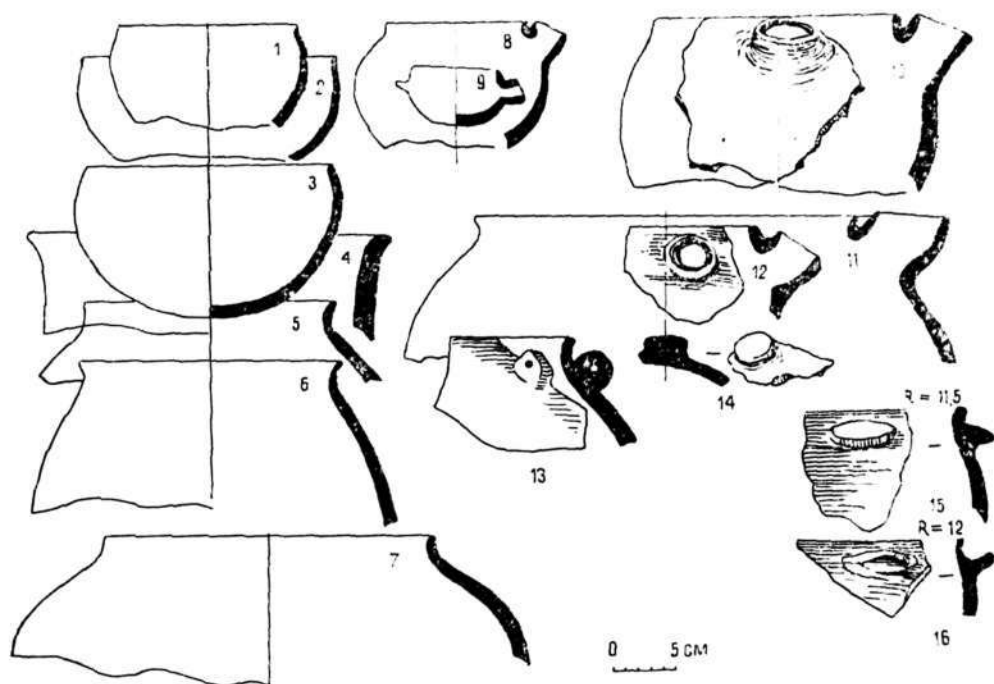

Рис. 5. Бургулюкский керамический комплекс:

1—3—миски; 4—котлы с вертикальной стенкой; 5—7—шаровидные котлы; 8—16—котлы-горшки с носиком-сливом и ручкой-уступом

с его заключительным этапом связано зарождение городской культуры оазиса. Первые материалы получены в 1934 г. Г. В. Григорьевым в нижних слоях городища Каунчитепа (186, с. 36—37, 187, с. 84—86), но в самостоятельную культуру она выделена в 1940 г. А. И. Тереножкиным после раскопок по Бургулюксаю (488). Впоследствии бургулюкские материалы были обнаружены на Шаштепа (280, с. 159—162) и Кулокчинтепа (138, с. 41—48).

Большая группа бургулюкских поселений обнаружена в среднем течении Ахангарана в зоне Туябугузского водохранилища. Первый пункт открыт в 1971 г. В. И. Спришевским и датирован IV—III вв. до н. э. (464, с. 52—53). В 1972 г. мы продолжили фиксацию бургулюкских пунктов и исследовали первое жилище (137, с. 453—457). С 1974 г. проводится изучение туябугузских объектов (32, с. 495—496; 33, с. 524—525; 197, с. 47—92; 213,

с. 39—51). В 1976—1977 гг. было продолжено изучение Каунчитепа (38, с. 522), а с 1978 г. возобновлены стационарные работы на Шаштепа (49, с. 26—30; 150, с. 50).

Самый ранний бургулюкский комплекс получен в районе Туябугуза. Здесь открыто 11 пунктов, число жилищ которых достигает 30. Планировка поселений сохранилась плохо. О плане их мы можем судить лишь по пункту 1 в левобережье Ахангарана. Поселение овальной формы размером 260×100 м. С юго-запада, запада и северо-востока защищено выведенным из реки рвом шириной до 25 м, глубиной 2,2 м. Возможно наличие защитного вала.

Мощность культурных наслоений достигала 2,7 м. Застройка представлена жилищами полуподземного типа, округлыми или овальными в плане, площадью от 8 до 22 м² (преобладает площадь 12—15 м²). Одно было подпрямоугольной формы. В нескольких землянках, вдоль края, удалось проследить углубления деревянного каркаса столбов, поддерживающих кровлю. Стенки глинобитные и каркасные. Такова же планировка жилищ в зоне Ташкентского канала. В одном случае А. И. Тереножкиным выявлена стена из сырцового кирпича, размер которого установить не удалось. Входы обычно направлены в сторону речных русел, у которых стояли поселения.

В целом жилища с элементами намечавшихся планировочных устойчивых традиций — пристенными очагами, хозяйственными и производственными ямами. Единична землянка крупных размеров, расчлененная на отсеки пахсовыми перегородками. Две землянки соединены выходами, в чем можно видеть зарождение многокомнатного жилья. Выявлены производственные участки с небольшими сильно обожженными и даже ошлакованными ямами — литейными очажками, около которых встречены шлаки и обломки глиняных одноразовых форм. Однако наряду с пристенными очагами хаотично расположены и открытые. Литейные очажки встречались также в землянках на различных расстояниях от входа и вне их. Наличие очагов и россыпи керамики вне землянок говорили о наличии дворигов или легких летних пристроек, о размерах и характере которых предполагать затруднительно.

Инвентарь представлен преимущественно керамической посудой, изготовленной вручную, иногда с отпечатками ткани матерчатого шаблона. Почти все сосуды, за малым исключением, круглодонны, покрыты светлым ангобом с легким марганцевым оттенком. По подсчетам Х. И. Дуке, 99% керамики не орнаментировано, а незначительное число их украшено росписью в виде залитых, заштрихованных, прорисованных треугольников, ломаных линий и широких полос коричневой краски (211, с. 69). Однако многочисленная в количественном отношении керамика дает ограниченное число форм. Ведущие из них: а) сосуды со сфероконическим туловом, прямопоставленной или срезанной гор-

ловиной с округлым туловом и овальным носиком с одной стороны и горизонтальной ручкой-налепом — с другой (рис. 5, 8—16). Они миниатюрны, с диаметром венчика 12—15 см либо у самых крупных до 50 см. Некоторые сосуды закопчены, возможно, они использовались как котлы, на других сосудах следы росписи; б) лепные горшки также сферической формы. На некоторых из них, как и у котлов, ручка-уступ (см. рис. 5, 4—7); в) глубокие и мелкие полусфероконические миски с обрезанной сверху и слегка отогнутой наружу закраиной диаметром венчика от 7,5 до 25 см (см. рис. 5, 1—3).

Аналоги первой форме встречаются на юге Узбекистана на поселениях переходного периода от бронзы к раннему железу (48, рис. 13; 75, с. 36—37). Вторая форма широко распространена на поселениях чустской культуры, отличаясь, однако, от наших уплощенным донцем (222, с. 28; 463, с. 46).

Архаичная по облику керамика туябугузских поселений сочетается с разнообразным набором бронзовых предметов. Это листовидные черешковые наконечники стрел, серпы с закругленной и утолщенной спинкой, ножи с прямой, закругленной и коленчатой рукояткой «типа бритвы», прямоугольные шилья, игла, лопатковидная ложечка. А. И. Тереножкин отмечает двушковые кельты-лопаты, бронзовые наконечники, копыя, фрагмент бронзового кинжала (493, с. 164, рис. 69). Большинство описанных изделий находит аналогии в материалах поселений чустской культуры Северной Ферганы, Кайраккумах, на памятниках поздней бронзы и раннего железа андроновско-тазабагьябского круга (190, с. 122; 222, с. 31; 302, с. 222; 390, с. 67—82). В то же время бургулюкский комплекс Каунчитепа, Кулакчинтепа, Шаштепа при общем единстве с описанным отличается рядом особенностей. В керамике их наблюдается определенная стандартизация форм и вариантов, резко уменьшается количество росписей керамики и ухудшается техника росписи (49, с. 27). В ней зарождаются некоторые элементы, развивающиеся на последующем этапе. Появляются отдельные формы плоскодонной посуды — миски, жаровни, происходит изменение формы носика слива, окраска сосудов производится растекающимися мазками (138, с. 48—49). Керамика этого типа может быть сопоставлена с сакоусуньской посудой Южного и Восточного Казахстана IV—III вв. до н. э. (29, с. 268). В то же время нельзя не отметить определенного сходства в технике изготовления, формах и орнаментации с сосудами актамско-кунгайского и суфанского могильников V—III вв. до н. э., особенно для одной из форм полусферических мисок, покрытых жидкой облицовкой или окрашенных буровой краской по светлому фону (181, с. 106).

На Шаштепа вместе с бургулюкским материалом найдены сосуды прохоровского типа, датируемые IV—II вв. до н. э. (49, с. 50). К завершающему этапу этой культуры исследователи относят появление вокруг центрального холма городища оборони-

тельной стены, возведенной из сырцового кирпича ($45 \times 39 \times 8$; $44 \times 25 \times 9$; $50 \times 28 \times 8,5$ см), который чередуется со слоями пахсы. Сохранившаяся ширина стены 4 м, высота до 3,6 м. Проем с арочным перекрытием выводит во внутрисканное помещение или форт (49, с. 29). Б. А. Литвинский считает характерным для V—IV вв. до н. э. и бронзовый кинжал из Ташкентского канала (306, с. 111, табл. 40, 1).

Полученные материалы позволяют заново вернуться к датировке бургулюкской культуры. А. И. Тереножкин, выделивший в ней два этапа, датировал Бургулюк-I VI—IV вв. до н. э., а Бургулюк-II, перекрываемый каунчинскими слоями, — III—II вв. до н. э. (488, с. 30—33). Эта периодизация вошла в научную литературу. Разделялась она и автором (138, с. 46—47). Однако, как показали материалы чустских поселений, нижняя граница культуры лежит значительно глубже. Базируясь на них, Х. И. Дуке по аналогиям бронзовых предметов и керамики в чустской и карасукской культурах датировал Бургулюк одним этапом — IX—VII вв. до н. э. (211, с. 86—87, 89). Однако из анализа материала бургулюкского комплекса вытекает, что в его формировании, помимо чустско-эйлатанского влияния, определенную и довольно значительную роль играл сакский компонент, а туябугузские поселения не характеризуют хронологически время всей бургулюкской культуры. Сопоставление росписи бургулюкской керамики с сакской предпринималось еще В. М. Массоном (327, с. 62). Нами также отмечалось сходство некоторых форм, в частности мисок, с керамикой сакского круга (138, с. 46—48). Наше мнение поддержано А. И. Тереножкиным (213, с. 22—23), который в свое время обратил внимание на связь этой керамики с семиреченской (493, с. 153, 155) и появление чустских культурных элементов связывал с возможностью миграционных явлений в чустской среде, датируемых приблизительно VII—VI вв. до н. э. (213, с. 23). Нельзя забывать, что некоторые бронзовые изделия этого круга, например, кинжал, датируются не ранее V—IV вв. К VI—V вв. до н. э. должны быть отнесены кельты, аналогией которым является кельт из Баксука (468, с. 125—128).

На чустских поселениях вместе с бронзовыми серпами, аналогичными бургулюкским, широко используются каменные, которые не отмечены в Туябугузе. Это свидетельствует о более позднем этапе Бургулюка по сравнению с Чустом. Нам кажется, с учетом всех аргументов культура может быть разделена, как это и делалось А. И. Тереножкиным, на два этапа — Бургулюк-I и Бургулюк-II. Первый, имеющий аналогии в чустской культуре и продолжающий некоторые ее традиции, может быть датирован IX—VII вв., второй связывается с сакской культурой и примыкающими элементами культур сарматского круга. А. А. Аскарлов и М. И. Филанович по материалам Шаштепа выделяют в его пределах два этапа: завершающую стадию бургулюкской культуры VI—IV вв. до н. э. и переходный этап перерастания бургулюк-

ской культуры в каунчинскую — III—II вв. до н. э. либо III в. до н. э. (49, с. 28—29, рис. 2).

Несомненно, детальный анализ крупных этапов необходим. Но к настоящему времени материал для этого получен незначительный. Шаштепа в группе памятников бургулюкской культуры является окраинным пунктом, и явления, проходившие в нем, могут быть не типичны для культуры в целом. Кроме того, переход от бургулюкской культуры к каунчинской, на наш взгляд, является не просто трансформацией первой, а результатом активного внедрения новых этнических групп с их комплексом и архитектурно-строительным опытом и он должен относиться уже к новому периоду. Возможно, с ним свяжется и возведение монументальной оборонительной стены Шаштепа. Исходя из этого, на данном этапе исследования мы оставляем деление бургулюкской культуры на два этапа — I и II с датировкой первого IX—VII вв. до н. э., а второго — VI—III вв. до н. э.

Каунчинский археологический комплекс (II в. до н. э.—начало VI в. н. э.). Впервые памятники каунчинской культуры открыты в 1934 г. Г. В. Григорьевым (173). Последующие работы направлены на углубленное исследование объектов и выявление новых, уточнение датировки и интерпретацию материала (24, 26, 138, 162, 186, 187, 189, 280, 281, 317, 493). Ныне материалы каунчинского времени найдены на 101 памятнике, причем наиболее интересные комплексы получены на Каунчитепа, Чардаре, Канке, Кавардане.

Систематизация каунчинского материала, в первую очередь керамического, была проведена Л. М. Левиной (293, с. 90—193), атрибуция отдельных объектов предложена Б. А. Литвинским (304), вопросы датировки культуры и состав ее носителей рассмотрены другими исследователями (461, с. 134, 489, с. 81, 84; 493; 495, с. 175—176, 263).

Г. В. Григорьев разделил каунчинскую культуру на два этапа — I и II. Впоследствии некоторые исследователи выделили из ее состава джунскую культуру (303, с. 29—37; 402; 493, с. 159—160); другие отнесли джунские памятники к варианту каунчинских и включили их в состав Каунчи-II (293, с. 181—182) с выделением дополнительного этапа — Каунчи-III (293, с. 184—186).

Несмотря на казалось бы разносторонний анализ, наблюдаются значительные разногласия и в датировке культуры в целом, и в хронологии ее этапов. Принципиально различны взгляды и на такой кардинальный вопрос, как генезис культуры. До сегодняшнего дня остается предметом дискуссий этническая принадлежность ее носителей.

Г. В. Григорьев, основываясь на отсутствии в ранних слоях Каунчи железных орудий, отнес культуру Каунчи-I к концу бронзового века: концу II — началу I тыс. до н. э., Каунчи-II, исходя из архаического облика материала, датировал серединой I тыс. до н. э. и связал с носителями сакской культуры (186,

с. 39; 188, с. 9; 189, с. 49). А. И. Тереножкин и С. П. Толстов подвергли эту датировку проверке. Сравнив комплексы Каунчи с усуньской культурой, А. И. Тереножкин первоначально отнес их к первой половине I тыс. н. э. (488, с. 86—87; 489, с. 84—86). С. П. Толстов считал более правильным отнесение Каунчи-I к I—II вв. н. э., Каунчи-II, как довольно пестрого материала — ко II—IV вв., отметив, что часть его, возможно, будет датироваться и более поздним временем — вплоть до V—VI вв. н. э., так как однородность слоя вызвала у него большие сомнения (495, с. 175—176).

Т. Г. Оболдуева датировала каунчинскую культуру рубежом нашей эры, представив ее как ранний местный вариант согдийской культуры на Сырдарье, развитие которой обусловлено высоким подъемом оседлоземледельческих культур Средней Азии кушанского времени. Памятники района р. Джун она характеризует как генетически связанную с Каунчи, но самостоятельную культуру основной массы населения Ташкентского оазиса и относит к III—IV вв. н. э. (402, с. 101—102). Основываясь на выявленных Т. Г. Оболдуевой элементах, связывающих джунские курганы с сарматскими Нижнего Поволжья, А. И. Тереножкин датировал джунский комплекс II—IV вв. н. э. и в связи со сменой в этот период погребального ритуала и антропологического типа поставил вопрос о замене длинноголовых каунчинцев-саков короткоголовыми европеоидами, близкими к усуням Семиречья, древнему населению Восточного Туркестана и сарматам Нижнего Поволжья. Появление их он объясняет переселением с востока этнических групп, возможно, вызванным распадом гуннского племенного союза Центральной Азии (493, с. 159—160). Датировка Джуна II—IV вв. н. э. позволила А. И. Тереножкину углубить начальную дату Каунчи-I до II—I вв. до н. э. (489, с. 88—89).

Г. В. Григорьев курганы Джуна внес в каунчинскую шкалу как Каунчи-III и датировал I—II вв. н. э. (189, с. 59—60). Л. М. Левина выявила, что шкала Г. В. Григорьева построена не на стратиграфии раскопок, а на интуиции исследователя, делившего материал по внешнему виду и степени архаичности форм. Она частично перегруппировала материал, разделив его на три хронологических этапа: Каунчи-I — рубеж н. э. или I в. до н. э. — III в., возможно, до начала IV в. н. э., Каунчи-II — с IV по V в. н. э., Каунчи-III — с VI по начало VIII в. н. э. (293, с. 178—188). Выделив в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи с начала I тыс. н. э. три крупных культурных области — джетыасарскую, отарско-каратаускую и каунчинскую, автор отмечает теснейшую близость двух последних.

Первому этапу присуще влияние каунчинской культуры на север и северо-запад, так как в джетыасарской культуре наблюдается присутствие элементов среднесырдарьинских культур. На втором этапе наблюдается обратное влияние джетыасарской культуры, в свою очередь испытавшей воздействие элементов культур

более восточного происхождения (Южная Сибирь, Тува, Монголия), что обусловило перемещение местного населения вверх по Сырдарье до Ферганы (293, с. 241—242).

На третьем этапе отмечается локализация культуры, отражающая этнокультурное единство внутри региона.

Каунчинская культура пришла на смену бургулюкской. Сравнительный анализ показывает, что между ними есть определенные черты преемственности (49, с. 28—29; 138, с. 48—49), но, на наш взгляд, они не являются значительными. Для архитектуры Каунчи характерна развитая фортификация, строительство монументальных жилых, общественных, дворцовых, культовых сооружений с применением устоявшегося стандарта сырцового кирпича, пахсы и их комбинаций. Причем, если в Бактрии, Согде, Хорезме основной стандарт античного кирпича квадратный, то здесь он используется изредка как исключение и заимствование. Основной каунчинский стандарт — крупный прямоугольный размером 46—52×23×26—9—12 см.

Фортификация строится с учетом средств против стенобитной техники. Характерно знание приемов возведения куполов и сводов, арочных систем различных конструкций, что характеризует Каунчи-I как культуру с развитой архитектурной традицией.

Погребальные обряды Каунчи-I представлены в основном курганными захоронениями с лёссовой, реже каменной насыпью. Конструкция могил — катакомбы с поперечным, реже продольным дромосом. Погребения — групповые трупоположения, на спине. Они сопровождаются инвентарем в виде сосудов, орудий труда, украшений. Интересна находка ямных и подбойных захоронений с каунчинским материалом, но с несколько иным способом захоронения — трупоположением с раскинутыми руками и ногами, «в виде всадника» (211, с. 118), известным для прохоровского и особенно сусловского этапов сарматской культуры II—I вв. до н. э. (20, с. 54—57). Нам пока не известны погребальные обряды бургулюкцев, но для предгорных районов I тыс. до н. э. были характерны ямные захоронения с курганной насыпью (212, с. 33—42).

В каунчинском комплексе самый обширный материал — керамика. Детальная характеристика ее — объект специального исследования. В значительной степени это сделано Л. М. Левиной (293). Мы остановимся лишь на краткой характеристике комплекса в той мере, в какой это необходимо для вопросов периодизации. На раннем этапе Каунчи-I керамика представлена почти целиком лепной посудой, однако в противоположность Бургулюку она плоскодонна (рис. 6). Многие формы сосудов по светлому ангобу украшены росписью коричневого либо чернокоричневого цвета с растекающимися полосами. По технике нанесения, колору, мотивам орнамента эта роспись совершенно отлична от бургулюкской. Следует отметить, что значительная

часть керамики генетически не связана с бургулюкской. Наиболее распространены в комплексе следующие формы:

хумы и хумча яйцевидной, иногда даже вытянутой формы (см. рис. 6, 36). На широком донце — следы подсыпки песка,

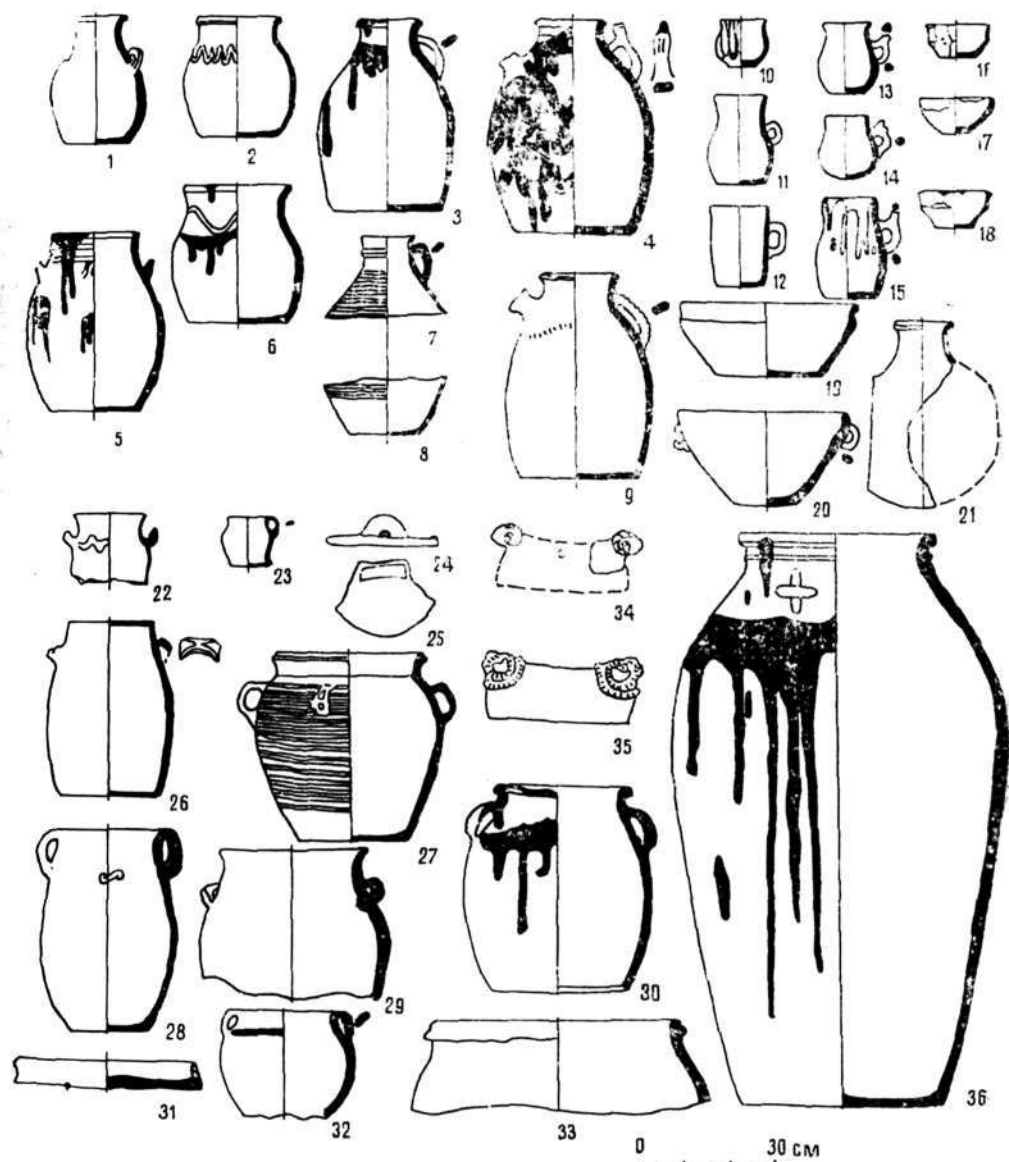

Рис. 6. Керамический комплекс Каунчи-1:

1, 3, 4, 7, 9—кувшины; 2, 5, 6, 22, 27—горшки; 10—15, 23—мелкие горшочки и кружечки; 16—20—миски; 21—фляга; 24—25—крышки; 26, 28—30, 32, 33—котлы; 31—жаровня; 34—35—подставки-шашлычницы; 36—хум

зерна или матерчатой основы. Горловина невысокая, устье часто по размерам равно донцу, венчик слегка отогнут наружу, утолщен или чаще с подтреугольным клювовидным отворотом. На плечике иногда тамга — двойные треугольники, крест;

кувшины одноручные. Форма вытянутая (см. рис. 6, 1, 3, 4, 7—9). Нижняя половина тулова утяжеленная, основание устойчивое, широкое. Плечики покатые, цилиндрическая горловина завершается округлым либо подтреугольным в сечении венчиком. От плечика к середине горловины или закраине поднимается миндалевидная в сечении ручка. Изредка она оформляется в виде фигурки животного, иногда просматривается его силуэт или что-то определенное из его облика. К противоположной от ручки стороне изредка подлеплен цилиндрический носик со слегка выделенным сливом. Сосуды этого типа также украшались темной краской внаплеск, иногда волнистыми линиями, либо рядами насечек. Л. М. Левина отмечает и сосуды с рифлением (293, с. 180), однако этот тип в Каунчи-I встречается лишь как исключение;

горшки широкогорлые с открытым устьем и устойчивым дном. Высота их близка к максимальному диаметру тулова. По плечикам две небольшие ручки. Орнамент очень редок, повторяет украшения кувшинов (см. рис. 6, 2, 5, 6, 22, 27);

котлы горшкообразные, представляющие собой одну из самых распространенных форм культуры (см. рис. 6, 26, 28—30, 32, 33). Вылеплены из глины с примесями, формовка часто грубая. Тулово округлое или слегка вытянутое вверх, переход к плоскому дну мягкий. Плечики округлые и вытянутые, с двух сторон небольшие вертикальные ручки, опускающиеся непосредственно от закраины на плечико, часто украшенному жгутовидным орнаментом или изображением бараньих рожек. Горшкообразным котлам близки горшки прохоровского типа, преимущественно одноручные со стенкой в изломе черного цвета, изготовлены из глины с шамотом;

небольшие горшочки-кружечки — вторая распространенная форма (см. рис. 6, 10—15, 23). Среди них встречаются типичные кружки с округлым туловом и более вытянутые формы, переходящие в горшочки. Переход к донцу иногда округлен, закраина обычно поставлена прямо и заострена. Встречаются и упрощенные варианты подпрямоугольной и конической форм, характерной чертой которых является ручка-петелька на плечике. Она часто завершается фигуркой животного (304, с. 3—13);

миски небольшие и крупные (см. рис. 6, 16—20). В основном это невысокие сосуды открытой формы с небольшим плоским донцем, расширением нижней части стенки к середине тулова и резким или плавным переходом к прямо поставленному простому заостренному или утолщенному с плоским верхом венчику. Иногда венчик слегка загнут внутрь. Изредка встречаются крупные миски с кольцевыми ручками;

фляги типа мустахара с одним плоским, а другим выпуклым краем (см. рис. 6, 21). Размеры их различны — от очень маленьких до сосудов полуметрового диаметра. Встречаются редко;

сковороды или жаровни невысокие, толстодонные сосуды с коротким вертикальным или коническим бортиком (см. рис. 6, 31);

небольшие курильницы-плошки, крышки плоские и дисковидные, иногда с процарапанным или рельефным наlepным орнаментом и различными формами ручек;

керамические поделки подставки — «шашлычницы», завершающиеся по бокам протомами с головками баранов (см. рис. 6, 34—35). Они включают и реалистические изображения животных, вплоть до рельефной разделки шерсти, и стилизованные с условной трактовкой отдельных характерных элементов.

Помимо керамики, из слоев Каунчи-I получены многочисленные орудия труда и оружие, бытовой инвентарь и разнообразные как по составу, так и по материалу украшения. Кроме того, ши-

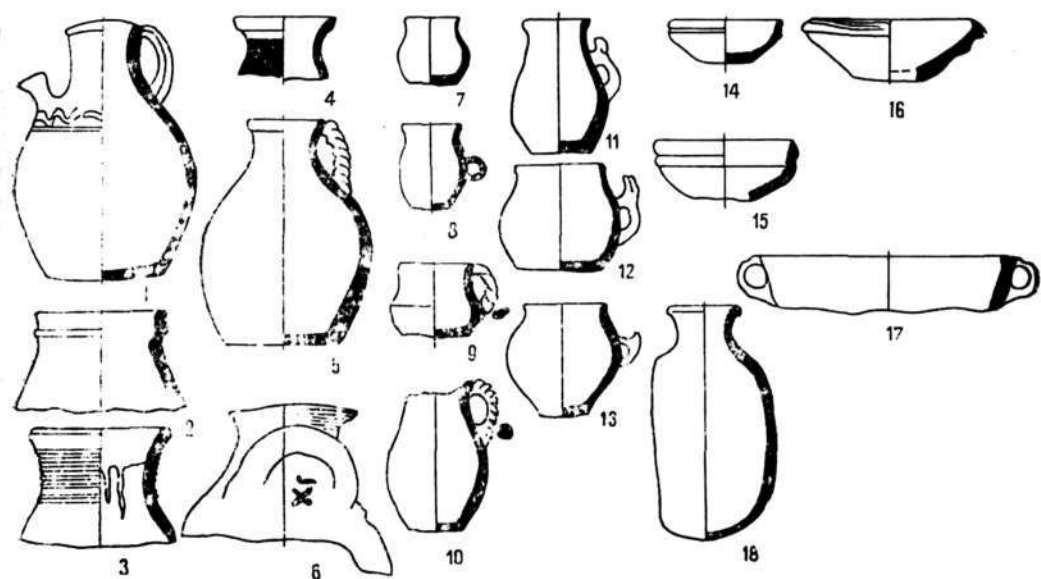

Рис. 7. Керамический комплекс Каунчи-II:

1—6—кувшины; 7—13—горшочки и кружечки; 14—17—миски; 18—фляга

роко распространены изделия из железа: железные однолезвийные ножи с прямой и округленной спинкой, наконечники стрел, мелкие и крупные, преимущественно трехперые, черешковые, имеющие аналогии в сарматских и среднеазиатских комплексах (303, с. 75); мотыжка, крючья и звенья, цепи, пластинки, детали конской упряжи, поясные наборы, пряжки с неподвижным и подвижным язычком.

Для Каунчи-II более чем для первого этапа характерно обилие крышек, в основном грубоватых по выделке, плоских с ручкой-отростком в центре или вертикальными ручками ближе к краю крышки (рис. 7). Орнамент рельефный наlepной и вдавленный, мотивы разнообразны.

Таким образом, по сравнению с Каунчи-I мы можем отметить в керамике следующее: возрастающее производство тонкостенной посуды, сосудов, изготовленных на гончарном круге, в основном

медленного вращения, появление ранее неизвестных форм, характерных для джетыясарского комплекса II—III вв. н. э., например широкогорлых горшков с рифлением горловины и поперечной петлевидной ручкой (см. рис. 7, 3, 6). Вновь распространяется орнаментальный узор — плетенка, прослеживается нарастание керамических форм (особенно в столовой посуде) с лощением внешней поверхности в основном красного и черного цвета. Лощение и густое с интенсивной окраской, и тонкое полосчатое. Вероятно, для Каунчи-II можно считать более характерным орнаментацию сосудов в виде изображений на ручках фигурок животных как реалистичных, так и стилизованных (см. рис. 7, 11—13). Хумы с подковообразными в сечении ободками венчика отмечаются для Средней Сырдарьи с первых веков н. э. (21, с. 9; 317, с. 44, рис. 17, 4).

С джетыясарским влиянием связывается появление кувшинов с фигурными фестончатыми сливами и рифлением горловины, причем это явление относится к IV—V вв. н. э. (291, с. 89). Подобные сосуды в незначительном количестве встречены и в Северной Фергане на границе с Ташкентским оазисом (528, с. 245, 247, рис. 2, 12).

Орнаментация кувшинов также находит аналогию на соседних территориях. Так, узор в виде запятых и галочек покрывает керамику III—IV вв. н. э. Гайраттепа (268, с. 232, рис. 6, 12). Некоторые формы, например кружку с петлевидной ручкой, покрытые красным и темно-коричневым ангобом, Б. А. Литвинский считает характерными для II—III вв. н. э. (303, с. 32). Все эти материалы позволяют датировать керамику Каунчи-II в пределах II—IV вв. н. э. Значительную группу керамических поделок составляют пряслица биконической формы.

В Каунчи-II найдены материалы по металлургии и обработке металлов. В шахристане и цитадели Кульата в слоях конца Каунчи-I и II найдены обломки стенок плавильных горнов, куски руды и шлаки, связанные с плавкой полиметаллической, преимущественно медной и серебряной руды. Производство металлургов представлено цилиндрическим в плане горном для плавки железа диаметром 2,2 м в Кадовадтепа. Изделия из металла разнообразны: это железные обоюдоострые мечи с ручкой без перекрестия, однолезвийные черешковые ножи, трехперые и узкие четырехгранные черешковые наконечники стрел, детали конской упряжи, поясные пряжки с подвижным языком, бронзовые пряжки в виде колец, крепящихся к рамке штифтами, и в виде рамочки-замочка квадратной формы, зеркалами, арбалетообразной фибулой. Украшения — серьги из тонкого и листового золота с зернью и инкрустацией, шаровидные серьги и бусы, бляшки, серебряные и бронзовые перстни. Печати бронзовые в виде небольших цилиндров с петелькой. На лицевой стороне их нанесено негативное изображение растительных мотивов и фигурки животных.

Каменные изделия представлены зернотерками, жерновами, грузилами ткацких станков, пряслами, точилами, украшениями из самоцветов.

На позднем этапе каунчинской культуры — Каунчи-III (рис. 8, 1—30) широко распространяется красноокрашенная и слегка запыленная серая задымленная керамика, появляется терракотовая скульптура, происходит смена «шашлычниц» подставками в виде головы быка, распространяются наземные погребальные сооружения — склепы. Возможно, в это время появляются пер-

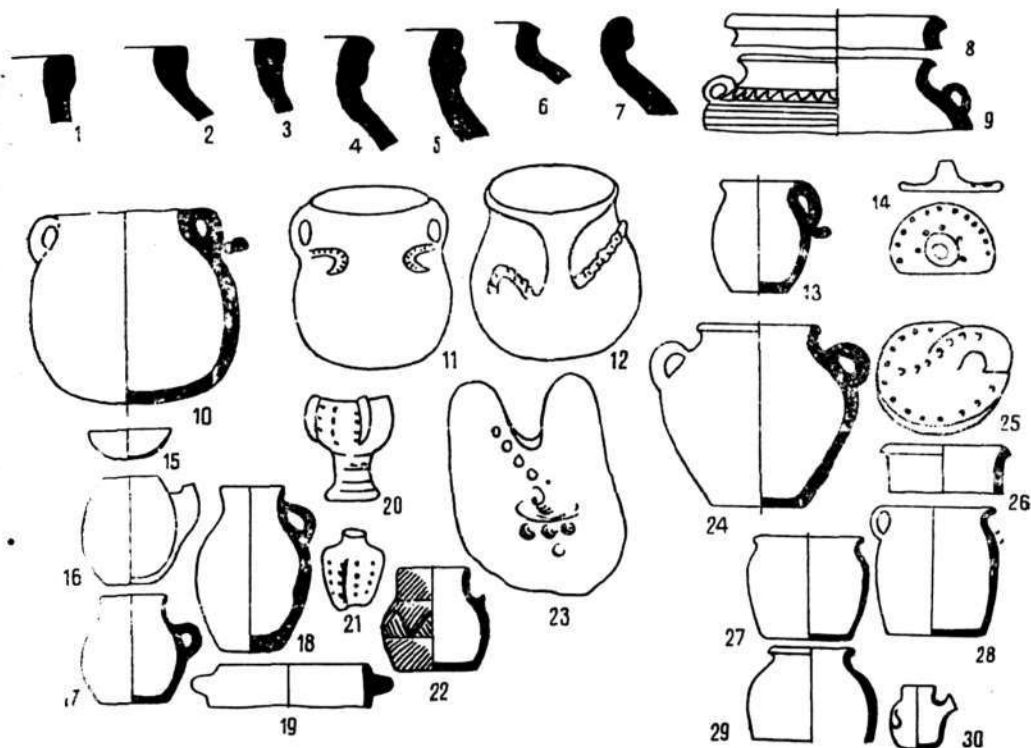

Рис. 8. Керамический комплекс Каунчи-III

вые оссуарные захоронения. Наблюдаются изменения в составе мелкой пластики: в верхних слоях Каунчи была найдена терракота с зооморфными и антропоморфными сюжетами в виде объемной скульптуры и плакеток.

Терракота с зооморфным сюжетом представлена скульптурным изображением дикого кабана. Морда животного, покрытая черной краской внаплеск, передана в легком оскале, из пасти торчат небольшие клыки. Показанная насечками щетина вздыблена. Поза воинственно угрожающая.

Антропоморфная терракота — скульптурная и барельефная. Скульптура представлена мужскими фигурками. Терракота этого типа имеет широкие аналогии в памятниках Средней Азии V—VIII вв. Исследовавшая терракоту Согда В. А. Мешкерис отме-

чает присущее этой группе обозначение зрачков углубленными ямками (367, с. 49). Вторая группа терракоты исполнена в иной манере. Это барельефные налепы на плоском фоне и плитки с рельефным изображением на углубленном фоне. Барельефом выполнена фигурка, найденная на холме севернее Канки. Терракота размером 34×16 см изображает стоящую фронтально женщину в головном уборе с короной в виде щита Артемиды с распахнутыми крыльями. Лицо овальное с миндалевидными глазами и чуть приоткрытым в легкой улыбке ртом. Нос с легкой горбинкой, похож на изображения на монетах Чача. В маленьких ушках колечковидные серьги. Одета в короткое легкое платье, поверх которого наброшена накидка из тяжелой ткани. На подоле платья оттиснуто изображение бегущего козла. На ногах — сапожки с отогнутым верхом. В руках струнный инструмент типа лютни. Фигурка, вероятно, является частью скульптурного терракотового фриза. Она датируется серединой I тыс. н. э. (15, с. 45—48). На Канке найдена плакетка овальной формы, в которой оттиснуто изображение женщины, сидящей под рельефной аркой, со струнным инструментом также овальной формы.

Интересна терракота с изображением всадника с копьем в обрамлении стрельчатой арки. Композиция плакетки необычна. Художник передает фигуру всадника фронтально. Она крупнее лошади. Посадка всадника прямая, лицо слегка удлиненное со впалыми щеками, острой бородкой клинышком. На голове диадема из перлов, трехрогая корона с султанчиком, в правой слегка согнутой руке копьё, в левой — повод. Одет в кафтан или кольчугу. Ноги всадника вытянуты вперед, как при запрокинутой назад фигуре. Лошадь с маленькой головой, изображена с показом всех четырех ног. Плитки с сюжетными изображениями известны по памятникам V—VI вв. н. э. (367, с. 59—60). В комплексе встречаются керамические печати в форме цилиндров диаметром 2,5—4,5 см, с углубленным негативным изображением растительных мотивов и фигурки козла с крупными откинутыми назад рогами.

Производство представлено печами прямоугольной и крупной формы для плавки меди в Кокреле (140, с. 38—40); железоплавильными круглыми печами из Ташбулака, кузнечными печами из Кендыктепа (211, с. 100—101). И в то же время продолжают бытовать все основные керамические формы раннего этапа.

Нумизматический комплекс представлен двумя кладами и отдельными находками из раскопок и подъемного материала и включает около 1300 экземпляров. Таким образом, каунчинский комплекс выступает как существенно отличающийся от бургулюкского устойчивым сочетанием признаков. Датировка начального этапа его колеблется от II в. до н. э. (493, с. 153—155) до грани н. э. (277).

В последнее время по материалам Шаштепа выдвинута промежуточная ступень между Бургулюком и Каунчи-I — этап

Шаш-II, датируемый III—II вв. до н. э. и трактуемый как «перерастание древнеземледельческой бургулюкской культуры в начальный этап культуры Каунчи» (49, с. 29). Описываемый авторами слой Шаш-II двухметровый. Соотношение компонентов бургулюкской и каунчинской керамики в нем не представлено. Отмечено, что структура слоя не отличается от нижнего, бургулюкского и также включает остатки полуземляночных жилищ. А к завершающему этапу отнесено возведение оборонительной стены четырехметровой толщины, окружавшей центральную часть холма, в виде прямоугольника с заovalенными углами с перекрытым аркой проемом во внутростенное помещение или форт (49, с. 28—29). Сам факт возведения стены на завершающем этапе «ступени» говорит о неоднородности слоя, а сочетание мощной фортификации в виде стены четырехметровой толщины с фортом и жилищ-полуземлянок сомнительно. Более правильно возведение стены отнести к началу нового каунчинского этапа в жизни памятника. Логичны при этом и связи фортификации с внешним контуром «дворца» Актобе-2 (317, с. 71), относимого к Каунчи-I. Наличие же бургулюкских элементов в последующей культуре естественно, так как старый компонент населения в регионе оставался, хотя, по мнению Левиной, увязать типологически с каунчинским можно лишь отдельные элементы бургулюка, не оказавшего решающего влияния на новую культуру.

Важно отметить в составе раннекаунчинского комплекса керамику, связываемую, с одной стороны, с прохоровской и сусловской культурой сармат, а с другой — с джетыасарской керамикой первых веков до н. э. в низовьях Сырдарьи. Эта группа керамики отмечена для Каунчи, обоих слоев Актобе-2 (293, с. 96), а также для Шаштепа (49, с. 28—29) и может служить определенным показателем правомерного отнесения ее нижней границы ко II в. до н. э. В определении верхней границы Каунчи-I можно согласиться с датировкой II в. н. э.

На среднем этапе уже широко распространяются шаровидные котлы с ручкой, копирующей фигурные ручки металлических котлов, сосуды, характерные для джетыасарской культуры III—IV вв. н. э. (293, рис. 15, 55—74). С учетом этого Каунчи-II может быть датировано II — до IV в. н. э.

Завершающий этап — это Каунчи-III. Он датируется IV — первой половиной VI в. н. э. Ареал распространения комплекса Каунчи-II и III, по нашему мнению, может быть определен шире, чем Каунчи-I. В бассейне Сырдарьи севернее Ташкентского оазиса выделена отарско-каратаусская культура (22, 88). Л. М. Левина подчеркивает, что керамические комплексы указанного района по крайней мере с первых веков по VIII в. н. э. чрезвычайно тесно связаны с каунчинской культурой Ташкентского оазиса (293, с. 224). Последующие археологические исследования в Южном Казахстане дали новые факты, подтверждающие данное

ожение. Обширный материал этой культуры получен не только в укреплениях, стоявших вдоль русел небольших рек и на мысах Сырдарьи, но и в самом Отраре (30, с. 83; 364, с. 198—205; 409, с. 93—107; 410, с. 78—84).

Отмечая глубокую связь каунчинской и отрарско-каратауской культур, Л. М. Левина разделяла их в первую очередь по особенностям погребальных обрядов, так как отрарские курганы, по ее мнению, резко отличаются от каунчинских (277, с. 223). Однако исследования последних лет в Отрарском оазисе выявили их значительное сходство с каунчинскими (318, с. 95—118; 392, с. 108—120; 394, с. 130—136; 395, с. 517). Все эти факты говорят о значительно большей близости между культурой Отрарского и Ташкентского оазисов, чем это представлялось раньше, и позволяют отнести их к единой или родственной этнокультурной группе, составляющей, вероятно, и политически единое целое. Напомним, что и в последующие периоды (раннее средневековье и X в.) Отрар входил в состав Чача, составляя его северные пределы. Более северные районы Сырдарьи от Туркестана до Янгикента можно рассматривать как зону контакта каунчинской культуры с джетыасарской. Это Маслахаттюбе, Шорюк-тюбе, Костобе, Актобе Туркестанское, городище Садыката, Ордакет (293, с. 198—212).

На востоке тесно связанными с этой культурой оказались поселения долины Чаткала и Пскема (259, с. 9—62), курганы Таласской долины (267, с. 33—77). На юге в ареал распространения этой культуры входит Северная Фергана, население которой имело связи с оседлыми и кочевыми племенами Ташкентского оазиса. Да и само появление погребальных сооружений нового типа связывается с этническими передвижениями II—I вв. до н. э. (300, с. 128—129; 442, с. 52). Линия связей здесь прослеживается и в восточных районах Ферганской долины, вплоть до Южной Киргизии, примером чему служит усадьба Кайрагач (103, с. 436; 104, с. 447—449) и катакомбный могильник (106, с. 579—580; 107, с. 566—567). Дальние связи прослеживаются на запад и юго-запад с Центральным, Западным и Южным Согдом и в первую очередь со степными и предгорными районами долины Зарафшана. Это Кызылкыр, Лявандакские, Хазаринские, Акджарские и Сазаганские курганы, многочисленные поселения Каршинского оазиса (242, с. 16; 244, с. 82; 246, с. 71—86; 247, с. 119; 248, с. 68—86; 388, с. 60—78; 398, с. 58—70; 399, с. 57—65; 400, с. 71—86)¹.

Мингюрюкский археологический комплекс (VI—VIII вв. н. э.). Материалы комплекса в Ташкентском оазисе выявлены на 292 объектах, в том числе на 32 городищах. В научную литературу эти материалы входят либо с абсолютной датировкой (VI—начало VIII вв. — VII—VIII вв. н. э.), либо под этническими

¹ Датировка Кызылкыра В. А. Нильсеном значительно заглублена.

названиями (тюркские, тюркско-согдийские материалы Чача). Л. М. Левина при системном анализе материала выделяет этот этап как Каунчи-III.

Однако в связи с тем, что данный комплекс обладает большими локальными различиями с предыдущими, мы считали целесообразным выделить его в самостоятельный и назвать по объекту, в котором впервые для Ташкентского оазиса был получен наиболее полный набор конструктивных и планировочных элементов архитектуры и материальной культуры городского типа, мингурюкским.

В отличие от каунчинского мингурюкский комплекс в своей основе вырастает на базе предыдущего и продолжает его развитие, но уже в иных социально-экономических и политических условиях.

Остановимся на некоторых моментах материальной культуры. Архитектура этого периода представлена довольно широко: и крупными памятниками (Мингурюк, Ханабад, Канка, Имлак) и более мелкими (замки Актепа, Чиланзарское, Актепа Юнусабадское). Основным строительным материалом становится крупноблочная пахса. Но при строительстве сложных узлов сводов, арок, переходов и т. д. продолжает использоваться и крупноформатный сырцовый кирпич прежних размеров. Ширина к длине его обычно составляла 1:2. Иногда при возведении стен применяли кирпич вперемешку с пахсой. Как самостоятельный строительный материал при сооружении монументальных жилых и общественных комплексов кирпич начинает применяться в конце мингурюкского этапа.

Характерной отличительной чертой при строительстве укреплений, цитаделей, замков, городских стен было возведение их на искусственных цоколях. Оборонительные стены имели валганг и бруствер для ведения навесного боя. В систему стен включаются выступающие башни овальной, прямоугольной и ступенчатой формы, двойные стены с коридорами с бойницами одноярусного и двухъярусного боя. Вырабатывается планировочный тип жилых, парадно-общественных и культовых сооружений с узкими длинными жилыми, хозяйственно-производственными и культовыми помещениями, квадратными парадными, системой свободных коридоров, суф с выделенной центральной суфой — «эстрадой». Архитектура этого времени дает уже развитые сводчатые конструкции с четко разработанными приемами. Входные проемы оформляются арками, помещения перекрываются сводами полуциркулярной формы, выложенными наклонными отрезками с разгрузочными элементами. Этот прием сочетается с плоскими перекрытиями, опирающимися на колонны или перекрытия типа «рузан».

В отделке интерьера появляется монументальная стенная живопись, рельефная резьба по глине. В оформлении применяется жженный кирпич фигурной моделировки.

Определенная эволюция происходит в погребальных обрядах. Наряду с захоронениями в курганах, сохранившимися в адырной и предгорной зонах (26), распространяется новый обряд — погребения в оссуариях. Выявлено 15 пунктов оссуарных захоронений. Гробики из обожженной глины, обычно овальной формы, попадают и более оригинальные (Муратали, Ниязбаш). Они орнаментированы насечками, растительными мотивами, зооморфными и антропоморфными фигурками и композициями. Интересны навершия крышек с изображениями птиц, животных и т. д. (128;

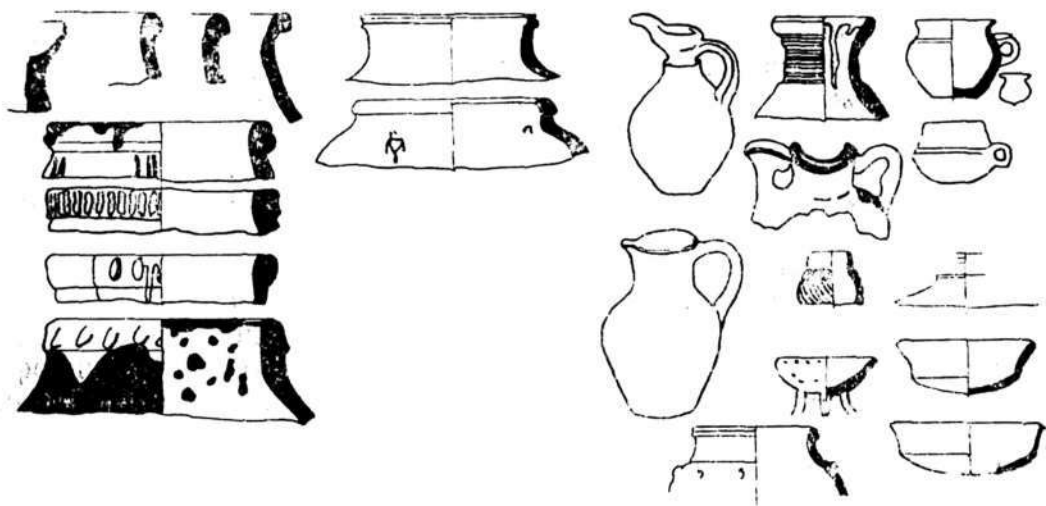

Рис. 9. Мингурюкский керамический комплекс

210, с. 34—36). Оссуарии помещались в землю или устанавливались в наусы. В Муратали и Пскенте встречены вместе и трупоположения и захоронения в оссуариях.

Рассмотрим материальную культуру комплекса и в первую очередь самый обширный материал — керамику. В технологии ее производства отмечаются значительные изменения. Применяется гончарный круг медленного вращения и позднее — быстрого, двухъярусная цилиндрическая гончарная печь со столбом в центре или у стен топочной камеры, поддерживающей ее под, с обогревом камеры через жаропроводящие каналы в центре пода или вдоль стен (14, с. 83—92).

В целом в керамике комплекса можно выделить два хронологических этапа: ранний и поздний (рис. 9). Первый наиболее полно представлен слоем Мингурюка (209, с. 29—30) и Каунчитепа, повторяя многие формы Каунчи-II, но отличаясь, при этом большим совершенством. Обжиг посуды целиком горновой, не всегда равномерный.

В комплексе встречается станковая и лепная посуда, причем процент станковой различен (ср.: 209, с. 30 и 210, с. 10), изменяясь в целом в сторону нарастания. Основные группы представ-

лены кухонно-хозяйственной и столовой посудой: хумами, котлами, горшками. Хумы и лепные, и сформованные на круге медленного вращения. Форма их яйцевидная и широкая приземистая, горловина выделена незначительно. Венчик прямо поставленный профилированный, диаметр устья (30—35 см) обычно равен диаметру донца. Снаружи хумы иногда покрыты ангобом со следами потеков красной краски. Хумчи либо повторяют форму ранних, либо более приземисты, подшаровидны. Венчики с сильным перегибом наружу. Валики фигурной формы, горловина выделенная. Эту форму от хумов предшествующего типа отличает использование гончарного круга и отсутствие матерчатого шаблона для лепки основания.

Котлы встречаются двух типов. Первый составляют плоскодонные котлы-горшки. Сосуды лепные из глины с шамотом, плоскодонные, широкогорлые, грушевидной формы. Венчик прямой или слегка отогнутый наружу. На плечике вертикальная ручка с рудиментом фигурки животного или в виде кольца. Эти котлы являются продолжением каунчинской формы. Ко второму типу относятся котлы с округлым донцем и шаровидным туловом, завершающимся утолщенным прямым или отогнутым наружу венчиком.

Найденные в кухонном комплексе горшки представляют собой сосуды плоскодонные с широким туловом, слегка суженной горловиной и отогнутой закраиной. В целом по форме они ближе к котлам первого типа, но отличаются от них и орнаментом на поверхности, и отсутствием ручки. Ангоб светлый и коричневый, окраска с потеками, на котлах рифление. Иногда на плечике знак в виде креста или круга. Помимо них в кухонном комплексе встречены дастарханы, жаровни, крышки и подставки в виде совершенно стилизованных бычьих голов, характерных для Каунчи-III.

Столовая посуда более разнообразна, чем на предшествующем этапе. Одна из ведущих форм — кувшины, отличающиеся от Каунчи и общим разнообразием, и новыми формами. Их можно подразделить на четыре типа. К первому относятся сосуды с грушевидным туловом, утяжеленным дном, выделенной горловиной и небольшим профилированным венчиком. Над венчиком горловины небольшая пластинчатая с желобком снаружи ручка, под которой часто прочерчен крест, либо иногда насечки, налеты в виде бараньих рожек. На вершине ручек изредка налепы-пуговочки, представляющие собой рудименты зооморфного орнамента предшествующего этапа. Иногда встречаются кувшины с потеками раскраски, но чаще их заменяет ангоб серого или кремового цвета. Этот тип известен в каунчинской культуре (187, с. 22, 13; 189, с. 64; табл. 3, рис. 29—31; 317, рис. 23) и в Ташкентском оазисе до VIII в. н. э. (209, с. 31—32). Вариантом этого типа можно считать кувшины близкой формы, но с удлиненным слегка отогнутым наружу венчиком и цилиндрическим носиком

на противоположной от ручки стороне. Тулово иногда украшено росписью с потеками и рифлением. Эта форма также известна с предшествующего этапа.

Второй тип представлен широкогорлыми одноручными кувшинами с вертикально поставленной горловиной и валикообразным венчиком. Их вариантом являются сосуды с венчиком в виде небольшого слива. Данная форма широко распространяется на втором этапе, но находка ее в нижних слоях Ханабада позволяет отнести ее появление к раннему этапу. Маленькие экземпляры этого типа приближаются к кружечкам, отличаясь от них лишь более стройными вытянутыми формами.

К третьему типу относятся узкогорлые кувшины, форма тулова которых в целом повторяет предыдущую. Кроме них встречаются сосуды более стройных вытянутых пропорций яйцевидной формы.

Менее распространенным и не столь устойчивым является четвертый тип, который представлен сосудами с шаровидным туловом, раструбообразной горловиной и невыделенным венчиком. Округлая в сечении ручка подлепляется непосредственно к закраине, другим концом опираясь на плечико. В декоре иногда применен разноцветный ангоб.

Вторая ведущая форма столовой посуды — кружки. Для этого этапа в основном характерны кружечки с устойчивым донцем, лепившимся на песчаной подушке, шаровидным туловом и слегка отогнутой наружу закраиной. Пропорции и округлые приземистые и более вытянутые стройные, что четко указывает на генетическую связь этой формы с кувшинчиками с зооморфными ручками каунчинской культуры.

Третья форма представлена открытыми чашами-мисками небольших размеров, плоскодонными, невысокими с округлым туловом и вертикально поставленным или слегка изогнутым наружу венчиком. Сосуды тонкостенные с темно-красным или розовым лощением. В них отчетлива аналогия с мисочками Каунчи-II. Индивидуальными формами являются сосуды типа ритонов, также продолжающие каунчинские традиции.

На втором этапе керамика приобретает более законченный ремесленный вид, изящные, но более стандартные формы. В изготовлении используется гончарный круг быстрого вращения.

Определенные изменения происходят в наборе посуды, особенно столовой, которая становится более разнообразной, в декоре. Наблюдается более тесное сближение керамических изделий с согдийскими. Хумы в основном формируются на гончарном круге, хотя встречаются и лепные, приобретая более стройные пропорции. Еще более удлиняется горловина, появляется форма венчика в виде широкого воротничка, иногда украшенного вертикальными пальцевыми налечами. Изредка встречаются толстостенные хумы в форме яйца со срезанным верхом и утолщенным

венчиком без горловины, снаружи украшенные вертикальной нарезкой в несколько рядов.

Постепенно исчезают плоскодонные котлы — они бытуют в этот период лишь в окраинных районах. Господствует форма шаровидного котла с небольшим утолщенным венчиком, горизонтальной кольцевой ручкой-налепом.

Горшки сохраняют прежнюю форму, но становятся более стандартными. Высота их обычно равна наибольшему диаметру тулова, но в целом они более тонкостенны.

Как и на первом этапе, кувшины продолжают быть ведущей формой, однако их форма стабилизируется. В основном остаются два типа: широкогорлые кувшины с валикообразным венчиком и иногда со сливом (тип 2 раннего этапа) и узкогорлые кувшины (тип 3), иногда с удлинённым сливом, окрашенные в красный цвет и даже покрытые полосчатым, изредка рельефным лощением, что придает сходство с бронзовыми чайдушами. Кружки в отличие от прежнего этапа становятся более многочисленными и разнообразными. Ведущий тип — кружка с шарообразным или приземистым туловом и цилиндрической или слегка сужающейся к венчику цилиндроконической горловиной. Ручка — петелька, иногда прикрытая сверху горизонтальным щитком-налепом для упора. По плечу проходит рельефный рубчик, горизонтально делящий сосуд на две части. Менее распространен второй тип кружки — с округлой верхней половиной. В комплексе, хотя и не столь широко, как раньше, используются чаши-миски.

В украшении сосудов исчезает раскраска с потеками, но шире входит рельефный орнамент, окраска с лощением, рифление. В то же время наряду с новыми мотивами орнаментации сохраняются и старые зооморфные. Среди них группа кувшинов с носиками, оформленными в виде головок быка с открытым ртом, небольшими ушками и откинутыми назад округлыми рожками, оригинальный краснолощенный кувшинчик, устье которого закрыто в виде чаши с оставлением отверстия диаметром в 1 см. От края устья на самую широкую линию тулова опускаются четыре ручки, завершающиеся головами козлов, соединяющихся между собой широкими рубчатыми рогами. Пасти животных полуоткрыты, глаза изображены в виде углублений, сверху небольшим горельефом показаны уши.

А. Н. Бернштам отмечает изображение быка как тотем определенной части тюркских племен с гуннскими генетическими корнями (82, с. 84). Специальную керамическую группу составляют кубковидные курильницы и башнеобразные подставки со стреловидными прорезями. Выделяется группа сосудов, по форме и прорезной технике орнаментации подражающая бронзовым. На обоих этапах встречаются крупные сосуды открытой формы — тагора, светильники-плошки. Интересна глиняная булла из Ханабдтепа с силуэтным изображением человека с каким-то предметом в руке (210, с. 3).

При довольно четкой относительной хронологии комплекса абсолютная датировка материалов более определенно намечается для второго этапа. Кувшины со сливом, кроме Чача, характерны для Согда второй половины VII — первой половины VIII в. н. э. (76, с. 270, рис. 6), кружки первого типа для этого же времени распространены на обширной территории от Семиречья до Согда (188, с. 96; 492, с. 91—92), на городище Мингурюк найден характерный для второго этапа хум с изображением знака, известного на монетах конца VII — начала VIII в. н. э. (119, с. 125—126). Остальные материалы (за исключением монет) не поддаются столь дробной датировке.

Интенсивное развитие горнорудного ремесла приводит к увеличению продуктов металлообработки. Изделия из железа, меди, драгоценных металлов представлены орудиями труда и оружием, бытовыми предметами, украшениями. Кратко опишем из них лишь самые характерные. К числу наиболее интересных изделий из железа следует отнести однолезвийные ножи с черешком и боковым креплением, топоры, трех- и четырехлопастные и ромбовидные наконечники стрел, поясные пряжки, к изделиям из меди и драгоценных металлов — различные украшения: нашивки, шпильки, кольца, серьги. Трехлопастные черешковые наконечники стрел распространены с каунчинской эпохи, но ромбовидные появляются только в VII в. н. э. Кроме Чача, они известны в тюркских погребениях Северной Киргизии, в пещере Амир Темир, замке на горе Муг. Б. Я. Ставиский предполагает их кочевническое северо-восточное происхождение (470, с. 105). А. И. Тереножкин объясняет появление с влиянием арабов, и тот (492, с. 92), и другой исследователь датируют их VII — началом VIII в. н. э. Интересен найденный на Канке брактеат диаметром 20 мм и весом 1,4 г из тонкого листового золота с односторонним отчеканенным рельефом мужского портрета. Лицо в легком повороте вправо, справа и слева от него отдельные знаки надписи. Лицо круглое, молодое, с монголизированными чертами. На голове небольшая шапочка. Весь рисунок в рельефном ободке. Возможно, это поделка, подражающая или даже копирующая монетный портрет правителя. Аналогии золотому брактеату встречены в слоях VI—VIII вв. Семиречья (89, с. 148). Мингурюкский комплекс характеризуется выпуском монет новых типов. Все материалы позволяют датировать мингурюкский археологический комплекс второй половиной VI — серединой VIII в. н. э. с предварительным подразделением керамического материала и монет на два этапа: ранний (вторая половина VI — середина VII в. н. э.) и поздний (вторая половина VII — середина VIII в. н. э.).

Имлакский археологический комплекс (вторая половина VIII—X в. н. э.). Материалы этого комплекса встречены на 172 памятниках, в том числе на 45 городищах. Обширный по составу комплекс характеризуется наличием монет с датами, что позволяет более четко систематизировать материалы с определенной более

дробной типологией некоторых категорий, в частности керамику. Подобная работа с выделением в керамике двух этапов проведена для городов долины Ахангарана (123, 126) и долины Чирчика, где выделено три этапа (209, 210). По названию первого городского пункта, в котором были получены материалы комплекса, он именуется Имлакским.

Архитектурно-планировочная структура комплекса представлена памятниками, размеры которых достигают несколько сотен гектар (Ташкент, Канка, Имлак). Происходят значительные изменения в строительных материалах и приемах. Характерно широкое применение ленточной пахсы, мелкоформатного сырцового кирпича размером $40 \times 20 \times 6$; $18 \times 9 \times 4,5$ см и жженого кирпича размером $20 \times 20 \times 4$ см, а также крупных терракотовых плит. Оборонительные стены городищ не столь монументальны, хотя в некоторых пунктах они двойные, с обводным коридором и округлыми башнями, а в центральном ядре стены иногда перестают поддерживаться и лежат в руинах. Внутренняя застройка представлена общественной, культовой, жилой и производственной. По сравнению с предшествующим этапом общественная и жилищная архитектура более тонкостенна, с плоскими перекрытиями и более свободной планировкой.

Производственные комплексы представлены мастерскими металлургов, металлистов, гончаров. Плавильные горны полуподземные и наземные, цилиндрические в плане с системой искусственной подачи воздуха. Они формовались с применением специального огнеупорного кирпича, изготовленного в форме части круга. Отражательные печи и установки для очистки металла имели различную конструкцию. Кузнечные печи прямоугольной, квадратной и округлой формы с использованием искусственной подачи воздуха.

Гончарные печи в основном круглые в плане, двухъярусные, с подачей горячего воздуха в рабочую камеру через отверстия в донной части пода или по каналам вдоль стен камеры. Фрагментарно представлены детали других ремесел: крупная каменная плита с цилиндрическим углублением в центре и отводящим каналом, являющиеся частью винодавильного пресса — тарапана, деревянный челнок ткацкого станка и др.

Материалы комплекса свидетельствуют об изменении погребальных обрядов. Так, на раннем этапе еще встречаются захоронения в оссуариях (210, с. 34), но затем начинается мусульманский обряд, причем иногда трупоположение в подбоях с небольшой наземной выкладкой-саганой.

Как и для предшествующих комплексов, ведущее место занимает керамика (рис. 10). Особенность Ташкентского региона — сохранение на всех этапах лепной посуды, хотя абсолютно преобладает керамика, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения. Характерно появление глазурованной посуды. В керамике выделяется два этапа — ранний и поздний. Первый пред-

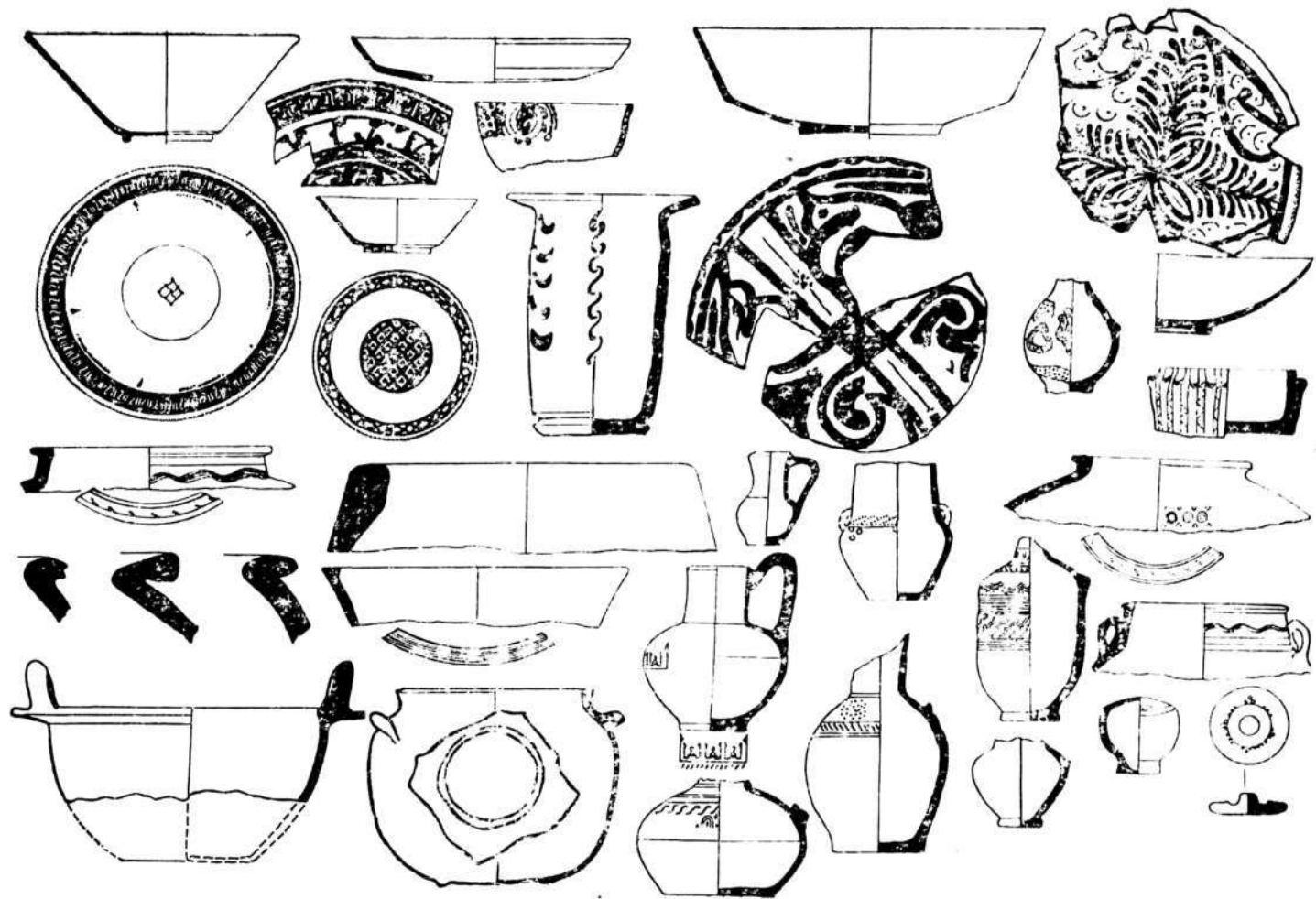

Рис. 10. Имлакский керамический комплекс

ставлен неглазурованной керамикой, изготовленной как на гончарном круге, так и вручную. Формы керамики второго типа идентичны станковой. Охарактеризуем керамику каждого этапа.

Керамика первого этапа. Хумы — сосуды крупных размеров высотой до 1,2 м с яйцевидным туловом на небольшом донце, выделенной горловиной и отогнутым наружу венчиком. Хумчи по форме и напоминают хумы, и более шаровидны. Среди котлов преобладает круглодонная шаровидная форма с горизонтальными наклепными ручками, иногда в подражание металлическим фигурным. Вариантом их являются котлы со сливами.

Наиболее многочисленную группу составляют кувшины, которые можно подразделить на два типа: широкогорлые и узкогорлые. Среди последних встречаются варианты более стройных пропорций, вытянутые, с цилиндрической горловиной и широким в верхней части туловом. Некоторые сосуды крупных размеров представляют собой переходную форму от кувшинов к корчагам. Венчики с утолщением закраины. Ручка чаще всего большая, коленчатая, в сечении миндалевидная, опускающаяся от венчика на плечо. Снаружи многие сосуды украшены ангобом и рельефным штампованным орнаментом. Элементы декора — зубцы, «солнечные диски», вихревая розетка, гребенчатые прямые и волнистые пояски. Основные элементы орнамента сближают их с металлической посудой. Изредка сохраняется коричневатокрасная окраска.

Кружки в основном представлены формой с округлой нижней частью тулова и цилиндрической или чуть суженной к устью верхней и петлевидной ручкой. В целом же керамические кружки входят в число исчезающих форм. Широко распространяются горшки. Некоторые из них по форме близки к кружкам, но только более круглых размеров, а также кувшинам. Развивается форма невысоких горшков с широким устьем, небольшим перегибом к тулову, которое резко сужается при переходе к плоскому донцу. На плечиках две небольшие вертикальные ручки. В комплексе встречаются чаши, но не столь многочисленно, как на предшествующем этапе, крупные тазообразные сосуды тагора, корчаги различных форм, производственная посуда, жаровни, плоские и округло-выпуклые крышки с рельефным резным и штампованным орнаментом, а также более распространяющиеся дастарханы и другие керамические изделия.

Глазурованная посуда на этом этапе представлена в основном сосудами открытых форм — чашами на отогнутом и кольцевом поддоне. Но встречаются кувшины, горшки и чираги-светильники со смятым носиком и небольшой петлевидной ручкой. Чаши довольно массивны. Глазурь непрозрачная, голубовато-зеленоватая, нанесенная на черепок толстым слоем с пятнами и расплывающимися полосами. Сосуды закрытых форм покрыты глазурью, чаши зачастую украшены растительно-геометрическим орнаментом, иногда с заполнением фона точками-гравировкой. Мазки и

точки крупные с растеками. Изредка рисунок обведен черным контуром с марганцевым отливом. Постепенно к концу этапа происходит высветление фона до прозрачности, более четкая передача линий рисунка. Неполивная керамика этого этапа находит тесные связи с предшествующим периодом. Глазурованная керамика характерна для Среднеазиатского междуречья конца VIII—IX вв. н. э. (478, с. 15, 484, с. 9) и для более южных районов также конца VIII—IX вв. н. э. (609, с. 72). С середины IX в. Л. Г. Брусенко отмечает в Чаче появление прозрачной свинцовой глазури (209, с. 89).

Керамика второго этапа. Данный период знаменуется совершенствованием гончарного производства, стандартизацией форм и расцветом глазурованной керамики. Неполивная керамика вновь представлена лепной и станковой посудой. Первая характерна главным образом для городищ предгорных и контактных со степью районов. Основными ее формами являются одноручные кувшины, горшки, повторяющие их форму, горшки приземистой формы с широким устьем-раструбом, чайникообразными сосудами, чашами. Редко встречаются крупные сосуды типа куза. Большая часть сосудов покрыта красной краской, часто с лощением. Некоторые имеют рельефный штампованный орнамент. Мотивы декора и окраска позволяют считать ее подражанием металлической посуде.

Станковая посуда представлена в основном такими же типами. Наряду со стандартизацией форм наблюдается появление других вариантов, что свидетельствует о поисках новых форм и об индивидуальном подходе каждого мастера. В сравнении с предшествующим комплексом хумы меньших размеров, более стройны, с высокой горловиной. Венчик отогнут наружу, иногда профилирован, украшен жгутовидным орнаментом. Плечики и стенки изредка украшены наlepным, процарапанным или штампованным орнаментом, нанесенным специальным калыбом. Встречаются хумчи, в основном они повторяют форму хумов, но более миниатюрны. Большим количеством представлены крупные корчаги и сосуды открытых форм-тагора.

Наряду с типами предшествующего этапа развивается форма, близкая к двуручному горшку, — это кувшины, но более стройных пропорций: узкогорлый, двуручный, одноручный, а также более крупных размеров — кувшин-куза. Исчезает слив и носик, которые впоследствии становятся столь характерными для чайникообразных сосудов. Появляются штампованные кувшины, выполненные новой техникой — в составных формах калыбах, изготовленных из мягкой породы камня калыбташ, на котором вырезался рисунок растительный, геометрический, зооморфный. В большом количестве встречаются горшки, размеры которых варьируют, круглодонные котлы, у которых варьируют лишь венчики и ручки, жаровни, чираги, кубышки-копилки, крышки разнообразных форм — плоские, конические, округло-выпуклые,

вогнутые, тарелкообразные. Плоские крышки и округлые, и овальные, и прямоугольные. Ручки двух типов — поперечные с обоймой и стержневые в виде налепов цилиндрических, квадратных, фигурных, иногда с рудиментом зооморфных мотивов. Поверхность окрашена с лощением, покрыта рельефным орнаментом. Шире входят терракотовые столики-дастарханы на наlepных ножках или дисковидной обойме диаметром до 90 см. Почти полностью исчезают кружки. Формуется посуда производственного назначения (крупные тарелкообразные сосуды с отверстиями в донце, реторты, симобкузача, тигли и т. д.).

Глазурованная посуда комплекса сформована на гончарном круге быстрого вращения, из тонко отмученной глины. Сосуды тонкостенны, изящных пропорций, хорошо обожжены. В основном открытых форм: крупные плоские ляганы диаметром до 40 см, крупные, с высокими стенками сосуды норин-тавак, плоские открытые тарелки такого же диаметра, но с округлыми стенками и более емким резервуаром чаши, небольшие, глубокие касы с конически расширяющимися в верх стенками, пиалы — мелкие их варианты. Глазурью покрывались также кувшины, горшки, чираги. Глазурь бесцветная. Преимущественно она наносилась по снежно-белому или фисташковому ангобу, служившему фоном для моно- и полихромного расписного орнамента. Хотя и редко используется красный и черный, красновато-коричневый и буровато-болотный фон. Роспись керамики включает разнообразные мотивы — растительные, геометрические, зооморфные, эпиграфические — в различных сочетаниях. Характеристика росписи представляет собой специальное исследование (209, с. 86—97; 210, с. 89—95). Закрытые комплексы датируются в пределах второй половины IX—X вв. Это может служить основанием для датировки этапа в целом.

В большом количестве, как в первом, так и во втором этапе, найдены стеклянные изделия (рис. 11). находка бракованной посуды и слитков неосветленного стекла позволяет считать основную массу стеклянных изделий продукцией местных мастеров. Типологически преобладают сосуды закрытых форм — графины, бутылки, горшки. Обильно представлены чаши и тарелки, стаканы и кружки, с ручкой и без нее, бокалы, плоскодонные на невысокой ножке рюмки. Встречаются сосуды химического и аптекарско-косметического назначения (флаконы, пузырьки-пробирки, реторты, аланбики). Интересна находка плоского оконного стекла, чернильниц. Так как описание стеклянных изделий Ташкентского региона приводится в ряде работ (126, с. 112—116, 139—145; 143, с. 21—22, 145, с. 85—86), отметим, что здесь найдены все основные формы стеклянной посуды, описанной в сводной работе по стеклу Средней Азии (19).

В комплексе найдены продукты металлургического производства. Оружие представлено черешковыми наконечниками стрел двух типов — бронебойными квадратными, прямоугольными, пу-

левидными и с широким рабочим жалом (ромбической формы). Кроме того, встречаются изготовленные из железа ножи прямые с черешком и боковым креплением, кривые черешковые серпы, омачи, топоры, кухонные предметы (капгыры), ножницы, мелкие предметы — подковы, набойки, гвозди, пряжки и т. д. Каменные изделия представлены двухстворчатыми формами и пестами, ложилами и подпятниками дверей. Монетные находки и керамика дают основание датировать комплекс второй половиной VIII—

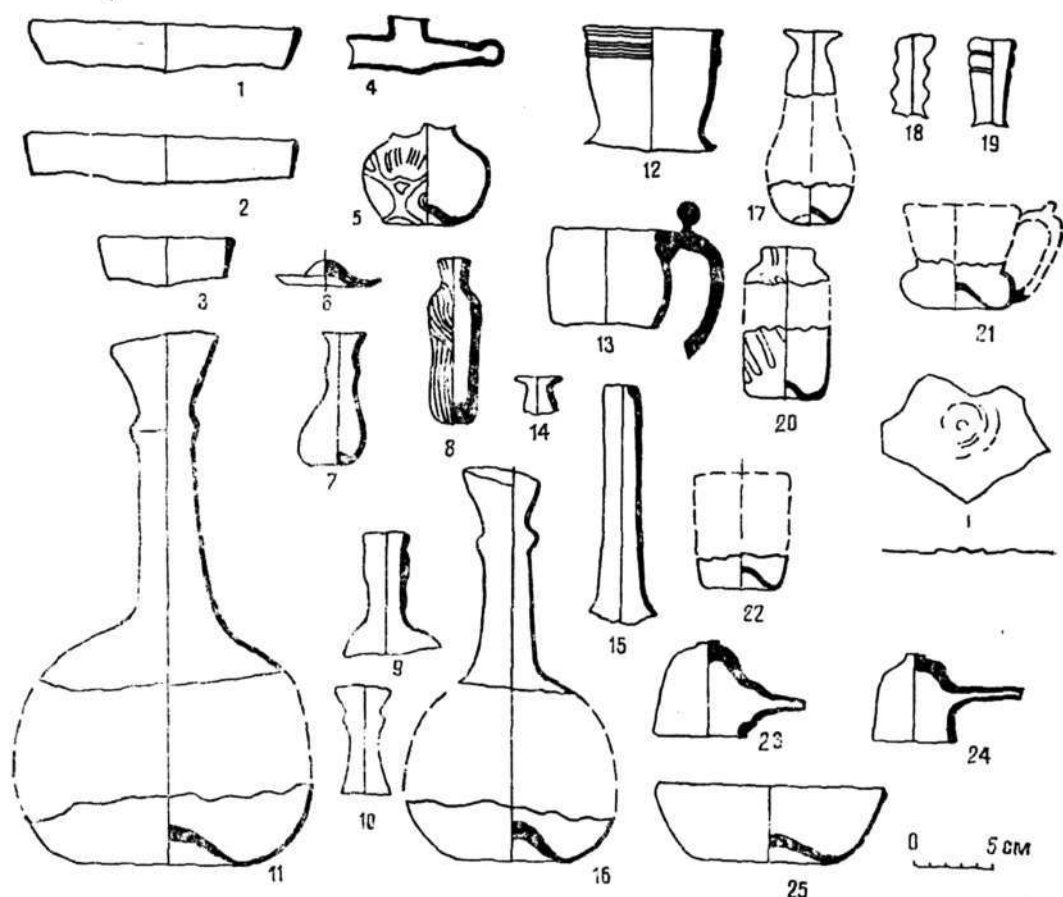

Рис. 11. Стекланные изделия имлакского комплекса:

1—2, 3, 25—чаши; 4—сумак; 5—7, 8, 17—флаконы; 9, 12—15, 18—22—горловины флаконов; 10, 11, 16—колбы; 23, 24—сосуды „аламбык“

X вв. н. э. с разделением на следующие этапы: вторая половина VIII—середина IX в., вторая половина IX—X вв. н. э.

Каварданский археологический комплекс (XI—начало XIII вв. н. э.). Материал каварданского комплекса выявлен на 170 пунктах, в их числе 43 городища, датировка и систематизация которого строится не только на типологической основе, но и на базе нумизматических находок. Для Ташкентского региона комплекс введен под названием каварданского по памятнику, на котором

получены наиболее характерные материалы этого периода (145, с. 70—85).

Архитектура каварданского комплекса в целом продолжает имлакский этап как по характеру применения строительных материалов, так и по планировке. Основные изменения заключаются в установлении более четкого планировочного канона, широком применении в строительстве жженого кирпича, изменении стандарта сырцового и жженого кирпича. Основные размеры первого составляют $29\text{—}32 \times 15\text{—}16 \times 4\text{—}5$ см. Один стандарт жженого идентичен сырцовому, второй составляет $24\text{—}25 \times 24\text{—}25 \times 4\text{—}5$ см. Для жилой архитектуры характерны тонкостенные постройки с использованием кладки в полкирпича и обкладки более ранних стен. Широко входит глинобитная кладка мелкими блоками, глинокаркасная с заполнением древесного каркаса глиняными булкообразными кирпичами с толщиной стен $12\text{—}18$ см. Используются перегородки из камыша, обмазанного глиной толщиной не более 5 см. Плоские перекрытия крупных помещений и айванов поддерживались деревянными колоннами. Базы колонн в основном выкладывались из жженого кирпича.

В оформлении интерьера широко применялось дерево. Обнаружены сгоревшие деревянные детали дверей и косяков, деревянные балки, основания каркасной кладки и перекрытий, расчищены детали резного дерева. Кроме резьбы по дереву, интерьер оформлялся рельефным рисунком по ганчу и глине с полихромной росписью.

Более детально, чем у ранних комплексов изучена производственная деятельность. Были найдены металлургические, цилиндрические горны, сложенные из специальной огнеупорной глины, кузнечные горны по обработке кричного железа (они цилиндрической формы с приспособлением для искусственной подачи воздуха, 212, с. 73) и выпуску готовой продукции (143, с. 54).

Аналогичной формы, но более мелких размеров обнаружены печи для обработки цветных и благородных металлов, около которых встречены медные и серебряные шлаки, сосуды для ртути, стеклянные аланбики, служившие для удаления легкоплавных компонентов, тигли из белой огнеупорной массы, покрытые с обеих сторон коричневой и стекловидной массой, слитки неочищенной меди, литейные каменные формы.

Помимо металлургии и металлообработки выявлены следы керамического производства. Были вскрыты гончарные печи двух типов. К первому, продолжавшему традиции имлакского комплекса, отнесены цилиндрические двухъярусные полуподземные сооружения с системой продухов в центре и по краям пода, как в Ташкенте, ко второму — прямоугольные и подквадратные печи со сводчатым перекрытием. Печи второй конструкции использовались и для обжига кирпича. Аналогичные печи с материалами XI—XII вв. известны по раскопкам Кувы (51, с. 80) и в Старом Термезе (339, с. 102), одна из таких печей вскрыта в северной

части шахристана средневекового Самарканда (50, IV, с. 31), другая — в его южной части, но датирована, на наш взгляд, ошибочно XIV—XV вв., так как в этот период городище было полностью лишено воды и выпуск подобной продукции был невозможен (50, III, с. 89).

Большой интерес представляют мастерские стеклодувов, в том числе стекловаренная печь подквадратной формы и обломки футеровки подобных же печей со значительным включением стекло-массы, неочищенное и очищенное стекло, бракованная продукция и отходы разноцветного стекла, фрагменты готовых сосудов и, возможно, сырье в виде складированной золы растений.

Погребальные сооружения представлены мусульманским обрядом захоронения в могилах с сооружением иногда надмогильных плит-сагана или сырцовых мавзолеев.

В материальной культуре, как и для более ранних комплексов, преобладающую категорию составляет керамика, которая (особенно глазурованная) является наиболее динамичной и позволяет выделить внутри комплекса более дробные этапы. Керамическая продукция оазиса служила объектом специального изучения. Выявлены основные типы посуды, мотивы орнаментации и виды глазурей. Специально или попутно исследовались гончарные изделия Ташкента (209, с. 97—101; 210, с. 101—114) и Ульконтоттепа (344, с. 49—51), Чиназа (139, с. 45—46; 313, с. 193—194), Кавардана (145, с. 83—85), Ногайкургана (312, с. 146—147; 314, с. 168—175), Ханабада (55, с. 134; 210, с. 45—48), Мингурюка (119, с. 128—130; 120, с. 140—142), Актепа Юнусабадского (491, с. 104—111), Чангтепа (148, с. 105—108) и др. Это позволяет нам, не останавливаясь на детальном описании типов и вариантов, дать обобщенную характеристику по этапам.

Вырастая на базе имлакской, керамика оазиса продолжает линию развития рядом характерных для нового комплекса форм и орнаментации (рис. 12). Посуда делится на две группы: неглазурованную и глазурованную. Первая по технике изготовления подразделяется на лепную, отлитую в форме и сформованную на гончарном круге. Лепная посуда немногочисленна на городищах в центре долины, но количество ее увеличивается ближе к предгорьям. Ее формы главным образом сходны со станковой, лишь отличаясь некоторым своеобразием декора. В основном это кувшины, горшки, крышки, облицованные красным покрытием, зачастую с лощением, придающим сходство с металлическими сосудами. Формы лепной посуды стандартизированы, однако появляются новые оригинальные, совершенно закрытые сверху сосуды с овальным туловом на плоском донце. С одной стороны, сбоку сосуд завершается вертикальным цилиндрическим сливом, с другой — носиком. Сверху подлеплена опирающаяся на слив и носик горизонтальная ручка. Верхняя часть тулова и носика расписаны красной краской. Мотивы орнамента — треугольники, незамкнутые круги, растительные завитки. Так же расписаны

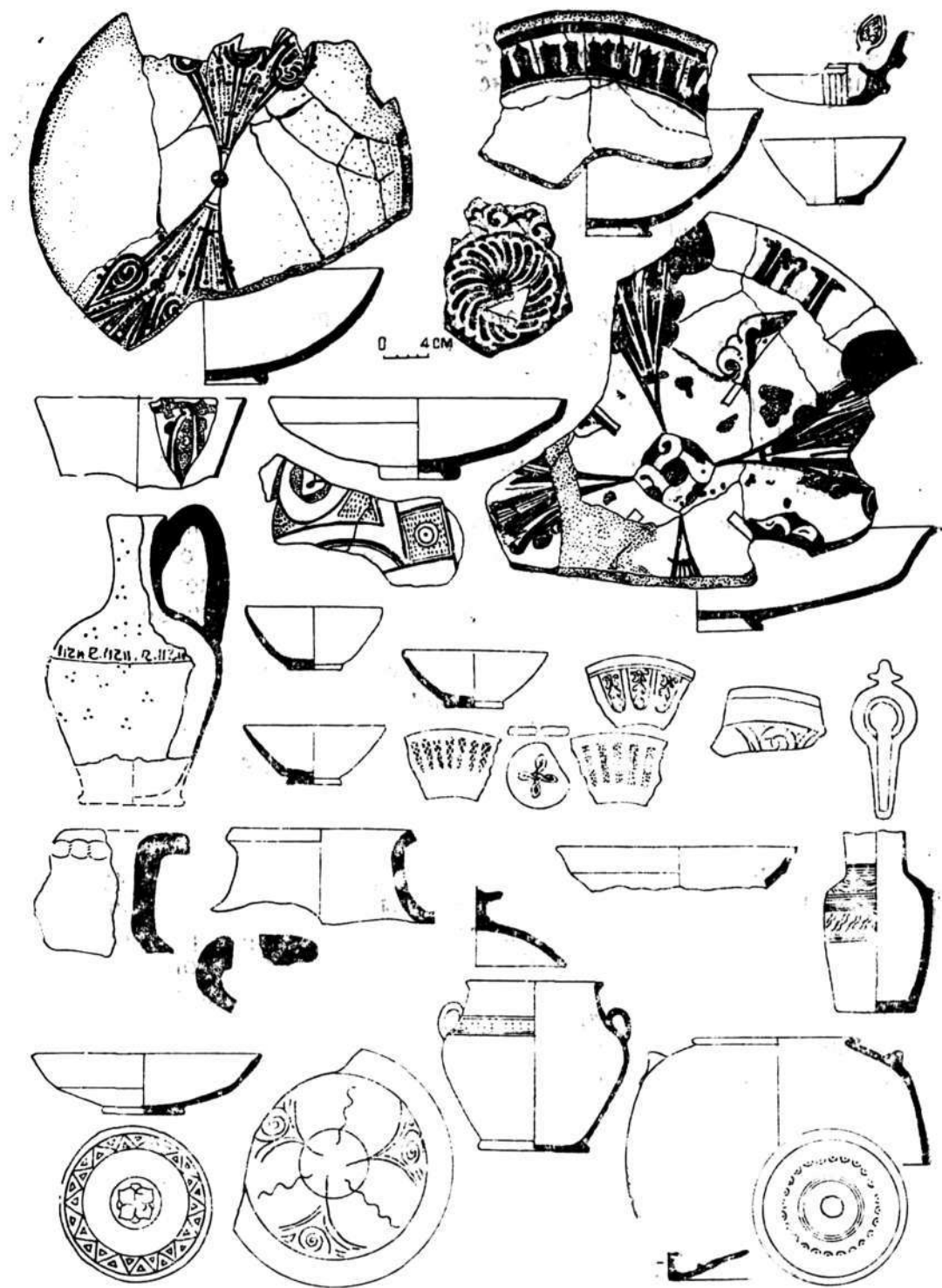

Рис. 12. Каварданский керамический комплекс

входящие в эту группу некоторые груболепные сосуды. Эта керамика получила название псевдотрипольской. Сосуды с подобным орнаментом известны в Согде (50, II, с. 199; 173, с. 39), Фергане (211, с. 39—45). Расписной орнамент потеками распространяется и на другие формы керамики. Ареал ее распространения Ю. А. Заднепровский связывает с территориями в пределах Караханидского государства XI—XII вв. и влиянием на ее появление тюркского кочевого населения (222, с. 44—45). Более широко, чем в предшествующий период распространяется посуда, целиком отлитая в разъемной форме-калыбе с рельефным орнаментом.

Сформованная на гончарном круге неглазурованная керамика представлена в основном теми же типами, что имлакская. Это хумы, хумча, тагора, корчаги, котлы, кувшины, горшки, миски, фляги, крышки, молочные сосуды, маслобойки, светильники, копилки и др.

Производственная керамика представлена симобкуза, ретортами, тиглями, тарелкообразными сосудами, ступками. В этих формах происходят лишь незначительные изменения. Разнообразнее становятся формы венчиков хумов, богаче их орнамент. Примером является парадный хум из Канки, украшенный и штампованным, и наlepным орнаментом. Возрастает процент крупных кувшинов-куза и фляг-мустахара.

В развитии глазурованной керамики комплекса можно наметить три этапа. Первый характеризуется продолжением развития гончарного производства имлакского комплекса. Столовая парадная глазурованная посуда открытых форм представлена крупными ляганами, а также более мелкими чашами, тарелками, пиалами с плавными округлыми или конически расширяющимися стенками и кольцевым поддоном.

Глазурь, в основном, бесцветная, иногда слегка мутная по светлому белому фону. Роспись выполнена черной, красной и коричневой краской. Кроме того, была распространена глазурь болотно-фишашкового цвета, приобретающая в конце этапа все более желтый цвет с росписью желто-зеленого, а по желтому — коричневого цвета. Интересно сочетание зеленовато-желтого болотного цвета росписи с коричневым и красным. Широко применена роспись резервом, оформление свободных полей гравировкой, взятой в причудливые рамки. Основные мотивы росписи — растительные, геометрические, эпиграфические, реже зооморфные и антропоморфные мотивы.

Большинству мотивов орнамента можно найти тесный круг аналогий, вплоть до мелких деталей в ремесленных центрах Южного Казахстана (22, с. 187—196), Таласа (112, с. 144), Семиречья (87, с. 162—196). Интересно отметить, что сходство прослеживается и в наборе цветовой гаммы, и в выборе излюбленных мотивов. Так, Т. Н. Сенигова насчитывает до 20 вариантов вихревой розетки только в керамике Тараза (444, с. 156). Очень

близки и растительные, и зооморфные мотивы в Чуйских городищах (87, с. 163, 167).

В Ташкентском оазисе в датированных слоях (Имлак, Канка) эта керамика найдена вместе с монетами XI в., на характеристике которых мы остановимся ниже.

На втором этапе в формах и орнаментации глазурованной керамики происходят определенные изменения. Открытые сосуды-чаши приобретают более четкие геометрические формы с резким перегибом венчика в придонной части и при переходе к устью. Они становятся более низкими, уплощенными. Аналогичное отмечается с вариантами каса и пиал, переход от придонной части к стенкам, в которых получает резкий излом.

Четкую граненую форму приобретают чираги. Ручки их украшаются налепом-бантиком со штампованным украшением, сделанным в калыбе. Шире распространяется глазурованная посуда закрытых форм. Глазурь распространяется не только на широкогорлые горшки — поливой покрываются и высокие сосуды типа куза и ступки. Наряду с бытованием старых мотивов росписи и цветов глазури в значительной мере происходит смена и расцветки сосудов, и техники орнаментации. Более широко входит лимонно-желтая полива с коричневым подглазурным орнаментом, которая становится характерной чертой Шашилакской керамики. В этот же период входят в качестве ведущих темно-зеленая, бледно-зеленая, зеленовато-голубая и мраморовидная полупрозрачные поливы с подглазурным процарапанным орнаментом. Мотивы орнамента и растительные, и геометрические, часто просто линейные или витые. Интересно введение подглазурного штампованного орнамента.

На ручках из чирагов штампуются надписи, растительный орнамент, зооморфные изображения. Сосуды, на которых мутная бесцветная глазурь, покрываются орнаментом в виде надписей, треугольников и других фигур коричневого, желтого, зеленого цвета, иногда с зелеными, коричневыми пятнами грубой «гравировки». И, наконец, используется глазурование по черепку без ангоба, что придает сосуду серебристый оттенок.

Третий этап характеризуется, с одной стороны, определенным огрублением, утяжелением форм и пропорций столовой, парадной и кухонно-хозяйственной посуды, а с другой — дальнейшим изменением мотивов и техники декора. Наряду с широким бытованием темно-зеленой, салатной, желтой и цвета слоновой кости керамики появляется новый мотив — раскраска дна и стенок открытых форм посуды зелеными, красными, голубыми каплями, иногда расплывчатыми под мраморовидной, мутно-белой или желтой глазурью. Данный мотив, не встречавшийся ранее на памятниках Ташкентского оазиса, З. И. Усманова также относит ко второй половине XII — началу XIII в. н. э. (507). К этому же времени относится появление подобной керамики для Ферганы (67, с. 121—122).

Таким образом, границей второго и третьего этапов является середина XII в., а завершается третий этап началом XIII в.

Помимо керамической посуды, глина использовалась также для выделки дастарханов дисковидной формы на небольших ножках или цилиндрическом стержне, переносных очажков, с декоративным оформлением устья, пряслиц и отвесов ткацкого станка. В архитектурный декор входят резные терракотовые плиты с растительным и эпиграфическим орнаментом. Значительно богаче, чем в имлакском комплексе, продукция металлургов. Железные изделия представлены не только оружием — наконечниками стрел довольно широкого специализированного набора и широких ромбовидных, и узких (пулевидной и квадратной в сечении формы), пластинками железного панциря с отверстиями для крепления на кожаной основе, но и орудиями труда, предметами быта и украшениями.

Разнообразен набор сельскохозяйственных орудий: серпы, лемеха плуга, кетмени крупных размеров с уступом на уровне обоймы, высокой втулкой и округлым рабочим краем. Подобная форма кетменя характерна для районов Восточного Мавераннахра, Семиречья (436, с. 158) и Ферганы (145, с. 77). Серпы слабо изогнутой формы с небольшим черешком. Орудие типа омача двух видов, небольшое с остроугольным рабочим краем и обоймой и крупное орудие подтреугольной формы длиной до 30 см, больше напоминающее мотыгу, чем лемех (145, с. 77), крупных размеров типа колуна с полуцилиндрической втулкой и иногда выступом-упором в нижней части. Интересно сосуществование с ними тесла без втулки, а также теши, которая являлась универсальным орудием труда. Топоры этой формы также известны в Семиречье (436, с. 158). Ножи разных форм: однолезвийные с острым рабочим краем, прямой или изогнутой спинкой и треугольным черешком, являющиеся продолжением формы, известной еще с каунчинского времени, оригинальные ножи с боковой втулкой, в которой сохранились остатки деревянной ручки. Довольно обычны для XI—XII вв. железные ножницы. Форма их стандартна, размеры 20—35 см.

В большом количестве найдены кухонные предметы: небольшие шумовки-капгыры с круглым навершием диаметром 5—7 см и длинной ручкой. Кузнечная продукция представлена набойками для обуви, подковами для лошадей и мелких копытных, различными железными изделиями для крепления деревянных деталей — скобами и гвоздями, пробоями, засовами, цепочками, крючьями, пластинами, костылями.

Уникален набор железных набивных украшений двери. Это довольно ажурные бляшки миндалевидной и округлой формы, соединяющиеся рельефными поясами. В состав набора входят гвозди с крупными округлыми головками.

Интересны изделия из меди и бронзы. Сохранились сосуды парадного, бытового и производственного назначения — медный

одноручный кувшин, украшенный гравированным орнаментом, и таз, покрытый чеканкой и инкрустацией красной медью и серебром, набор медных сосудов цилиндрической формы с округлым или плоским припаянным дном, вероятно, используемых для взвешивания жидких и сыпучих тел. Вместе с ними найдены медные полушария, вероятно, весов. Интересна бронзовая подставка цилиндрической формы, украшенная снаружи и по обоим основаниям чеканным ажурным орнаментом с изображением растительных мотивов и звериного гона. Среди индивидуальных предметов следует отметить водолей — миниатюрный вычеканенный из тонкой листовидной золотистой бронзы кувшинчик грушевидной формы на кольцевой ножке. Узкое вытянутое горлышко завершается устьем в виде головки молодого оленя. Искусно вырезан фигурный слив в виде раскрытого рта, чеканкой переданы глаза и уши животного. На плечике — следы ручки. Тулово оформлено шестью сердцевидными медальонами, на одном из которых — ажурная надпись неглубокой резьбой. Сосуд хорошо датируется монетами конца XI в. Близкой аналогией ему может служить бронзовый водолей караханидского времени из Тараза, такой же формы, но с изображением фигуры волка (433, с. 79—80). Металлические украшения представлены серебряными и бронзовыми браслетами. Серебряные браслеты (143, с. 154; 154, с. 116—119), витые из нитей, незамкнутые, завершающиеся изображениями головки змеи. Медные и бронзовые браслеты плоские с ажурным резным орнаментом.

Из меди отливались и выковывались пряжки и пуговицы, нашивки, кольца, изготавливались иглы, набойки, гвозди, фигурные ручки и цепочки.

В ремесленных мастерских найдены наборы кости и рога со следами спилов. Они могли оформлять металлические предметы, использоваться для рукояток ножей и кинжалов наборных пластинок или обрабатываться самостоятельно. Примерами могут служить сами костяные предметы из мастерской — детали ручек, пряжки, гребень, пуговицы, бусы, тонкая костяная шпилька ювелирной работы с навершием в виде руки с согнутыми пальцами. Камень использовался как поделочный в ювелирном ремесле (сердолик, бирюза, горный хрусталь) и как производственно-строительный. В состав комплекса включаются жернова диаметром 35—42 см и 75—150 см, применяемые для размолва муки и дробления руд, каменные ложила, песты и точила, подпятники дверей и другие каменные изделия. Комплекс же может быть датирован началом XI в. — XIII в. с выделением по глазурованной керамике трех этапов.

Систематизация материала позволяет предположить следующую хронологию комплексов:

Комплекс

Бургулюкский:
IX в. до н. э. — III в. до н. э.
Каунчинский:
II в. до н. э. — начало VI в. н. э.

Мингурюкский комплекс:
середина VI в. н. э. —
середина VIII в. н. э.

Имлакский комплекс:
конец VIII в. — X в.
Каварданский комплекс:
XI в. — начало XIII в. н. э.

Датировка

Бургулюк-I—IX—VI вв. до н. э.
Бургулюк-II—V—III вв. до н. э.
Каунчи-I—II в. до н. э.—II в. н. э.
Каунчи-II—II в. н. э.—начало IV
в. н. э.
Каунчи-III—вторая половина IV в.
н. э.—начало VI в. н. э.
Мингурюк-I—середина VI в.—начало
VII в.
Мингурюк-II—середина VII в.—
середина VIII в. н. э.
Имлак-I—конец VIII в.—IX в.
Имлак-II—X в. н. э.
Кавардан-I—XI в.
Кавардан-II—конец XI в.—середине
XII в.
Кавардан-III—середина XII в.—начало
XIII в. н. э.

Предложенная нами датировка несколько отличается от известной в литературе. Бургулюкский комплекс в отличие от А. И. Тереножкина (VI—II вв. до н. э.) и Х. И. Дуке (IX—VII вв. до н. э.) датируется нами в пределах IX—III вв. до н. э. с делением (как у А. И. Тереножкина) на два этапа.

Каунчинский комплекс мы датируем в пределах II в. до н. э. — начала VI вв. н. э. и, подразделяя на три этапа, относим к последнему джунскую культуру, так как, на наш взгляд, она не является новым этапом, а, развивая традиции предшествующего, включает некоторые элементы, проявляющиеся, однако, на локальной территории ядра каунчинской культуры. В то же время, не принимая определения А. И. Тереножкиным и Л. М. Левиной комплекса VI—VIII вв. н. э. как этапа каунчинской культуры (Каунчи-III), мы выделяем его как самостоятельный мингурюкский.

Следующий комплекс датирован, начиная со второй половины VIII в. н. э., так как в целом регион уже прочно входит в состав нового образования и материальная культура его приобретает новые черты. Завершается он концом X в. н. э., связанным со становлением нового государства.

Последний, каварданский, комплекс (XI — начало XIII вв.) характеризуется более локальными чертами, выделяющими постепенно бассейн Средней Сырдарьи и Семиречья от западных районов Мавераннахра в связи с дроблением караханидских уделов.

Глава IV. ГЕНЕЗИС ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ГОРОДА ЧАЧА III в. до н. э. — V в. н. э.

Характеризуя пути формирования земледельческих и городских культур отдельных регионов Средней Азии, В. М. Массон выделяет два этапа урбанизации: древневосточный (конец III — середина I тыс. до н. э.) и античный (III в. до н. э. — IV в. н. э.) (332, с. 6—7). Как показывают археологические материалы, самый ранний пункт городского типа в Ташкентском оазисе появляется на втором этапе урбанизации, в конце бургулюкской культуры (рис. 13). Анализ бургулюкского археологического комплекса позволяет определить хозяйство его носителей как земледельческо-скотоводческое. Земледельцы занимали ограниченные площади низовьев поймы Чирчика и Ахангарана и саев их междуречья, скотоводы — обширные районы адыров, горные и степные районы, сливающиеся со степями Средней Сырдарьи. Поселения располагались в пониженной болотистой части рек, низовьях их саевых притоков, удобных для каирного и лиманного орошения с регулированием проточных вод и проведением небольших ирригационных сооружений или увлажнения почвы заболачиванием.

Наряду с земледелием развито оседлое, а возможно, и отгонное скотоводство, о чем говорит и сама топография поселений на границе с адырами. Незначительный остеологический материал не позволяет определить соотношение видов, но в хозяйстве использовался и крупный, и мелкий домашний скот.

Из ремесел в первую очередь следует отметить металлургию. Для Ташкентского оазиса характерен факт обилия бронзовых предметов и разнообразие их ассортимента. Изготовление многих орудий проводилось на месте. В жилищах и около них раскрыты печи-лунницы. Бургулюкцам был известен способ отливки способом «утраченной модели», когда из воска или жира изготовлялась модель орудия, обмазываемая глиной. После подсыхания форма нагревалась и место растопившейся модели занимал вливаемый металл. Раскрошившиеся обломки сломанных глиняных форм встречены около лунниц. Способ этот характерен для сак-

ского времени (271, с. 291—299). Металлургия Чаткало-Кураминского района, по данным археологии, развивалась со II тыс. до н. э. на местной рудной базе (140, с. 98). В I тыс. до н. э. некоторые рудники, вероятно, функционировали более регулярно,

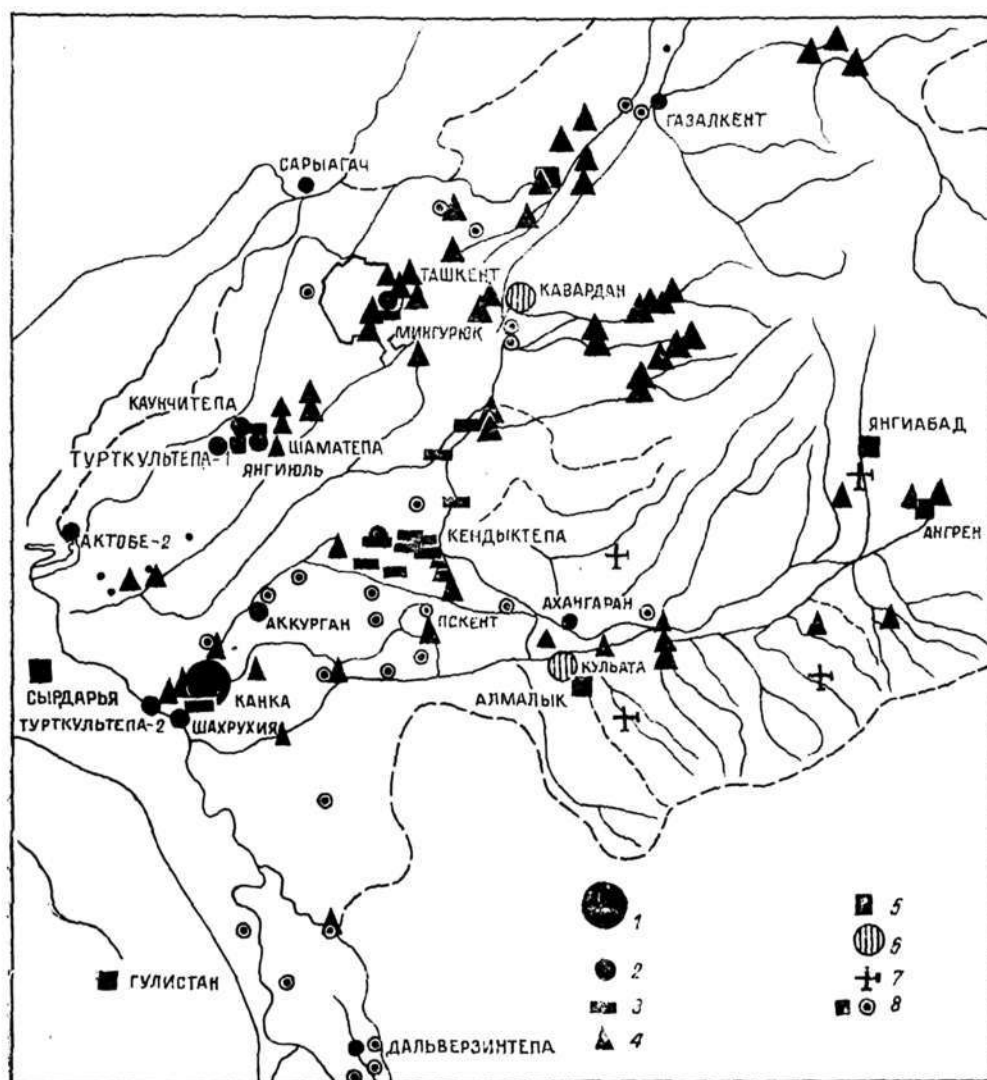

Рис. 13. Карта. Города и поселения Ташкентского оазиса в III в. до н. э.—V в. н. э.:

1—столица; 2—города малые; 3—бургулкские поселения; 4—поселения Каучи-1—III; 5—современные города; 6—средние города; 7—рудники; 8—современные селения.

снабжая своим сырьем население Кайраккумов и долины Ахангарана.

Гончарство бургулюкцев развивалось без гончарного круга. Отмечается два приема в технике изготовления сосудов: лепка ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Следует отметить и ткацкое ремесло, многочисленные следы которого сохранились

в виде пряслиц, отвесов ткацких станков, отпечатков ткани на крупных и мелких сосудах. Однако для всех перечисленных видов хозяйства характерно отсутствие глубокой специализации. Жилища примитивные, полуподземные. В них почти не применяются такие строительные материалы, как кирпич и формовочная пахса. Внутренняя структура жилища характеризуется нерасчлененностью производственных, хозяйственных и парадных функций, типа однокомнатных жилищ Турпаккалы VI—V вв. до н. э. (386, с. 20), связанных с первым этапом деятельности осевших на землю кочевых племен.

Обзор экономики и архитектуры бургулюкских поселений приводит нас к выводу об относительно неглубоком процессе разделения труда, слабом знакомстве с принципами фортификации, отсутствии опыта монументального строительства. Таким образом, мы можем констатировать отсутствие в бургулюкском хозяйстве экономической и архитектурно-планировочной базы для строительства города. Тем не менее, судя по археологическим материалам, в начале IV—II вв. до н. э. на месте городища Канки вырастает ориентированная углами по странам света мощная крепость, возведенная на возвышенном берегу Ахангарана. Окруженная оборонительной системой стен и рвов территория площадью около 6,5 га имеет форму, близкую к квадрату, слегка сжатому вследствие особенностей рельефа. Длина каждого фаса 230 м. В северном углу — цитадель, конфигурацией повторяющая направление стен города. И цитадель, и город окружены глубокими рвами шириной до 50 м, соединяющимися с рекой. С пригородной территорией они соединены единственными воротами со стороны юго-западного фаса, где прослежено удвоение стен и систем башен, остатки пандусообразного спуска и сужение рва. Фортификация цитадели этого времени не выяснена. Разрезом раскрыта система стен шахристана, оказавшаяся довольно сложной. Слегка сnivelированный лёссовый холм перекрыт трехметровой платформой из утрамбованной земли и пахсы, а затем в несколько рядов квадратным сырцовым кирпичом античного стандарта, послужившего цоколем для стены. Стена возведена с отступом от края платформы. Ширина бермы до 14 м.

Стена в основании пахсовая, а затем из квадратного кирпича, двойная с внутренним коридором шириной 2,2 м. Толщина внешней стены 2,7 м. В коридоре расчищены остатки сползшего свода из трапецевидного кирпича, а в стене на высоте 3,4 м остатки прохода, вероятно, на уровне второго яруса стены. Толщина стены 4,5 м, уклон внешнего фаса 70°. По материалам раскопок К. А. Абдуллаева, снаружи к стене примыкала приставная башня округло-овальной формы диаметром у основания 9 м, также сложенная из квадратного кирпича и пахсы. Башня возведена на той же платформе с образованием бермы толщиной 4,3 м (13, с. 133).

Можно предполагать, что стена была двойная, двухъярусная и, возможно, с выступающими башнями округлой формы. Степень обживания пригородной территории не ясна, хотя раскопками к юго-западу от стены расчищена платформа несохранившегося здания, сложенная из квадратного кирпича стандарта, аналогичного кладке стен города.

Полученные материалы позволяют реконструировать Канку как небольшую, но хорошо укрепленную крепость, построенную по правилам античной военной фортификации с системой куртин, с башнями и коридорами, вероятно, двухъярусного боя, рвами, единственными укрепленными воротами. Внутреннее крепостное ядро цитадели обладало автономной системой защиты, изолированной рвом с трех сторон от города, а с четвертой — защищенной рекой.

Материалы этого комплекса немногочисленны. Они представлены, в основном, невыразительными стенками лепной керамики, изготовленной из глины, иногда с примесями отошителей. На некоторых из них следы красной краски. Встречаются фрагменты жаровень. Вместе с ней найдены немногочисленные фрагменты сосудов, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения. Сосуды покрыты красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Форма их находит близкие аналогии в согдийской керамике конца IV—II вв. до н. э. (50, II, с. 33; 50, III, с. 44).

Если сопоставить архитектуру Канки с синхронными памятниками, то наиболее близкие аналогии ей мы встречаем в первую очередь в развитых урбанизированных древнеземледельческих оазисах Средней Азии — Согде, Бактрии, Хорезме. Применение квадратного кирпича прослежено на широкой территории: от Бактрии на юге (422, с. 125—126) до Хорезма на севере (497, с. 144, 156) с IV в. до н. э. до III в. н. э. Сочетание пахсовой кладки основания с кирпичом, применяемым и в качестве основного строительного материала и для выведения сложных конструкций, также характерно для указанных регионов (419, с. 217).

На Афрасиабе раскрыта стена с обводным коридором, стрельчатыми бойницами, выступающими прямоугольными пилонами и выносными площадками для метательных машин, сложенная из квадратного кирпича и датируемая III—II вв. до н. э.

В Южном Согде для Еркургана М. Е. Массон отмечает античные стены из пахсы и квадратного кирпича со сводчатыми коридорами и крупными овально-округлыми башнями (351, с. 11). Однако к настоящему времени эти стены на городище не вскрыты. Для II в. до н. э. зафиксирована крупная прямоугольная башня, видимо, двухъярусная, в кладке которой применен разноформатный кирпич (квадратный и прямоугольный), пахса и битая глина (473, с. 62—64). Близки аналогии памятников древних русел Средней Сырдарьи, в первую очередь, городища Бабишмулла в бассейне Жаныдарьи между ее боковыми руслами. Оно состоит из окруженной довольно мощной стеной с полукруглыми

башнями городской территории неправильной конфигурации с квадратной цитаделью в северном углу и отдельным укреплением «донжоном» — в южной. Стены и башни поставлены на пахсовый цоколь и построены из квадратного и прямоугольного кирпича. Донжон сложен из пахсы и кирпича, причем кирпич также двух стандартов — квадратный и прямоугольный. Помещения перекрыты сводами (500, с. 156—163).

Для Бабишмуллы характерно несколько строительных периодов, но их все можно датировать в пределах IV—II вв. до н. э. (500, с. 161). Комплекс находок разнообразен. Лепная керамика сочеталась со станковой, находившей аналогии с согдийской IV—II вв. до н. э. (493, с. 54) и кангуйским комплексом Хорезма IV—II вв. до н. э. (160, с. 85—124).

Итак, на Канке и Бабишмулле отчетливо заметно сочетание элементов местной культуры и культуры древнеземледельческих регионов, в первую очередь Согда. Каковы же пути соприкосновения и формы взаимодействия этих культур? Для выяснения этого положения обратимся к политической и этнической истории региона. Античные источники относят бассейн Сырдарьи к району расселения племен сакской конфедерации. О сакских племенах из области Яксарта сообщают Страбон (472, XI 8,8), Плиний (424, с. 13). Сакская проблема сложна и имеет обширную литературу. Мы коснемся лишь вопроса о локализации саков в Средней Сырдарье. В. В. Григорьев относил Ташкентский регион к одному из очагов расселения саков-тиграхауда (185, с. 50—59). Эта точка зрения была поддержана И. Марквартом и Р. Парсоном (589, II, с. 242—243; 599, с. 564—565), С. Коновым и К. В. Тревер, отождествляющими их с заморскими саками (236, с. 45—48; 585, с. VIII—XIX). Я. Г. Гулямов, К. А. Акишев и Г. А. Кушаев также размещают в Средней Сырдарье саков-тиграхауда (29, с. 16—20; 193, с. 95).

С. П. Толстов локализует основные сакские племена в бассейне прарусел Сырдарьи между Инкардарьей и Жаныдарьей, где вскрыты памятники полуоседлой и оседлой культур, включая Бабишмуллу (500, с. 136—137, 184, 186). Э. Херцфельд помещает в Фергане и севернее нее саков, «которые за Согдом» (580, с. 9—10). В более поздней его работе вдоль Яксарта локализованы саки-тиграхауда и хаомаварга (582, II, с. 7—13).

И. Гершевич, сравнивая данные античных авторов и Авесты, отмечает, что авестийцы знают только один кочевой народ — хаомаварга, варящий хаому — могучих туров, располагавшихся в бассейне озера Чаечаста. Отождествляя последнее с Аральским морем, с одной стороны, и связывая с ним название Ташкентского региона Чач — с другой, он отождествляет туров с саками хаомаварга и размещает их в бассейне Сырдарьи от Ташкентского оазиса до Аральского моря (569, с. 54—55). В состав их входили «саки, которые за Согдом». Свидетельство соседства саков Яксарта с Согдом следует из ряда сообщений источников.

«За Согдианой по течению Яксарта обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» — сообщает Дионисий Периегит (185, с. 33). Конечно, Яксарт был не просто границей, а зоной активных контактов согдийцев и саков. Анализируя текст Страбона о саках, Б. А. Литвинский пришел к выводу, что какая-то часть земель за Яксартом первоначально принадлежала и сакам, и согдийцам. Автор ограничивает ее районом правобережья, находившегося ближе всего к Согду, где-то вдоль излучины Сырдарьи от Бекабада до Чардары. Затем этот район полностью перешел к сакам, что предположительно относится к III в. до н. э. (306, с. 171).

Как показало исследование Чардары, появление здесь укрепленных поселений сельского и городского типа относится к более позднему периоду. Однако в целом вывод о зоне контакта и определенном влиянии Согда на бассейн Средней Сырдарьи подтверждается нашими материалами. Стратег Селевка и Антиоха Демодам (293—280 гг. до н. э.) по сообщению Плиния в период активных выступлений скифов в качестве контрмеры совершил против них поход за Яксарт и «воздвиг за ним алтари Аполлону» (595, VI, 18, 49). С этим временем связывается указание на «карте Пейтингера» на Сырдарье двух пунктов — Александрии и Антиохии. В. Тарн, относивший поход ко времени между 293 и 289 гг. до н. э., считал, что разрушенная Александрия Крайняя в это время была переименована в Антиохию (237, с. 279—280). Однако ни Селевк, ни Антиох их не переименовывали, а наличие двух пунктов на карте говорит о их сосуществовании. А. Гутшмид и М. Ростовцев считали Александрию и Антиохию разными городами (438, с. 174; 575, с. 26). Указание на нахождение последней в Скифии и название Заяксартской заставляет размещать ее на правом берегу Сырдарьи. Единственным пунктом городского типа для III в. до н. э. здесь является крепость на месте Канки. Построена она по типу античных крепостей в виде квадрата с квадратной цитаделью. Не случайно самые ранние ее укрепления возведены из кирпича, не характерного для Ташкентского оазиса, но широко применяемого в Согде и Бактрии. Интересна и находка в ее нижних слоях керамики согдийского типа.

Данный период для города не был длительным: он завершился полной перестройкой всей крепостной системы в иных традициях из кирпича другого стандарта — прямоугольного, связываемого с каунчинской культурой, изменениями в материальной культуре, которая стала значительно отличаться как по составу, так и по технике изготовления. Поэтому мы не можем принять точку зрения Т. Г. Оболюевой, трактующей Каунчи как местный вариант согдийской культуры на Средней Сырдарье (402, с. 101—102).

На основании материалов ряда районов Средней Азии (401, с. 72), включая Ташкентский оазис (150, с. 50), прослежено усиление связей с сарматскими племенами Южного Приуралья. В то же время письменные источники сообщают о перемещении

племен с востока. Это связано в первую очередь с движением крупного кочевого племени юечжей, которые, потерпев между 203 и 174 г. до н. э. несколько поражений от хуннов (94, II, с. 48; с. 183), откатились на запад, столкнувшись с рядом народов, в частности с усунями, относимыми к сарматской группе (434, с. 120), и саками степи и бассейна Сырдарьи. Потеснив саков, юечжи прошли через Давань, напали на Дахя и подчинили это владение (94, II, с. 183, 184). Процесс этот проходил длительное время. Он привел к разрушению Греко-Бактрии и образованию новых государств, смешению народов, что кардинально отразилось на материальной культуре, наблюдаемой нами на примере Ташкентского оазиса. Политически регион входит в это время в состав государственного объединения Кангха или Кангюй, локализация которого окончательно не решена.

С. П. Толстов первоначально отождествлял Кангюй с Хорезмом (496, с. 21), затем определил его как конфедерацию массагетских племен низовий Амударьи и Сырдарьи, а Хорезм — как часть этого союза, являвшуюся политическим гегемоном Кангхи (500, с. 201). А. Н. Бернштам, признававший Хорезм составной частью Кангюя, основную силу последнего видел в степях Центрального и Южного Казахстана, землях, прилегающих к Сырдарье на всем ее протяжении, в предгорных долинах западных отрогов Большого Тянь-Шаня. Кангюй трактуется им как производное от племенного сакского союза (81, с. 96). С учетом этих данных и сообщений источников о том, что Фергана граничила с Кангюем, Б. А. Литвинский считает, что каунчинско-джунский комплекс является культурой кангюйских племен, а последние — наследниками саков, прежде всего известных по ахеменидским надписям «саков, которые за Согдом» (303, с. 29—37; 304, с. 16). И. Гершевич, отождествивший жителей Чача с турами, приводит сообщение о нападении Туса на туров в «высочайшем горном походе» Канха и основании Сиявушем крепости Канги Кангдиз, куда удалился согласно Бундахишну Хосров после убийства Франрасьяна — Афрасиаба. Ссылаясь на И. Маркварта, Х. Бейли, Ф. Ведлера, Е. Палейбланка, И. Гершевич относит Чач к кангюйской области туров (569, с. 55).

Историю сложения культуры Чача необходимо рассматривать в динамике развития политических событий. В источниках сообщается, что Кангюй располагался к северу от владения Давани, а к северо-западу от Кангюя — Янцай. Власть Кангюя признавалась пятью малыми владениями, одно из которых — Юйни лежало на Яксарте (94, II, с. 186—187). Таким образом, севернее Давани отмечено три владения — Яньцай, Кангюй (Кангха), Юйни, в которых выделяются три культуры с определенными чертами сходства. На севере — культура болотных городищ, южнее — джетыасарская и далее к югу — круг отарско-каратауской и каунчинской культур.

Если принять эту локализацию, то коренными землями канков являлись районы джетыясарской культуры в бассейнах Кувандарьи, Жаныдарьи и междуречье, отмеченные, между прочим, С. П. Толстовым как основные сакские районы. Более обоснованной становится точка зрения о сакской культуре Кангюя, гипотеза И. Маркварта о эквиваленте Кангюя и племен, живших, согласно греко-римским источникам, вдоль Яксарта (591, с. 188), и точка зрения на распространение сакских племен туров и хаомаварга вплоть до Аральского моря, отождествляемого с авестийским Чаечаста (569, с. 55). Возможно, поздним отражением этого и является название Ибн Хордадбехом нижнего течения Сырдарьи Канкар, подмеченное И. Марквартом (590, с. 168). Затем Кангюй усиливается, интенсивно продвигается вглубь Средней Азии вслед за юечжами (304, с. 17; 571, с. 134), ставит в свою зависимость владения на юге и западе (94, II, с. 186, 229).

Таким образом, Юйни входит в Кангюй, сначала на правах малого владения, затем включается в состав его ядра.

Последующая история Кангюя известна очень слабо. Вероятно, к 270 г. н. э. государство уже было незначительным. Ослабление Кангюя способствовало выделению в конце II — начале III вв. в самостоятельные владения ряда регионов, в том числе и Чача, который в середине III в. упомянут в победной надписи Шапура-I на Каабе Зороастра, где описаны (как доказано исследователями более желаемые, чем действительные) границы Сасанидов «до гор Кеша, Согда и Чачстана» (309, с. 126). Интересно, что с этим временем можно связать и новые черты в материальной культуре, позволяющие нам выделить этап Каунчи-II. Новое название региона, известного ранее как Юйни, также явление не случайное. Из источников известно, что с III в. под новым названием выступает и Фергана, в чем можно видеть следствие социально-политических событий, связанных с ослаблением Кангюя. Затем Чач входит в состав эфталитского государства.

Новые политические преемники Кангюя, входившие в состав близкой с последним родственной группы юечжийско-эфталитского круга, явились естественными продолжателями прежней культуры, в которой однако иногда проскальзывают элементы, сближающие с южной культурой. Возможно, переход власти к эфталитам проходил в Чаче далеко не мирно, что выразилось в слоях мощных пожарищ в период Каунчи-II, но он сопровождается дальнейшим подъемом городской культуры, наращиванием и реконструкцией крепостных стен, возведением на забутовках и слоях пожарищ новых жилищ и общественных сооружений. В то же время каунчинский элемент распространяется на широкой территории ряда районов Средней Азии, проникает в Северную Фергану (108, с. 101—103), в районы Южного и Центрального Согда (248), что дало исследователям основание включить инновации каунчиноидных элементов IV—V вв. в состав

формирующейся в качестве эталонной материальной культуры раннефеодального Согда (334, с. 6).

Для Ташкентского региона II в. до н. э. — V в. н. э. — время интенсивного развития городской культуры. Мы выделили для этого периода 13 городских пунктов (табл. 4). В их формировании можно наметить два этапа, в основном совпадающих с этапами развития каунчинской культуры. К первому отнесены Канка, Шаркия, Дальверзинтепа, Кендыктепа, Каунчитепа, Актобе-2. Географически территория городской культуры первого этапа ограничена. Все города концентрируются в западной

Таблица 4

Городские поселения Ташкентского оазиса (III в. до н. э. — V в. н. э.)

Городище	Площадь, га	Форма	
		городища	цитадели
Канка	150	Прямоугольная	Квадратная
Кавардан	75	Неправильная	Круглая
Кульата	45	"	"
Каунчитепа	25	"	"
Кендыктепа	25	"	Круглая
Шахрухия	22	Квадратная	Квадратная
Турткультепа-1	16	Квадратная	?
Турткультепа-2	15	Прямоугольная	Квадратная
Дальверзинтепа	13	Квадратная	"
Шаматепа	12	Неправильная	Округлая
Мингурюк	10	Квадратная?	Квадратная?
Аккурган	4	Неправильная	Круглая
Актобе-2	Около 4	Подпрямоугольная	Подпрямоугольная

равнинной части оазиса вдоль Сырдарьи и в низовьях основных притоков полосой от 5 до 40 км, сужающейся на юге (Дальверзинтепа) и расширяющейся в центре (Кендыктепа, Каунчитепа).

Самый крупный городской центр развивается на месте городища Канки. Со II—I вв. до н. э. ее древнейшее ядро площадью 6,5 га превращается в цитадель, вокруг которой с трех сторон, кроме примыкающей к реке северо-восточной, вырастает крупный город площадью около 150 га, окруженный мощной двойной крепостной стеной с обводными внутрискладскими коридорами. Город прямоугольной формы, со срезанным вследствие условий рельефа северо-западным углом.

Укрепленное ядро в пределах первого шахристана трижды в этот период подвергается серьезной перестройке; забутовываются и укрепляются контрфорсами либо берутся в рубашку сооружения предшествующего времени. Основным строительным материалом служит сырцовый кирпич крупного прямоугольного стандарта. В процессе перестроек наблюдается использование

новых технических приемов. Так, при выведении сложных узлов, сводов, входных арок применяется кирпич в сочетании с пахсой, прослоенный ей. Первая перестройка укрепления совпадает со строительством внешних городских стен вплоть до использования кирпича с идентичными клеймами и одинаковых технических приемов оформления арок.

Уровни жизни городских стен укрепления и внешнего города синхронно перемежаются завалами и пожарищами, прослеженными не только в коридорах, но и в прилегающих помещениях, в которых сохранились целые формы сосудов каунчинского типа, даже крупных, а также другие бытовые предметы, попавшие в забутовку. Город внутри был застроен довольно густо, а свита культурных наслоений, даже на окраинах, достигла 3,5—4,5 м.

Крупные размеры города, приближающие его к столицам типа античного Самарканда или Еркургана, а также положение близ Сырдарьи позволяют нам видеть в нем столицу владения Юйни (143, с. 187). Аналогична, хотя и не везде одинаковой мощности, застройка Шаркии, реконструируемой нами в квадратной крепости площадью в 22 га, ориентированной углами по странам света, и вероятно, Дальверзинтепа.

Несколько отличаются от них по планировке города в глубине оазиса. Кендыктепа расположено удачно в фортификационном отношении на защищенном с трех сторон естественной водной преградой глубоко вдающемся мысу между Ахангараном и Бургулюксаем. Удлиненная территория его площадью около 25 га неправильной формы разделена протоками (или искусственными рвами) на три части. Две заняты городом, оборона которого усилена отдельно стоящими вдоль воды прямоугольными пахсовыми башнями.

Наиболее уязвимая площадь на юго-востоке защищена круглой в плане цитаделью. В основании ее монументальная, более чем 3,5-метровая стена из прямоугольного кирпича, стоящая на кирпичной же платформе. На ней — вторая стена из кирпича и пахсы. Перекрывающая их стена — пахсовая. Как и на Канке, между вторым и третьим этапами следы сильного пожарища. Мощность культурных слоев достигает от 2 м в шахристане-2 до 4,5 м в цитадели. Расцвет жизни города относится к этапу Каунчи-II.

Застройка шахристанов густая с плотно примыкающими друг к другу многокомнатными домами. На западной окраине города вдоль улицы шириной 6—8 м раскрыты сомкнутые по фасаду хозяйства ремесленников, состоящие из трех-четырёхкомнатных домов с пахсовыми стенами и двориками, выходящими к реке. Выделяются мастерские ткачей, ювелиров, а в одном хозяйстве помещение типа торговой лавки (211, с. 101—109). Планировка с плотной застройкой характерна и для шахристана-1. В южной и восточной части его располагались керамические мастерские с одноярусными горнами цилиндрической формы, в которых изго-

товлялась и обжигалась посуда, курильницы, подставки-шашлычницы, пряслица и другие керамические поделки. В северо-восточной части шахристана — крупная мастерская металлостов, связанная с очисткой и проковкой железных криц и окончательной обработкой железа.

Иное функциональное значение городского пункта долины Чирчика — Каунчитепа. На городище слои каунчинской культуры составляют 7—8 м с ярко выраженными зеленовато-желтыми наслоениями, заполненными обломками груболепной посуды напольного и печного обжига. Оборонительные стены, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича, достигают толщины 6,5 м. Вплотную к ним примыкает жилая застройка, причем планировка некоторых групп помещений сближается с комплексами, относимыми для Усрушаны Н. Н. Негматовым и С. Г. Хмельницким к постройкам казарменного типа, воинским общежитиям, связанным с размещением гарнизона (380, с. 109). Здесь явно преобладает оборонительная функция, характерная для города-крепости, форпоста, стоящего на границе с кочевой степью и тесно с ней связанного.

На втором этапе не только резко вырастает количество городов, но расширяется их география. Участок правобережья Сырдарьи пополняется крепостью Турткультепа-II, низовья Чирчика и Ахангарана — городками Турткультепа-I, Шаматепа и Аккурганом.

Одновременно с ними довольно крупные города появляются в глубине оазиса, на границе со скотоводческими районами степной и предгорной зоны. Наиболее значительный из них — Кавардан расположен в удобном в стратегическом отношении месте — на излучине Чирчика и границе адыров. С двух сторон он защищен рекой, с третьей — ее притоком. От предгорий и сая он защищен стенами. К Чирчику выходит круглая в плане цитадель. Ранняя система ее укреплений возведена в виде двойной стены из прямоугольного кирпича и пахсовых блоков в пору позднего Каунчи-I. Тогда же обживается и городское ядро.

Основная система городских укреплений, состоящая из одианарных стен, перемежаемых башнями округлой формы, возводится в период Каунчи-II, к которому относится и наиболее широкое освоение городской территории, однако плотно освоенные участки сочетаются с обширными мало застроенными площадями. Можно предполагать, что стационарная застройка в городе сочеталась, как замечается для некоторых средневековых городов Чача, с легкими «войлочными домами» — юртами. Это характерно для пунктов даже городских, образуемых в основном оседающими кочевниками, этнографические параллели чему дают Хива, Улан-Батор.

В среднем течении Ахангарана вырастает городской пункт Кульата. Крепостное ядро его появляется в пору Каунчи-I, а на втором этапе город максимально расширяется, достигая площади

50 га. В цитадели прослежены три этапа перестроек. Плотное кольцо сплошной застройки окружает цитадель на площади до 10 га, остальная территория освоена лишь отдельными пятнами.

Специфическая черта города — обилие следов металлургического производства. В образцах сырья — руды, богатые медью, серебром, содержащие золото. Это заставляет нас видеть в Куль-ата специализированный металлургический центр, связанный с производством цветных и благородных металлов, что способствовало разрастанию его в город среднего типа, тесно связанный с рудными районами Карамазара.

В отличие от него города в долине Чирчика формируются, на наш взгляд, в первую очередь, как крепости на границе со степью. Эта тенденция на первом этапе прослеживается на Каунчитепа. На втором к таким крепостям можно отнести Турткультепа-I, Мингурюк. Первый имеет правильную подквадратную форму. К стене, толщина которой в основании составляет 8 м, изнутри примыкает сплошная линия помещений, состоящих из одной-двух комнат, выходящих в коридор. В них можно видеть специальные помещения для воинов.

Укрепления Мингурюка характеризуются более четкой и правильной планировкой и системой. Оборонительная стена из пахсы, прослоенной прямоугольным кирпичом, имеет у основания толщину 6,5 м. Поднимаясь на высоту более 5 м, она завершается валгангом. Снаружи основание стены укреплено выступающей платформой из кирпича и пахсы. К стене изнутри примыкают сложенные из прямоугольного и квадратного кирпича помещения правильной планировки, в которых одни исследователи видят дома большесемейных общин (165, с. 190—191), другие — казармы для воинов (380, с. 109). Как отмечается исследователями (209, с. 41), материальная культура Мингурюка генетически связана с Каунчи-I, но некоторые формы керамики характерны для Каунчи-II, к которому относится зарождение укреплений Мингурюка. При любой трактовке жилых помещений внутри стен сама фортификация и планировка его носит ярко выраженный крепостной характер и приближается к оборонительной системе таких городов, как Канка и Турткультепа.

Характеристика городов Чача будет неполной, если не отметить лежащее за пределами Ташкентского оазиса, но входившее в состав Чача городище Актобе-2 на берегу Сырдарьи в районе Чардары. Это небольшое укрепление площадью 3,75 га несколько неправильной формы состоит из цитадели и шахристана, окруженных пахсовой стеной с выступающими до 3 м овальными башнями. По мнению исследователей, даже обращенный к реке фас облицован пахсовыми блоками (317, с. 13).

Стены жилых построек сложены из кирпича как прямоугольного, так и квадратного, причем последний использовался преимущественно для выкладки арок и сводов. Кривые арок многоцентрового построения.

Дворцовый комплекс прямоугольный в плане с округленными углами, он состоит из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и крупных коридоров. В его составе следует отметить комнату, перекрытую куполом на примитивных конических тропках. Этот прием в последующий период (VI—VII вв.) использован в Чаче в замке Актепа (163, с. 146) и в шахристане-III Канки.

Своеобразие архитектурно-строительных приемов и их логическая завершенность позволили авторам поставить на примере Актобе-2 вопрос о чачской строительной школе с начала I тыс. н. э. (317, с. 35).

Сравнительная характеристика планировочной структуры позволяет выделить для древнего этапа два типа городов: а) с правильной формой оборонительных сооружений и б) с аморфно-неправильной конфигурацией линии оборонительных стен. Первые концентрируются в основном в западной части оазиса близ Сырдарьи. Для них характерен прямоугольный и квадратный план, ориентация фасадами или углами по странам света, возведение вдоль одного из фасов мощной квадратной в плане цитадели, окружение города и цитадели рвами. В глубине оазиса лишь отдельные укрепления также имеют подквадратную форму (Минг-урюк, Турткультепа-I). Основная же группа городов неправильной формы, зачастую свободно повторяющей очертание рельефа избранных холмов. У этих городов отличается от укреплений первой группы и форма цитадели, имеющей, как правило, округлую или овальную планировку. Таковы, в частности, цитадели Кендыктепа, Аккурмана, Кавардана. Два типа планировки характеризуют две генетические линии формирования укреплений городского типа. Города первого типа вырастают на границе с древним Согдом, и правильная планировка их, вероятно, складывается под определенным влиянием древнего региона городской культуры. Второй тип городов, возможно, развивает планировку более древних поселений, тесно связанных с полукочевым бытом земледельческо-скотоводческих хозяйств, сочетавших стационарные и временные постройки и загоны для скота, находя аналогии с архитектурно-строительными традициями северных племен. В этом отношении интересны памятники Нижней Сырдарьи, где с архаической поры складывается план круглых построек и культово-погребальных (Чирикрат), и жилого, и общественного назначения (Большой дом Бабишмуллы, Джетыасар-9) (500, с. 192). С этой линией развития мы можем сопоставить круглый план цитадели, тем более, что и материальная культура этих регионов имеет тесные аналогии.

ГОРОДА И СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Формирование городов оазиса связано с общим процессом развития оседлоземледельческой жизни региона. Материалы этого времени зафиксированы на 97 поселениях. Их топография и

структура свидетельствуют о качественных изменениях по сравнению с Бургулюкским периодом. Размеры поселений различны: 0,3—14 га, но обязательной чертой их является укрепление ядра или всего поселения. По типу планировки можно выделить следующие группы: неукрепленное поселение с крепостным ядром (цитадели); поселение с укрепленным ядром и укрепленной периферийной застройкой обычно ограниченных размеров; отдельно стоящее укрепление типа большого укрепленного дома. Примером поселения первого типа может служить Чангтепа (148, с. 103—113), второго — Шаштепа (150, с. 49—50), третьего — Кадовадтепа, Турткультепа-2 в Юсупхане (139, с. 14—15). Большинство цитаделей поселений имеют в плане округлую или овальную форму. Строительный материал тот же, что и в городе — прямоугольный кирпич в сочетании с пахсой.

Топография поселений показывает, что от обживания локальной территории низовьев начался переход к освоению долин Чирчика и Ахангарана непосредственно от выхода этих рек из предгорий, а также отдельных участков их притоков.

Качественно новой является база земледелия. От каирного и лиманного орошения начинается переход к поливному земледелию, основанному на искусственном орошении с помощью крупной и мелкой сети каналов и арыков, сооружению защитных дамб и небольших водохранилищ. Зачастую под каналы приспособлялись спрямлявшиеся русла иссыхающих или оставленных протоков.

К первым векам н. э. относится создание крупнейшего в правобережье Чирчика канала Зах, который, начинаясь от предгорий, протягивался более чем на 20 км для орошения площадей восточнее Ташкента. В его головной части выросло специальное укрепление Паргостепа, а на отводах — система поселений: Кулокчинтепа, Таукаттепа, Бузгонтепа и др. (203, с. 12—13). Наиболее густо осваивалась полоса в нижней части долины Чирчика от Ташкента до Янгиюля на базе превращенных в каналы древних естественных протоков Салара, Джуна и Куркульдука.

На территории Ташкента ранняя группа оседлых пунктов формируется на базе вод Карасу—Салар—Джун, т. е. южной системы, непосредственно примыкающей к Чирчику. Это Бузгонтепа, Таукаттепа, Мингурюк, Каугаиттепа, Шаштепа. Все они, за исключением Мингурюка, носят типичные черты сельских поселений с укреплением лишь центрального ядра, с большими слоями органических отложений, устойчивым комплексом груболепной керамики. Наиболее удобные земли осваиваются в верховьях (Кадовадтепа), низовьях реки (Ахмадтепа).

В левобережье Чирчика мы можем определенно говорить об одном канале — Ханарыке. Он обеспечивал водой Кавардан и его округу. Ниже него картина менее ясна. Вероятно, здесь функционировали иссыхающие протоки Чирчика, основное русло которого уходило севернее.

Каналы в бассейне Ахангарана незначительны и в основном проведены из русел саев и ручьев. Это Акташ, Кырккизбулак, Карасу, Шаркия, Бахорсай. Локальные участки освоены вдоль Бургулюксая на периферии Кендыктепа.

Материальная культура поселений идентична инвентарю погребальных курганов скотоводов. Обряды также одинаковы. Это говорит о переходе скотоводов к оседлому образу жизни. Освоение под посевы значительных площадей способствует развитию земледельческого уклада, причем создание ирригационной системы послужило важной базой для развития земледельческой экономики Чача. В свою очередь формирование оседлоземледельческой экономики обусловило более широкое развитие ремесел и освоение сырьевых богатств, особенно металлургии, в основном в южных районах. В первые века н. э. начинается извлечение полиметаллических руд, обогащенных медью и серебром, добыча медных и железных руд, разработка золотосодержащих руд и т. д.

Горнорудные работы велись кустарно, часто были связаны с разработкой месторождений маломощных по запасам, но с богатым содержанием руды. Добыча шла по зонам дробления, разломам, раздувам с выработкой отдельных открытых зон и россыпей, чтобы получить руду, хотя и в небольших масштабах, но с минимальными затратами на подсобные работы и крепления. Это показатель слабой организации труда рудокопов. Однако перечень объектов показывает начальный этап знакомства с рядом золоторудных и серебросодержащих рудных пунктов Чач-Илака (143, с. 101—102).

Плавка руд, вероятно, в основном проводилась близ рудников, однако уже появляются специализированные пункты. Первичная обработка сырья проводилась как в прямоугольных (Кокрель), так и в круглых печах (Шаугаз, Кадовадтепа, Ташбулак и, вероятно, Кульата).

Состав металлических изделий и остатки мастерских свидетельствуют о развитии различных отраслей металлургического ремесла — кузнечного, металлообрабатывающего, ювелирного. Кузнечные и ювелирные мастерские открыты в Кендыктепа, на Кульата. Медные и бронзовые шлаки найдены на Каунчитепа (187, с. 5; 189, с. 48). Продукция мастерских включает оборонительное и наступательное оружие (пластинчатые панцири, ножи, мечи, наконечники стрел различных типов), детали конской упряжи, сельскохозяйственные орудия труда — серп. В домах и особенно погребениях обнаружены бытовые предметы и украшения из цветных и благородных металлов, золотые браслеты и бляшки, серьги, иногда с инкрустацией, из сплава золота с серебром, медные проколки, иглы, ухвертка, бусы, печати, пряжки. Имеются данные о добыче самоцветов, строительного и поделочного камня и минеральных красителей, в первую очередь охристых из района Чанги, а также производственных для кера-

мического ремесла, в котором наряду с обычными используются и каолиновые глины.

Преобладающая масса посуды формовалась вручную, лишь незначительный процент изготовлен на гончарном круге (293, с. 96—109; 301; 317, с. 36—62). Исследователи выделяют посуду напольного обжига и горновую (317, с. 36). Горны, известные по мастерским Кендыктепа, круглые в плане, одноярусные, полуподземные. С переработкой продуктов животноводства связаны прядельное и ткацкое ремесло, причем и отвесы ткацких станков и разнообразные пряслица найдены в городах и на поселениях. Отдельные находки говорят о костерезном и деревообрабатывающем ремеслах.

Ремесленные мастерские сосредоточены не только в городах, но и на концентрирующихся вокруг них поселениях, которые не являются простыми потребителями продукции городов, а сами принимают активное участие в ремесленно-производственной жизни региона.

В архитектуре городов и поселений складывается устойчивое единство в стандарте строительных материалов и архитектурных приемах, которое прослеживается от Кадовадтепа в предгорьях на востоке до Канки на западе, от Кульата на юге до Актобе-2 на севере. Это дает нам основание присоединиться к выводу Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной о сложении чачской строительной школы с начала I тыс. н. э.

Формирование городов и городской экономики Чача с ремесленной специализацией сопровождается развитием товаро-денежных отношений, внешней и внутренней торговли. Большой интерес для характеристики торговли представляют нумизматические материалы комплекса, включающие монеты из раскопов и случайные находки. Это клад из 15 монет с городища Дальверзинтепа (338, с. 7—8), 12 подъемных монет и 7 из раскопов Канки, 3 подъемных монеты из Кендыктепа (211, с. 123), 2 подъемных монеты из Шаркии и клад из 1232 монет, найденный в 1978 г. в Аккурганском районе¹. Монета медная, чеканная, форма не всегда округлая, гурт иногда обрублен грубовато, скошен или разорван, кружок и плоский, и скифатный, вес 0,2—2,95 г, диаметр 1,1—2,2 см. Масса вариантов и по изображению при довольно устойчивой общей иконографии.

Основной тип — на лицевой стороне изображена голова государя влево. Передача и реалистичная, глубокого рельефа, и уплощенная, стилизованная с массой переходящих вариантов. Подчеркнуты возрастные особенности. Голова чаще округлая. На одном экземпляре из Канки четко прослеживается искусственная деформация черепа. Волосы густые, кудрявые, ниспадаю-

¹ Точное место сбора неизвестно. Предположительно это Кыркджангитепе в 3 км к северу от Канки. Одна основная часть клада поступила от коллекционера В. Кучерова, другая — от коллекционера И. В. Грушецкого.

щие вниз локонами. Один крупный экземпляр представлен портретом без головного убора, но у большинства волосы перевязаны диадемой либо покрыты шлемовидной шапочкой желобчатой формы с вертикальными рельефами — валиками от центра шапки к тулье. Ниспадающие из-под шапки локоны прикрывают ухо. Лицо округлое или слегка удлинненное. Нос обычно крупный, часто с горбинкой, с выпуклыми крыльями ноздрей, глаза рельефные, скулы слегка утяжеленные. Для правителя любого возраста характерны усы, слегка выдающийся вперед подбородок заканчивается клиновидной или острой опущенной вниз бородкой. На шее иногда валикообразный выступ, передающий изображение гривны или ворота кафтана. Второй, самый малочисленный тип — изображение портрета государя вправо. Он также представлен рядом вариантов, свидетельствующих о том, что не случаен. Иконография портрета и детали сближаются с левосторонним профилем.

На оборотной стороне изображена тамга и легенда. Надпись и отдельными знаками, и слитно с тенденцией к курсивному письму. Тамга в виде незамкнутого овала с изогнутым вверх левым или правым краем (по терминологии Б. И. Вайнберг, тамга «усом влево» или «усом вправо», 153). Внизу знак завершается двумя ответвлениями в виде ножек. Иногда внутри овала прослеживается две точки. М. Е. Массон датировал их III—IV вв. н. э. (344, с. 27). В. М. Массон, анализируя чекан владений Междуречья в первые века н. э., считал возможным отнести появление их к более раннему времени, чем III—IV вв. н. э. (328, с. 80, прим. 9). В надписи, по мнению В. А. Лившица, не менее трех слов, из которых пока предположительно читается лишь титул «государь». Надпись также эволюционирует от раздельного написания слов до курсивности, а затем и стилизованной передачи легенды, что по аналогии может быть датировано II—III — концом V в. н. э. Даже небольшое количество монет позволило М. Е. Массону поставить вопрос о наличии чачского чекана (344, с. 27). В настоящее время их около 1300.

Монеты имеют массу вариантов с различием мелких изображительных деталей, свидетельствующих о большом количестве штампов. Это говорит о довольно массовом чекане и длительности выпуска монет. В то же время при обилии вариантов сохраняется единый устойчивый тип монет, свидетельствующий об определенной стабильности в экономической и политической жизни. И, наконец, вес монет варьирует от 0,2 до 2,95 г, т. е. приводит к нескольким номиналам мелкого и крупного стандарта. Касаясь изображений на монетах, хочется обратить внимание на тамгу, имеющую устойчивый тип с небольшими вариациями. Являясь характерной только для Чача, она может быть сопоставлена с рядом владений, связанных определенными отношениями с Кангюем. Большой интерес представляют монеты Хорезма. В. Тизенгаузен, Е. Друэн, Е. Томас относили их к чекану сакско-бакт-

рийской группы населения Хорезма (606, с. 73). В то же время С. П. Толстов находит генетическую связь хорезмийских монет с греко-бактрийским чеканом Эвкратиды и монетами Герая (496, с. 176—177).

Монеты с головными уборами, близкими к коронам сасанидских царей, С. П. Толстов относит в основном к III в. н. э., «когда эти колоритные уборы получили широкое распространение в Средней Азии, сменив простые формы уборов парфянского и кушанского времени» (496, с. 177). Он считает, что им предшествовали более ранние монеты. В. М. Массон указывает на интересную раннюю серебряную монету, хранящуюся в Государственном Эрмитаже. Она представляет собой подражание тетрадрахам Эвкратиды с портретом последнего и греческой легендой, сбоку которой на оборотной стороне размещена близкая нашему типу тамга, отличающаяся лишь характером ножки, изображенной в виде полудужья. Монеты этого типа В. М. Массон датирует около первой половины II в. до н. э., а принадлежность тамг этой группы относит к кангуйскому кругу культуры Сырдарьинского региона (326, с. 167—169; 328, с. 80).

Точка зрения о сырдарьинской локализации данного круга монет была взята под сомнение С. П. Толстовым, рассматривающим их как чекан Сиявушидов второй половины II в. до н. э., также, однако, связывающихся с Кангюем (498, с. 59—60).

Детальному исследованию монеты Хорезма были подвергнуты Б. И. Вайнберг. К числу важных выводов ее следует отнести утверждение с I в. н. э. в качестве основной хорезмийской серебряной монеты с тамгой, близкой к нашей.

К середине I в. Б. И. Вайнберг относит ранний выпуск мелкой денежной единицы, а постоянный чекан медной монеты Хорезма — к концу III в. н. э., когда складывается ее устойчивый тип, в определенной мере отличающийся от раннего (153, с. 96). Для нас этот анализ представляет интерес тем, что тамги именно раннего хорезмийского типа наиболее близки монетам чачского чекана. Учитывая подъем городской культуры в конце Каунчи-I и начале Каунчи-II и то, что уже в первой половине III в. н. э. Чачстан, судя по надписи Шапура-I, относился к числу известных среднеазиатских владений, можно поставить вопрос о возможности выпуска в это время монет с тамгами, близкими ранней группе монет Хорезма и связываемыми с общими родственными узам, ведущими в юечжийский круг, из «дома» которого выходили чачские правители.

Для эфталтского периода наряду с медью фиксируется хождение серебра. М. Е. Массон отмечает, что вхождение в состав государства эфталитов, не введших единообразной монеты, не изменило ничего в денежном обращении. Однако с третьего-четвертого десятилетия V в. н. э. наряду с местным чеканом начинают распространяться и сасанидские серебряные дирхемы с местным надчеканом. В Ташкенте найден клад монет Варахра-

на-V, в котором вместе с целыми встречаются и довольно мелкие искусственно обломанные, что намекает на практику приема серебра в Чаче на вес (352, с. 153). Все эти факты свидетельствуют о том, что формирование городской экономики сопровождается развитием торгово-денежных отношений. Топография городских пунктов характеризует основные линии караванной торговли.

О торговых связях с западными районами свидетельствует формирование у переправы через Сырдарью двух городских пунктов — Дальверзинтепа и Турткультепа. Наиболее ранняя переправа — южная. Через нее путь от Дальверзинтепа вел к Шаркии, а от нее — вглубь оазиса к Канке. На позднем этапе в устье левого протока Чирчика вырастает Турткультепа, из которого также основной путь вел к Канке.

Сырдарья, однако, являлась не только границей с согдийскими владениями, но и артерией торгово-экономических связей с джетыясарскими и приаральскими районами и Ферганой. О таких связях можно судить не только по проникновению в Северную Фергану чачских монет, хотя и одиночных (108, с. 73), но и по письменным данным. Действительно, уже история старшего дома Хань знает «северную» дорогу из Китая через Кашгар, Фергану к кангюйцам и аланам (60, с. 186). Эта дорога проходила через Ташкентский оазис.

Внутренняя торговля строилась на медной монете, имевшей дробный номинал. По наблюдениям нумизматов, степень обращения «бронзы», монеты явно разменной (хотя и неизвестно, насколько мелкой), свидетельствует в первую очередь о росте внутренней торговли.

В процессе исследований получены некоторые новые материалы, освещающие духовную культуру и культовые воззрения населения Чача. Эти вопросы прямо и косвенно освещались в литературе, особенно для ранних этапов в связи с дискуссией об отношении сакских народов к зороастризму (8, с. 115—116; 205, с. 270; 306, с. 142—155; 576, с. 302—303).

Носители каунчинской культуры, явившиеся в определенной мере преемниками прежнего местного населения, оказались тесно связанными с зороастрийскими культами, что нашло отражение в материальной культуре. На сосудах с зооморфными ручками преобладает изображение фигурок баранов от реалистических до стилизованных и вплоть до сохранения лишь отдельных элементов (головки, рожек или имитации руна). Б. А. Литвинский связывает их с поклонением божеству, носителю фарна (304, с. 46—58, 75—111). Земледельческо-скотоводческий характер фарна сформулирован четко: «Который (фарн) сопровождал того Йиму, долгое время правившего на земле, Который спас от дэвов и богатство, и благосостояние, и овец, и стада. У него пища неиссякаема. Неумирающие скот и люди. Непересыхающие воды и растения» (90, с. 57).

Интересны «шашлычницы»-подставки в виде повернутых в разные стороны протом баранов. Значительная часть их обожжена, однако утилитарное назначение (188) проблематично, хотя и отрицать его полностью оснований пока не имеется. Находка их в помещениях зачастую вблизи очагов может быть объяснена не только (в созвучии значению фигурок на ручках сосудов) функцией поклонения верховному солярному божеству, но конкретными его функциями в форме покровителя домашнего очага, дома, благополучия рода его обитателей, чему есть интересные этнографические параллели (368, с. 252).

На грани Каунчи-II—III мы отмечаем замену на подставках баранов головой быка, которая, проходя различные ступени стилизации, доживает вплоть до арабского завоевания. Появление ее совпадает с созданием новой этнической группы каунчинского же круга, что можно объяснить и заменой ипостаси божества, выполняющего в целом те же функции. Следует отметить и индивидуальные культовые предметы. На Канке в слоях Каунчи-III мы отмечали находку терракотовой скульптурки дикого кабана, облик которого подчеркнуто передает его воинственное угрожающее состояние. Объяснение этому мы можем найти в первую очередь в изображениях могущественного божества Победы авестийского пантеона — Веретрагны, самого вооруженного среди божеств, выступающего в различных ипостасях: в виде быка с золотыми рогами или белой лошади с золотыми ушами и уздой, верблюда или дикого кабана, птицы, дикого барана, орла или воина. Он «приносит славу, исцеление и силу, изгоняющие демонов и дарующие победу» (572, с. 117).

Веретрагна создан Ахурой и отнесен к числу божеств, занимающих высокое положение, обладающих благодатью и «фарном». Он победоносный и умиротворяющий. В ипостаси кабана он сопровождает Митру во время битвы между врагами и по принесении соответствующей жертвы устрашает и побеждает их. Не случайно название его является составной частью имен ряда народов, придающих символику героям (572, с. 118). Изображения вепря известны довольно широко на ручках керамики сарматского круга. Особенно распространены они были в Крыму и на Северном Кавказе (159, с. 38; 445, с. 193), в Северной Бактрии Кушанского времени в слоях IV в. н. э. В Дильберджине была также найдена часть сосуда с зооморфной ручкой в виде кабанчика (282, с. 29).

Не менее интересна каменная фигурка с изображением коня из слоя Каунчи-II в Кадовадтепа. Возможно, и ее использование связывается с поклонением верховному божеству Митре или сопровождающему его Веретрагне. Культово-магическую роль играли различные изображения, процарапанные на сосудах, преимущественно хумах, горшках для хранения пищи или флягах-мустахара. Количественно преобладают среди них знаки в виде круга, креста, креста и линий, либо креста в круге. К известным

в литературе находкам на памятниках каунчинской культуры (189, с. 55; 317, с. 61—294) можно добавить сосуды со знаками из Кавардана, Кендыктепа, Шаматепа, Турткультепа-I. Символика этих фигур связана с культом небесных сил, бесконечностью жизни. Более оригинально изображение на одной из фляг, найденной в округе Кендыктепа, прямоугольника, разделенного на четыре части крестом и отходящей от него волнистой линией, завершающейся утолщением в форме змеиной головки (211, с. 110, рис. 9, 1). Композиция может быть трактована в виде сочетания дома и змеи. Об образе божества — охранителя дома в облике змеи, как отражении фарна, сообщает Б. А. Литвинский (304, с. 53). Изображение дома мы встречаем на сосудах из Чардары.

Значительную группу составляют керамические, каменные и медные «печати», специально сформованные, либо отлитые в формах цилиндрические подвески с отверстиями для продевания нитей. Изображения на них рельефные, часто двусторонние. Знаки те же, что и на сосудах: кресты, солярные знаки (круги и круги с лучами). Г. В. Григорьеву встречалась печатка с схематическим изображением человеческого лица среди солнечных лучей (189, с. 55). Интересна и бронзовая печатка с Кендыктепа, на одной стороне которой изображен олень, на другой — сибирский козел. Они вливаются в группу зооморфных культовых мотивов населения Древнего Чача.

Составной частью культовых воззрений являются погребальные обряды. Для данного периода они представлены преимущественно подбойно-катакомбными курганными могильниками с одиночными, парными или групповыми захоронениями, вытянутыми труположениями, сопровождаемыми инвентарем в виде сосудов, орудий труда, бытовых предметов и украшений.

Некрополи — близ городов (Кульата, Кавардан, Шаштепа, Кендыктепа) и даже на их территории. Хотя и довольно редко, встречен обряд ингумации в «позе всадника».

На этапе Каунчи-III появляются подземные каменные и наземные пахсовые и сырцовые склепы с труположением на суфах и полах камер и инвентарем. Эти обряды близко перекликаются с описанными в источниках погребальными обрядами эфталитов.

Глава V. ГОРОДА ЧАЧА И ИЛАКА В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА (VI—VIII вв. н. э.)

Уровень развития городской культуры поры раннего феодализма — один из самых спорных вопросов в истории Средней Азии. Точки зрения исследователей различны и зачастую полярны. Первая группа, основные положения которой впервые сформулированы С. П. Толстовым, считает, что для данного периода

характерен общий упадок городской культуры. Существующие же города застроены слабо и вырастают преимущественно из суммы замков дикан и цитаделей правителя с преобладанием административных функций и относительно слабо развитым ремеслом (288, с. 53; 384, с. 109; 479, с. 28; 496, с. 152—153; 500, с. 249).

Другая точка зрения сформулирована А. М. Беленицким. Он считает, что сеть городских поселений была достаточно густой, хотя у большинства городов, кроме Мерва и Самарканда, площадь сравнительно ограничена (73, с. 7), а характер и структура их в свете археологических исследований представляются достаточно сложными (73, с. 8—13). Динамичная картина политических событий середины I тысячелетия, осложненная социальными явлениями, нашла, хотя и в очень кратком виде, отражение и в сообщениях исторических хроник.

В середине I тыс. н. э. Ташкентский оазис вошел в состав государства эфталитов. В VI в. происходит столкновение эфталитов с новым кочевым объединением — Тюркским каганатом, в результате чего в 555 г. н. э. границей между державами стал район Сырдарьи и Ташкентского оазиса. О Истеми сообщается, что «все до берега реки Джейхуна от Китая его называли подаателем справедливости, военачальником (он был) с войском, казной и короной от Гульзариума (Сырдарьи), от той стороны Чача» (418, с. 303). Каган Силзибул (Санджибу), собрав крупное войско, двинулся против эфталитов, захватил Чач и подошел к реке Гульзариум (Сырдарье). В руки кагана перешел не только бассейн Сырдарьи. По Динавери, Санджибу овладел Чачем, Ферганой, Самаркандом, Несефом и дошел до Бухары (540, с. 453). Эти события датируются периодом от начала VI в. н. э. до 60-х годов того столетия (45, с. 134, 559, с. 226; 593, с. 176). Борьба была очень упорной и разрушительной. По Фирдоуси, «в Чаче, Параке, Самарканде и Согде много (мест) было разорено и стало местопребыванием сов» (68, с. 112). Возможно, тогда и произошло временное выделение из Чача в самостоятельное владение южной части оазиса — Илака, экономический потенциал которого возрос за счет интенсивной добычи рудных ископаемых и особенно благородных металлов — золота и серебра (140, с. 101—102).

При последующем разделении каганата в 586—588 гг. на два владения Чач входит в состав западного объединения. В период междоусобных войн тюрков он пытается отделиться, но в начале VII в. вновь подчиняется кагану с установлением власти тюркских наместников — тудунов. События эти относят к 605—606 гг. К этому периоду относится попытка тюркских правителей упорядочить систему управления и взимания дани, для чего при Хакане Чуло (603—610) были назначены два малых кагана, один из которых обитал где-то на периферии Чача и управлял согдийскими регионами Мавераннахра. Однако последующие годы знаменуются усилением междоусобных войн, в которых принимает

участие и оседлое население, что создает условия для роста децентрализованных самостоятельных владений. По данным китайского путешественника 30-х годов VII в. Сюан Цзяня, Чач в этот период представлял собой относительно небольшое владение на границе с кочевыми тюрками. Отмечается, что в его пределах было несколько десятков городов во главе с самостоятельными правителями, подчинявшимися однако тюркскому кагану (556, с. 452).

В 641 г. правитель Чача, участвуя в междоусобных войнах Западного и Восточного каганов, обретает некоторую независимость.

В конце VII — начале VIII вв. в связи с реальной опасностью арабского нашествия оформляется союз владений под эгидой каганов, в состав которого входят Чач, Фергана, Согд. Союз этот оказался непрочным. Тем не менее Чач принимает активное участие в антиарабской коалиции. В период осады арабами Самарканда малик Чача и ихшид Ферганы направили на помощь осажденным отряд воинов и знати, о которых Табари приводит сообщение араба — участника событий, что он «никогда не видел более сильных и выносливых в сражении воинов» (551, II, с. 1247). Однако этот отряд попал в засаду, а после взятия Самарканда и подавления восстания в нем Кутейба с многочисленными вспомогательными войсками вторгается в Фергану и Чач, уничтожая захваченные города. Поход этот повторяется в 714 г. С. Г. Кляшторный справедливо считал союз серьезным фактором в последующей борьбе за свою независимость, а эти походы — попыткой разрушить коалицию (261, с. 64).

Согдийский посол в Чаче (718—719) Диваштич сообщает, что чачский тудун получил в это время обширные земли на Средней Сырдарье к северу от оазиса вплоть до Тарбенда (Отрара) (295, с. 57; 459, с. 78—79).

Таким образом, в этот период происходит новое объединение северных степных районов в составе Чача, что отмечалось нами на основе большой близости каунчинского и отрарского археологического комплекса для более раннего времени и фиксируется письменными источниками для Чача X в. Этот фактор способствовал упрочению сил и укреплению союза с Тюркским каганатом. Вместе с Несефом и Ферганой Чач входил в возглавляемую каганатом коалицию, нанесшую арабам в 723—724 гг. на берегу Сырдарьи поражение. Ярый противник арабов каган получил у них прозвище Абу Музаххим («отец бодающихся»).

В 739 г. арабы объявляют новый поход против Чача, у правителя которого нашел защиту мятежный арабский военачальник Харис ибн Сурейдж, перешедший на сторону согдийцев. Несмотря на значительные силы, подчинения региона достигнуть не удалось (351, с. 32). И хотя после разгрома Тюркского каганата арабы заключили с Чачем союз и направили сюда наместников, страна чаще была свободной, чем подчинялась арабам. Восполь-

зовавшись политическим ослаблением Чача, его пытались подчинить своему влиянию китайцы.

По сообщению Ибн ал-Асира, в 750 г. произошло столкновение ихшида Ферганы и малика Чача. Первый призвал на помощь китайские войска, пытавшиеся и в предшествующие годы вмешаться в политику владений Восточного Мавераннахра. Чач был окружен и столица его взята. По Ибн ал-Асиру, ни малику, ни приближенным не было причинено зла (357, с. 53). Однако факты сообщают о том, что город был разрушен и разграблен, а малик убит. Сын убитого малика обратился за помощью к арабам летом 751 г. Войска Зияда ибн Салиха вместе с чачцами встретились с китайцами на р. Талас. Китайцы были разгромлены и повергнуты в бегство (357, с. 53).

В последующие годы жители Чача и Илака принимают активное участие во всех антиарабских выступлениях, в частности, в восстаниях «людей в белых одеждах» (61, с. 258). Во время восстания Юсуфа ал-Берма в Бухаре в 777 г. н. э. халиф через послов потребовал изъявления покорности от ряда правителей, в одном из которых исследователи считают возможным видеть правителя Чача. В антихалифатском выступлении Рафи ибн Лейса (804—810) упоминалось о посылке в помощь Несефу «владельца Чача с его тюрками» (557, с. 712). Подавив восстание и улучшив обстановку, халиф Мамун послал войско в восточные районы халифата, в том числе и на Сырдарью, и овладел областью Отрар (369, с. 17). Однако в целом обстановка для завоевателей в бассейне Сырдарьи оставалась неблагоприятной. Период нашествий сопровождается разрушением и упадком городов, в том числе и столицы Чача, в политической истории которого можно выделить несколько этапов:

а) борьба эфталитов с тюрками и переход региона под власть Тюркского каганата (VI в. н. э.);

б) Чач в составе Тюркского каганата (вторая половина VI—начало VIII в. н. э.);

в) борьба с арабским и китайским нашествием (VIII в. н. э.).

Основные материалы для истории этого периода дают археологические исследования городов, в первую очередь Канки, Мингурюка, Ханабада и Кульаты, на которых выделяется не менее двух крупных перестроек (рис. 14). На Канке происходит резкое сокращение территории. Внутри города возводится крепостная стена, отделившая часть шахристана и цитадель площадью около 45 га. Однако на следующем этапе город быстро разрастается, выходя к началу VIII в. даже за пределы стен третьего шахристана. Территория Кульаты также значительно уменьшается — жизнь концентрируется в пределах 15 га вокруг цитадели, а новое обживание запустевших площадей происходит лишь в X в. Крупная перестройка в пределах периода отмечена для Мингурюка, пострадавшие укрепления которого перестраиваются через короткий период после разрушения.

В материальной культуре мингурюкского комплекса можно выделить два этапа, первый из которых еще связан с каунчин-

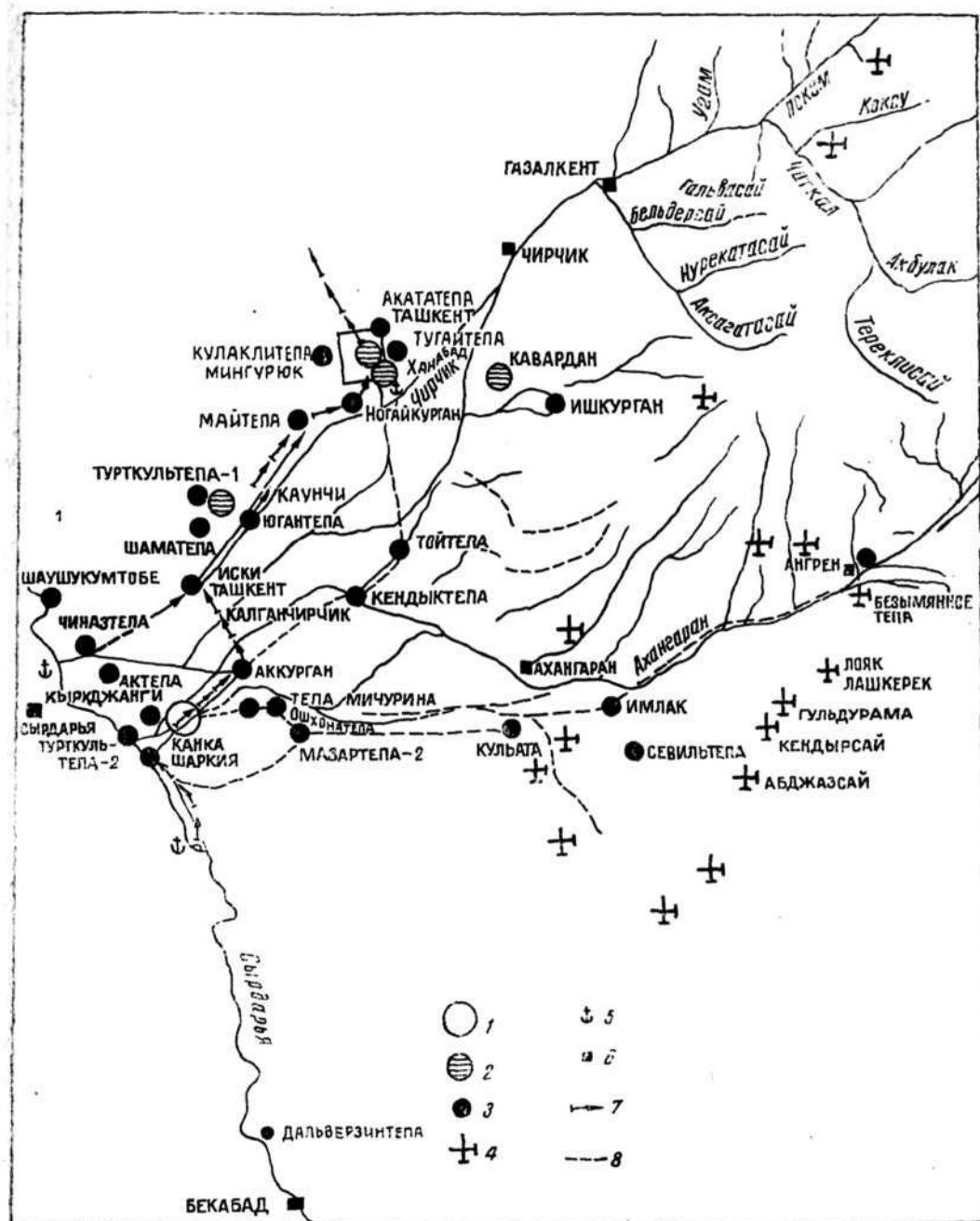

Рис. 14. Карта. Города и поселения Ташкентского оазиса в VI—VIII вв. н. э.:

1—крупный город; 2—средний город; 3—малый город; 4—рудник; 5—пункт переправы; 6—современный город; 7—транзитный путь; 8—внутренний путь

ским. Второй знаменуется развитием новых форм, как следствие интеграции культуры регионов Средней Азии, причем наиболее

тесные связи наблюдаются с согдийским комплексом. Ввиду недостаточной изученности городов Чача для большинства из них наиболее полно представлен второй этап. Для этого времени в оазисе зарегистрировано 32 городских пункта (табл. 5). Возможно, в последующем этот список будет пополнен. Крепостная сис-

Т а б л и ц а 5

Поселения городского типа Чача и Илака VI—VIII вв. н. э.

Городище	Площадь			Форма	
	городи-ща	цита-дели	шахристана	цитадели	шахристана
Канка	150,0	1,0	149,0	Квадратная	Прямоугольная
Кавардан	75,0	1,0	74,0	Круглая	Неправильная
Мингюрюктепа	35,0	1,0	34,0	Квадратная	Прямоугольная
Ханабадтепа	34,0	1,0	33,0	"	Квадратная
Каунчитепа	25,0	0,3	24,7	Прямоугольная	Прямоугольная
Кендыктепа	25,0	1,0	24,0	Круглая	Неправильная
Шаркия	22,0	1,0	21,0	Квадратная	Квадратная
Югонтепа	20,0	2,0	18,0	Круглая	Прямоугольная
Улькантойтепа	20,0	1,0	19,0	Прямоугольная	"
Акататепа	18,0	1,0	17,0	?	?
Имлак	17,0	5,0	12,5	Треугольная	Прямоугольная
Турткультепа-1	16,0	?	16,0 (?)	?	Квадратная
Кульата	15,0	0,8	14,2	Овальная	Неправильная
Турткультепа-2	15,0	1,0	14,0	Квадратная	Прямоугольная
Кыркджанги	15,0	1,0	14,0	Овальная	Неправильная
Кулаклитепа	14,0	1,0	13,0	Квадратная	Прямоугольная
Дальверзинтепа	13,0	—	13,0	Прямоугольная	"
Чиназтепа	12,0	0,4	11,6	"	Неправильная
Тепа в с-зе Мичурина	12,0	0,3	11,2	Квадратная	Квадратная
Шаматепа	12,0	1,0 (?)	11,0 (?)	Округлая	Неправильная
Безымянное тепа в Ангрене	12,0	1,5	10,5	Прямоугольная	"
Севильтепа (Мунчактепа)	11,2	2,7	8,5	Подпрямоугольная	Неправильная
Ногайкурбан	11,0	1,0 (?)	10,0 (?)	"	?
Ошхонатепа	11,0	—	11,0	Неправильная	Прямоугольная
Тугайтепа	9,5	0,5	9,0	Квадратная	"
Майтепа	9,0	0,08	8,9	"	"
Аккурбан	7,0	1,0	6,0	Круглая	Неправильная
Актепа	6,5	1,2	5,3	Пятиугольная	?
Шаушукмтепа	6,2	0,2	6,0	Прямоугольная	?
Ишкурбан	5,0	1,0	4,0	Неправильная	?
Мазартепа-2	4,0	?	?	?	?
Иски Ташкент	20 (?)	?	?	?	?

тема Каланболо в Заркенте и Искитепа в Намданаке, например, более характерна для раннего феодализма. То же можно сказать и о Культепа, Будальтепа, городище Бука. Однако раскопки их не проводились, точная датировка укреплений пока не ясна, что не позволяет включить их в состав городов. Но даже без этих

пунктов можно констатировать, что количество городов оазиса, выросло более чем вдвое.

Как распределяются внутри региона раннесредневековые города географически? На присырдарьинском участке известно восемь поселений городского типа, из них на древней основе продолжается жизнь четырех пунктов. С прекращением жизни на Актобе-2 выше него по течению реки ближе к оазису разрастается и обводится стенами, превращаясь в городское поселение, Шаушукумтобе (317, с. 91). Еще южнее вдоль ядра оазиса вырастают три города, однако все они связаны уже не только с Сырдарьей, но и с ее притоками, так как в их долины пути ведут через эти города. В устье Чирчика это Чиназтепа, в окрестностях которого создается «переправа тюрок» через Сырдарью, как упоминается в сообщениях восточных источников. Площадь шахристана 12 га. Он обводится двойной стеной из крупного кирпича прямоугольного стандарта с внутрстенным обводным коридором. В восточной части шахристана возводится подпрямоугольная в плане цитадель, включенная в систему обороны города.

В низовьях Ахангарана вырастает город Кыркджанги площадью 15 га. Он располагается на пути из Турткультепа в Канку, в непосредственной близости от нее и служит крепостью. Структура городской застройки и фортификация не изучены. В низовьях Гиджигена к городским поселениям можно отнести укрепление Актепа площадью 6,5 га.

Крупнейшим городом присырдарьинского участка остается Канка. Как отмечалось, на первом этапе наряду с укреплением стен первого шахристана выделяется территория города площадью 45 га, обнесенная специальной стеной. На втором этапе плотно обжитая территория вновь включает всю площадь древней Канки в пределах 150 га. По сравнению с предшествующим периодом более широко применяется пахса, как основной строительный материал.

На раннем этапе в кладке стен цитадели и третьего шахристана применена оригинальная выкладка из блоков кирпича, облицованных пахсовым футляром, придающая сооружению монументальных конструкций гибкость, не свойственную ни кирпичной, ни пахсовой кладке. Этот прием известен и в соседних районах Средней Сырдарьи. Мы отмечаем его, в частности, для склепов VII в. в Чаге близ Туркестана (318, с. 97—100). Затем ее сменяет монолитная пахсовая кладка с контрфорсами, укрепляющими более ранние конструкции.

В цитадели Канки над оборонительными галереями возводится монументальная стена с выступающими помещениями-ловушками. Перестраивается входной пандус. Внутри в ее ядре раскрыт двухэтажный комплекс с обводным коридором. В верхнем этаже прямоугольный зал. Под ним — квадратное помещение площадью 25 м² с суфами вдоль стен, одна из которых парадная, с выступающей эстрадой; в центре — алтарь. Это возвышение подково-

образной — формы, тщательно оштукатуренное. В центре его — очаг с лункой, окруженной валикообразной оградой. В полу около одной из суф — ямка, заполненная косточками домашней птицы и мелких животных. Помещение на первом этапе имело плоское перекрытие, на втором — усеченно-шатровое с вспарушенным подкосом в четырех вертикальных плоскостях деревянного каркаса. Аналогии этому архитектурному приему мы встречаем в зданиях Пянджикента начала VIII в. н. э. (11, с. 55—56). На южной окраине города вскрыта часть здания VII — начала VIII вв. н. э. также с купольным помещением, но выложенным из сырцового кирпича. Барабан купола строится на парусах в виде системы нишек. Стены помещения украшены росписью, погибшей от пожара. Оформляется и плотно застраивается улица, ведущая к центру города. Появляется монументальная постройка, которую можно трактовать как караван-сарай. За пределами крепостной стены вырастает квартал керамистов, характеризующий формирование ремесленного предместья.

В бассейне Ахангарана также происходят изменения: сокращается территория Кульата, которую окружает цитадель и шахристан на площади в 15 га, вместе с тем она плотно обживается. Цитадель обносится монументальной стеной толщиной более 6 м, сложенной из разнокалиберных пахсовых блоков, которые прослоены крупноформатным кирпичом.

В среднем и верхнем течении реки появляются новые города. Так, в среднем течении на просторной холмистой равнине вырастает Тункет — столица Илака. Цитадель и шахристан его общей площадью 17,5 га обносятся крепостными валами из крупных пахсовых блоков на цоколе с умелым использованием рельефа, обусловившего неправильную конфигурацию стен. Особенностью Тункета являются гипертрофированные размеры его цитадели, занимающей около 30% общей площади города, и расположение ее как самостоятельной территориальной единицы, имеющей лишь одну общую с шахристаном восточную стену. Возможно, она функционировала как цитадель и замок «дихкана Илака», который, по сведениям более поздних авторов, даже с потерей политической власти обладал большой экономической силой. В центре цитадели раскрыты остатки монументального сооружения с украшениями из резного дерева, разрушенного в VIII — начале IX вв. н. э.

В шахристане Тункета размещаются мастерские по плавке и переработке руд. Располагаясь ближе чем Кульата к крупнейшим рудникам серебра и золота, Тункет растет более быстрыми темпами и приобретает значение более важного экономического и политического центра.

На правом берегу в верхнем течении реки оформляется еще один городок площадью в 12 га — Намудлыг. Ядро его — цитадель подпрямоугольной формы площадью 1,5 га, построенная в юго-восточной части города между Ахангараном и его притоком.

Два другие фаса защищаются рвом. Укрепления цитадели возведены на искусственном пахсовом стилобате. Ранняя стена сооружена из кирпича в комбинации с пахсой. На новом этапе была пристроена вторая стена и образован внутрисканский обводной коридор, а снаружи приставлена берма. В систему обороны цитадели включен замок.

Около цитадели формируются жилые и ремесленные кварталы, преимущественно связанные с плавкой и обработкой руды, в частности Севильтепа. Укрепления городского типа появляются и на берегу реки в ее нижнем течении, и на пути из Канки в горнометаллургические центры и столицу Илака. Это городище Ошхонатепа и Тепа на нынешней территории совхоза им. Мичурина. Характерная черта обоих пунктов — наличие цитадели относительно крупных размеров, входящей в оборонительный фас шахристана. Ошхонатепа более правильной подпрямоугольной формы с системой рвов вокруг городской стены. Планировка второго пункта более аморфна, хотя также близка к квадратной.

На участке междуречья Чирчика и Ахангарана в географическом центре оазиса, вероятно, у южного русла Чирчика, вырастает новый центр — Улькантойтепа площадью в 20 га. Цитадель площадью 1 га включается в оборонительную систему северного фаса города. В шахристане собраны материалы VI—VIII вв. н. э. За пределами города зафиксированы оссуарные кладбища.

Важно отметить рост городов в адырной зоне междуречья, в восточной части оазиса, где, кроме Кавардана, остающегося вторым по размеру городом Чача, к югу от него вырастает локальная группа крепостей, ведущую роль среди которых играет укрепление Ишкурган в Паркенте.

Однако наибольшее число городских пунктов складывается в этот период в правобережье Чирчика. От устья, где вырастает город Чиназтепа, вытягивается цепочка крепостей. Городской характер носят пункты Каунчитепа, Югонттепа, отождествленный с Данфеганкетом, этимология которого связывает с доарабскими культами (455, с. 7), Майтепа в Зангиата.

Самый крупный узел раннефеодальной городской культуры складывается в среднем течении Чирчика в пределах современного Ташкента на базе вод протоков Салара и Джуна, реконструированных в каналы. Здесь на сравнительно ограниченной территории вокруг разрастающегося в этот период Мингурюка формируется пять городков: Ногайкурган, на западе, Ханабадтепа — на юге, Тугайтепа — на востоке, Аката — на северо-востоке и Кулаклиттепа — на северо-западе. Центральное положение среди них занимает городище Мингурюк между каналами Салар и Чаули. Шахристан его площадью не менее 35 га окружен стеной из крупноформатного сырцового кирпича. Подпрямоугольная в плане цитадель, включавшаяся в систему обороны его южного фаса, занимает половину древнейшего укрепления. В ней четко выделяется два этапа функционирования. На первом ее

крепостные стены, выложенные на пахсовой платформе, прослоенной кирпичом, оформляются башнями прямоугольной и ступенчатой формы. Внутри стен проходит обводной коридор. Ни в стенах, ни в башнях не выявлено бойниц. Вероятно, оборона строилась по парапету над обводным коридором. Укрепления несут следы сильного разрушения, в них пробиты крупные бреши. Однако сразу же вслед за этим проводится ремонт всей крепостной системы: стена снаружи обкладывается сырцовым кирпичом.

В цитадели вскрыт дворцовый комплекс с жилыми, хозяйственными, парадными и культовыми помещениями (209, с. 18—29). Его основные стены возведены комбинированной кладкой из сырцового кирпича и пахсы. Перестройка целиком кирпичная. Парадные залы и подводящий коридор украшены монументальной живописью. В северной части дворца расположен культовый комплекс, состоявший из двух помещений. Центральное в плане помещение аналогично святилищу Канки, но более крупных размеров. Квадратный зал размером 7×7 м окружен вдоль стен суфами, одна из которых — с выступающей эстрадой. Сохранились деревянные основания четырех колонн, поддерживающих плоское перекрытие. В центре — подковообразный в плане алтарь с очагом. Стены помещения украшены полихромной росписью. К этому залу примыкает маленькая комнатка более интимного назначения (232, с. 170—171).

Дворцовый комплекс Мингурюка пока является единственным парадным сооружением VI—VIII вв., известным в Чаче и Илаке. Значительно масштабнее и параднее, чем на Канке, его культовое помещение.

Исходя из масштаба города, его быстрого роста в этот период, характера застроек и топографического положения среди городских пунктов, с которыми он связан караванными путями (расстояния между их пунктами нам известны из более поздних источников), мы локализовали здесь столицу Чача VII—VIII вв. н. э., известную в источниках как «мадина Чача». Аргументацию можно дополнить согласующимися с письменными данными археологическими наблюдениями. Частичное разрушение стен цитадели в VII в. с последующей монументальной перестройкой оборонительных сооружений и возведением дворцового комплекса мы связываем с восстанием 605 г. против кагана Шегуйхана, завершившимся переходом власти в руки тюркских тудунов, а разрушение города в VIII в. с его последующим длительным запустением (отдельные участки — до середины X в., а основная территория — до начала XI в.) — с борьбой против арабского и китайского нашествия, в процессе которой, как известно, столица была разрушена и разграблена в 750 г. н. э. Это отождествление вызвало возражение О. Г. Большакова и В. А. Булатовой.

О. Г. Большаков, допуская возможность локализации «мадины Чача» в пределах Ташкента, считает возможным поместить

ее на городище старого Ташкента, отождествляемого с Бинкетом IX—X вв. н. э. (73, с. 195). Однако материалы более чем 200 шурфов на этой территории не дали слоев городской культуры мингурюкского комплекса. Автор пытается объяснить это активной последующей деятельностью человека, якобы стершей древние слои. Однако в пределах города сохранились даже замки VI—VII вв., а отсутствие характерной для поры раннего феодализма городской системы, связанной с возведением стилобатов, мощных укреплений, подтверждается тем, что материалы IX—X вв. лежат всюду на материке (209, с. 53—85).

Сравнительный анализ площадей Бинкета и Мингурюка с данными письменных источников также базируется на неточных подсчетах. Площадь Бинкета без рабадов — 20 га, Мингурюка — 35. В. А. Булатовой взят под сомнение сам тезис о возможности размещения «мадины Чача» на территории Ташкента на том основании, что последний, якобы, находится не в центре владения, а на границе Чача и удален от всех ключевых городов и мест древнейшего освоения в бассейне Чирчика. Автор допускает, что столица могла переместиться «после экономической разрухи, возможно, последовавшей за арабским завоеванием» и размещает ее без привязки к определенному пункту где-то «в среднем течении Чирчика» (210, с. 117). Такая неопределенная локализация, допускаемая в начале нашего столетия до проведения широких археологических исследований, сегодня не может быть признана удовлетворительной. Хронологически передвижение «мадины Чача» после арабского завоевания неприемлемо, так как она упоминается уже в период борьбы с арабами. Автор, на наш взгляд, противоречит себе и в попытках логического обоснования локализации столицы в центре ключевых связей. Географически Ташкент как раз расположен в центре Чирчика. Экономически мы видим в этот период сосредоточение в правобережье реки 40% общего количества городов региона, в том числе на месте Ташкента около 20%. Отсюда ведут пути в районы, где именно в этот период создается большая группа укрепленных поселений, ряд которых позднее перерастает в города. Отсюда прослежены пути на север в сторону Исфиджаба и Отраара, район которого, как это видно из сообщения согдийского посла в начале VIII в., и перешел под непосредственное управление чачского тудуна. Совпадают и расстояния на пути в горные районы Чача (143, с. 72—84). Все эти линии разрываются, если передвинуть столицу вниз по течению Чирчика. Локализация в Ташкенте «мадины Чача» подтверждается и средневековыми историками Махмудом Кашгарским и Абу Райханом Беруни, считавшим Чач (Камень) и Ташканд (Каменный город) синонимами (92, с. 271). Особенности расположения столицы на месте Ташкента, где предусматривается близость степей, т. е. возможность союза с кочевниками и удобство водных систем, подтверждена работами Ташкентского отряда (200, с. 77). Все эти данные с учетом расширения гра-

ниц Чача на север в степные районы и интенсивного освоения верховьев Чирчика позволяют считать положение его мадины на месте Ташкента закономерным результатом освоения новых территорий и закрепления союза оседлых и степных районов.

Из окружающих «мацию Чача» городков наиболее полно изучен Ханабад, мало уступающий Мингуюку по площади. Его квадратный ориентированный углами по странам света шахристан с прямоугольной цитаделью в восточном углу производит впечатление города, построенного по единому архитектурному замыслу. Цитадель, архитектура которой представлена узкими помещениями-казематами, обнесенными крепостными стенами с башнями и стрелковыми галереями и большим открытым двором в центре, имеет прямое военно-оборонительное назначение и является специальной постройкой (210, с. 29). Характерно, что городская оборонительная система пострадала от разрушений и прекратила функционирование после мощного пожара не позднее середины VIII в. н. э., т. е. одновременно с городищем Мингуюк.

На примере изученных городов мы видим, что преобладающая группа их представлена небольшими по размерам, но сильно укрепленными пунктами. Основными элементами их являются укрепленное ядро — цитадель и собственно город-шахристан, однако за пределами некоторых уже начинает оформляться неукрепленный пригород с ремесленными мастерскими, жилой застройкой, культовыми сооружениями.

Размеры их невелики, что характерно для городов Средней Азии: площадь раннефеодальной Бухары составляла 35 га, Самарканда — 65, Пянджикента — 13—14 га. Причем такие города, как Пянджикент и ему подобные В. Л. Воронина относит к наиболее характерным типам расселения VII—VIII вв. н. э. (167, с. 6—7). Эти данные о размере близки к цифрам, сообщаемым письменными источниками.

Планировка цитаделей зависит от их роли в городском организме. В большинстве раннефеодальных городов цитадели сочетают и оборонительные, и жилые, и административные функции с резиденцией правителя, представляющей собой дворцовый комплекс с парадными залами, украшенными монументальной живописью, культовыми и хозяйственными помещениями. Наряду с описанным типом возводятся цитадели со специализированным характером оборонительных функций.

Появление таких укреплений заставляет вспомнить сообщения источников о городах типа «военного лагеря Чача».

Структура шахристанов выяснена недостаточно, но даже незначительные материалы позволяют считать их не только оборонительными, но в первую очередь ремесленными центрами. Наряду с жилыми постройками в них раскрыты ремесленно-производственные комплексы, в некоторых — крупные металлургические,

металлообрабатывающие и гончарные мастерские с отвалами производства.

Городская застройка была довольно плотной; прослеживаются следы уличной планировки, площади базаров, водоснабжение обеспечивается системой открытых и закрытых каналов, водопроводов и водосборных хранилищ-хаузов. Ремесленные мастерские располагаются и в городе, и за его пределами. Уровень развития ремесленного предместья и характер застройки в Чаче не изучен — пока мы можем лишь констатировать его наличие.

Значительная часть городов тесно связана с сельской округой, развитие которой обусловлено широким освоением новых земель в адырной и предгорной зонах и формированием системы поливного земледелия. В оазисе известно 255 поселений с материалами раннефеодального периода, из которых лишь одна треть продолжает жить на старом месте, а остальные появляются преимущественно в новых районах либо связаны с расширением площадей в ранее обжитых. Раннефеодальные поселения поднимаются по долинам рек вплоть до предгорий (верховье Пскема, саи в районе междуречья), занимают площади, удобные для садоводства и богарного земледелия. Но основная их масса развивается вдоль каналов, на крупных и мелких террасах.

Росту поливного земледелия периода раннего феодализма способствует сооружение новых и восстановление старых ирригационных систем. Так, только в долине Чирчика зафиксировано более 30 крупных каналов, явившихся основой разветвленной сети. Наряду с крупными системами Ханарык и Зах, Кейкаус и Салар в искусственные сооружения перестраиваются древние естественные русла, Карасу и Куркульдук, в низовьях — периферийные протоки Чирчика и Ахангарана. Совершенствование системы выражается в изменении профилей каналов, сужении и углублении их русел для увеличения подачи воды. Создание разветвленной сети позволяет подключить новые ранее неосвоенные земли. Каналы обеспечиваются специальными водозаборными сооружениями, в головах которых вырастают замки и охранные укрепления. Ярким примером может служить защищенная специальными укреплениями система вдоль Куркульдука и Захарыка.

Можно выделить два основных типа сельской планировки: замок или цитадель правителя, отдельно стоящие либо окруженные укрепленным двором или поселением, и замок или укрепление, вокруг которого располагается неукрепленное поселение. В основном преобладает первый тип в виде многочисленных тепа с возвышенной платформой, в центре которой поднимается всхолмление замка. Их размеры 0,2—4 га. Обычно поселения тяготеют к долинам рек либо каналам. Крупные укрепления стоят в головах каналов. Наиболее изученным является Актепа Юнусабадское в Ташкенте (163; 389, с. 128—135; 491).

Чангтепа относится к типу неукрепленного поселения с замком. Его ядро вырастает на руинах поселения предшествующего

времени, использованного в качестве платформы-стилобата. Поселение же, значительно сократившееся, располагается у его подножья (148, с. 103—113). И строительные материалы, и технические приемы, и архитектурные формы сельских укреплений аналогичны цитаделям городов и отличаются лишь более скромными размерами.

Хозяйство жителей раннефеодального Чача может быть охарактеризовано как многоотраслевое. Основным занятием оседлого населения было земледелие и садоводство. На поселениях и городищах VII—VIII вв. найдены образцы зерновых культур и семена садово-бахчевых. Источники также сообщают, что в Чаче выращивали пшеницу, просо, горох, виноград и садовые культуры (94, II, с. 272).

Степные и предгорные районы служили прекрасными пастбищами для лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Скотоводство функционировало в различных хозяйственных системах, среди которых наиболее распространенным было отгонное.

Растущая потребность в орудиях труда для сельского хозяйства, широкие контакты со степными племенами способствуют росту ремесленного производства городов, направленность которого зачастую определяется потребностями земледельческого и скотоводческого хозяйства, а также обработкой поступающего из степи сырья.

Как и для предшествующего периода, наиболее массовым видом ремесла являлось гончарство. Изучение мингурюкского комплекса показывает, что со второй половины VI в. и особенно в VII—VIII вв. техника керамического производства и типы продукции, как и весь облик материальной культуры Чача, постепенно меняются, с одной стороны, в результате тюркского влияния, а с другой — влияния согдийской культуры. Конструкции печей находят аналогии в синхронных материалах мастерских восточных районов Афрасиаба (50, I, с. 143).

Большое место занимала обработка животноводческого сырья. Обработанные кожи шли на изготовление седел и конской сбруи, ножей и щитов, переплетов книг и т. д. (176, с. 254—258). В ткачестве широкое распространение получила шерсть.

Характер ремесла и виды продукции раскрывают основные важнейшие направления торговых связей раннефеодального Чача и Илака. Развитие городов на южном караванном пути (131, с. 45), оформляющемся в этот период, создание на Сырдарье близ Бенакета дополнительных охраняемых пунктов переправы свидетельствуют о том, что в этот период он остается основным транзитным караванным путем, проходившим через наиболее обжитые районы оазиса.

В этот же период на северной границе оазиса вдоль правобережья Чирчика формируется ряд городов вместе с новой столицей, оформляется торговая ветвь с переправой тюрок через Сырдарью и городом-крепостью Чинанчкетом, складывается ре-

гулярный обмен между столицей Чача и Илака и на двухдневном пути между ними в центре оазиса разрастается новый пункт Наукет. В этот период складывается линия связи от Канки непосредственно к рудным районам Южного Чаткала и Карамазара вдоль «реки Илака».

Перечисленные торговые пути нельзя рассматривать только как внутренние — они являлись частью караванных путей сложившейся в пору раннего феодализма среднеазиатской конфедерации владений. Чач оказывал большое влияние на развитие материальной культуры соседних областей Южного Казахстана и Семиречья, складывавшейся в период интеграции по согдийским эталонам под влиянием не столько Согда, сколько Чача. Ремесленно-экономический потенциал, в первую очередь развитая металлургическая база Чача, способствовал росту ремесла этих владений. Возможно поступление серебра и золота и в западные владения, в частности в Согд, тесные торговые связи с которым запечатлены в довольно крупной серии чачских монет при раскопках Пянджикента (452, с. 130—134) и согдийских — в городах Чача.

Главенствующее положение Чача, как пункта, через который проходили караванные пути, способствует проникновению на Восток и чачских купцов (297, с. 154; 601, с. 8—10). Среди экспорта Чача упоминается золото, ковры, пушнина, цветные соли и т. д., доспехи из лошадиной кожи, виноградное вино (94, II, с. 278, 282; 601, с. 64, 107, 144, 312, 320, 330). Чач называется как крупнейший поставщик голубых самоцветов. Э. Шефер со ссылкой на Б. Лауфера пытается доказать, что это бадахшанский ляпис-лазурь (586, с. 25, 45; 601, с. 333). Мы считаем, что речь идет о знаменитой илакской бирюзе, упоминавшейся в XI в. Беруни. Добыча ее велась на руднике Унгурликан, отождествленном нами с рудником илакской бирюзы (140, с. 43—45) и располагавшемся в горах Карамазар к юго-востоку от Ташкента. Значительный интерес для характеристики экономики и торговли Чача представляет нумизматический материал. В результате раскопок последних лет на Канке, Кендыктепа, Ханабаде получен большой комплекс монет в виде отдельных находок и кладов, позволяющий более полно охарактеризовать денежную систему раннефеодального Чача. По сравнению с предшествующим периодом в монетной эмиссии можно отметить следующие изменения. Монета теряет свое единообразие. На лицевой стороне меняется портретная иконография, как технически (изображения более плоскостные, контурные, иногда точечные), так и по составу. На монетах одной группы — сдвоенный портрет правителя и правительницы в трехчетвертном повороте (в чем некоторые исследователи видят влияние западных связей, в частности с Византией) или портрет правителя в легком повороте либо анфас. На оборотной стороне различные тамги, в составе которых можно

отметить некоторые элементы древнечачской тамги: либо ее несомкнутый овал, либо «усы», ножка с завитками и т. д.

На монетах второй группы на лицевой стороне изображен портрет анфас или в легком повороте либо львоподобный хищник в повороте вправо или влево с поднятой передней лапой, разинутой пастью и загнутым вверх хвостом. На оборотной стороне трезубец в различных вариантах и легенда.

Важные данные при расшифровке легенд получены В. А. Лившицем и Э. В. Ртвеладзе (505, с. 181—186). На монетах первой группы кроме имен прочитаны топонимы ряда городов Чача. Это чекан Кабарна, в монетах которого читаются имена не менее трех правителей, чекан, вероятно, Фарнкета с именами на разных монетах двух правителей и, возможно, Чанака. Четвертый топоним сохранился частично. Мы полагаем, что это чекан отдельных уделов Чача, управляемых старой родовой знатью, в какой-то мере связанной или пытающейся продемонстрировать связи с правящей верхушкой древнего Чача, что подчеркивается использованием элементов древней тамги.

Надпись на монетах второй группы читается как «чачанак хвабу», правитель Чача. Тамга — трезубец сближается с тамгами монет тюркского круга (459, с. 272). Любопытно наблюдение М. Д. Полубояриновой, считающей зубчатые тамги присущими для тюркских родов (412). Возможно, распространение этой монеты следует связывать с установлением центральной власти тюркских правителей Чача с 605 г. н. э. В связи с чтением О. И. Смирновой на одной из монет с изображением хищника топонима Тарбенд как места чекана Р. З. Бурнашевой был выделен отарский чекан, отнесенный к группе монет с засырдарьинскими тамгами (118, с. 60). Однако последующий анализ надписи показал, что данное слово обозначает либо имя, либо эпитет, но никак не место чекана. Об этом пишет в своей последней работе и О. И. Смирнова (457, с. 51). В. А. Лившиц и Э. В. Ртвеладзе читают эту надпись, как имя Тарнавч (505, с. 186—187), а на одной из монет Канки Э. В. Ртвеладзе прочитал вместе с этим именем и титул правителя Чача.

Распространение медной монеты свидетельствует о широком внедрении денежного обращения в раннефеодальную экономику региона, а находки чачских монет в Согде, Фергане, северных степных районах — о тесных межрегиональных связях владений Средней Азии.

Во внешней торговле наряду со значительной ролью Чача отмечается оживление в VI—VIII вв. западных связей. Это подтверждается находкой в Илаке византийского медальона (350, с. 29—38).

Развитие экономики и расширение торговых связей способствуют развитию культуры, причем в составе Тюркского каганата четко выявляется интеграция ее для ряда среднеазиатских владений под влиянием формирующегося общего культурного ком-

понента. Отмечая большую роль согдийского влияния, некоторые исследователи связывают это с переселением согдийцев и созданием колоний (87, с. 119—121). Однако мы считаем более объективной точку зрения о сложении характерных для ряда регионов — Согда, Чача, Семиречья, Ферганы культурных эталонов близких элементов в строительстве и архитектурном декоре, терракоте и монетных типах, отдельных элементов керамических комплексов. Действительно, в сложении этого эталона большую роль сыграл Согд (334, с. 5—6), однако немаловажно и участие в тюркско-согдийском синтезе и восточных районов (58, с. 7—10; 323, с. 182—185). Специальная работа по выявлению чачского компонента в этой культуре не проводилась, но уже сейчас в качестве конкретного примера можно назвать стандарт прямоугольного кирпича, ряд архитектурных приемов (купол на парусах из вписанных арок, ползучий свод, пахсово-кирпичный футляр) и форм керамики. К числу элементов интеграции культуры следует отнести открытие монументальных стенных росписей в дворцовом зале Мингурюка (209) и монументальном комплексе Канки, хотя плохая сохранность их в первом случае и начальный этап вскрытия во втором пока не дают возможности детально охарактеризовать этот вид искусства Чача.

Новые материалы позволяют более подробно остановиться на антропоморфных мотивах в коропластике региона. По технике исполнения чачской терракоты можно выделить две группы: объемную скульптуру и плоские изображения, моделированные в формах плакетки (508, с. 48—52).

Особо следует остановиться на плакетке с изображением всадника с копьем. Образ конного божества в торжественной позе с поднятой вверх правой рукой или с каким-либо предметом в руке характерен для памятников обширных территорий от Индии до южнорусских степей (438, с. 141—146). Отдельные детали — трехрогая корона, лицо со впалыми щеками и бородкой-клинышком встречены на востоке Мавераннахра, включая район Киргизии (83, с. 61—63). Однако эта статуэтка отличается необычной передачей ног всадника — они вывернуты. Аналогии этому мы находим лишь в гуптском искусстве Индии IV—V вв. н. э., в частности, в изображении божества победы Картикеи или Сканды. Он также изображен сидящим, иногда с копьем, ноги в типичной для нашей статуэтки позе, хотя показан он не на коне, а на павлине либо гаруде (608, с. 301—302).

Возможно, это сходство не случайно. Мы отмечали божество победы в зооморфной ипостаси. Индийское влияние можно связать с передвижениями эфталитов, проникавших на юг на территорию Индии, но затем вытесненных оттуда.

Для периода становления феодализма в Чаче и Илаке мы можем говорить о сосуществовании религиозных воззрений и образцов, вызванном, несомненно, бытованием различных этнических групп. Это подтверждается зарегистрированной источниками и

археологическими исследованиями разнородностью культовых объектов, религиозных церемоний и погребальных обрядов. В то же время в VII—VIII вв. отмечается определенная интеграция религиозных воззрений, сближающая Чач и Илак с другими регионами Средней Азии. В первую очередь она прослеживается в планировке культовых помещений. В шахристане-1 Канки еще в слоях IV—V вв. н. э. была вскрыта выложенная сырцовым кирпичом площадка, в центре которой выявлено углубление со следами длительно горевшего огня с чистой золой без бытовых находок, но со скоплениями гальки. Вокруг были углубления диаметром около 4 м от столбов навеса шатрового перекрытия.

Следующий этап — вскрытые в цитадели Канки и во дворцовом комплексе цитадели Мингурюка квадратные залы с шатровым либо плоским перекрытием на четырех колоннах. По периметру залы обведены суфами с выделением парадной — возвышением-эстрадой. В центре подковообразный алтарь с прокаленным от долгого употребления очагом. На Канке он сочетается с терракотовой курильницей, стоящей на суфе. Алтарное сооружение защищено от коридора тамбуром, прикрывающим парадную суфу.

Интересную аналогию им мы встречаем в дворцовом комплексе Варахши, где алтарь подобной формы вскрыт в Красном зале в сочетании с прямоугольным возвышением. Стены украшены монументальной живописью. В. А. Шишкин предполагает, что он был либо тронным залом, либо культовым. В обоих случаях подковообразное возвышение служило местом хранения огня в жертвеннике или курильнице, а прямоугольное — предназначалось для каких-то ритуальных предметов (537, с. 56—58). Зал прямоуголен, однако исследователь отмечает, что различные участки стен возведены в разное время, поэтому планировка его не может считаться характерной. Квадратный же тип характерен для парадной и культовой архитектуры поры раннего средневековья Усрушаны (379, с. 13; 380, с. 76). В Уртакургане отмечено квадратное помещение с купольным перекрытием, в котором вдоль стен располагались суфы, а на полу у середины основной восточной суфы — небольшое сырцовое сооружение, выполнявшее функции алтаря (381, с. 13). Можно считать, что подобные комплексы были наиболее распространены в Согде (35, с. 11—12) и Пянджикенте (69, 70, 71).

В составе дворца согдийского периода селения Гардони Хисар вскрыт квадратный зал с подковообразным алтарем в центре и суфами вдоль всех стен. На одной из суф обнаружены остатки сгоревшего ворсового ковра. Сохранились базы четырех колонн и прекрасное резное дерево плоского перекрытия (544, с. 364; 545, с. 47). В. Л. Воронина отмечает, что четырехстолпный зал 10 в Гардони Хисаре в отличие от пянджикентского комплекса при входе имеет тамбур, а в центре полукруглый очаг и площадку, что говорит о его светском характере, а также молельню с при-

стенным алтарем и святилище без алтаря, но довольно изолированное (169, с. 41).

Квадратный зал с четырьмя колоннами Г. А. Кошеленко считает воспроизведением типичного иранского храма огня, известного еще во времена Ахеменидов, но широко распространявшегося позже вплоть до Сасанидов и оказавшего сильное влияние на последующую архитектуру (279, с. 22—23). В этой связи следует отметить точку зрения Р. М. Гиршмана о храмах огня сасанидского Ирана. Он выводит их из древних алтарей огня, функционирующих под открытым небом (570), и парфянских четырехколонных залов, приведя в качестве примера последнего храм, открытый Э. Херцфельдом близ Персеполя (581, с. 36). Слияние этих элементов — площадки с алтарем и четырехколонного зала привело, по Р. М. Гиршману, к формированию храмов огня (179, с. 38—40). В этом плане в Чаче характерным является зал Мингурюка. Д. Г. Зильпер предполагает ввиду наличия здесь стенных росписей более светский характер зала — использование его для приема пиршеств, праздничных собраний (232, с. 161—172). Однако мы знаем, что и храмы Пянджикента, и домашние святилища пянджикентского купечества также украшены росписями. Поэтому залы с алтарями Мингурюка и Варахши могут представлять собой культовые узлы в составе дворцовых комплексов. В связи с этим нельзя не вспомнить сообщения Беруни о Зороастре, который «возвеличил культ огня, считая его близким к богу, так как огонь из его света и принадлежит к величайшей и превосходнейшей из стихий». Источники сообщают и о других обрядах. Так, в специальном храме столицы Чача два раза в год на возвышении выставляли «золотую урну» с прахом покойных родителей владельца. Вокруг нее совершались массовые шествия с рассыпанием цветов и плодов, которые завершались ритуальным пиршеством (94, II, с. 272). М. И. Филанович к таким храмам относит Актепа Чиланзарское на юго-западной окраине Ташкента (209, с. 115—116). Однако были храмы, рассчитанные на массовые шествия внутри его, в частности, из источников известно, что такой главный храм размещался к юго-востоку от резиденции правителя.

Для данного периода характерно сочетание нескольких видов захоронений. В V—VI вв. были распространены грунтовые погребения с курганными насыпями, каменные и сырцовые склепы (27; 128, с. 131—137), которые обычно связываются с обрядами эфталитов: «умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах» (94, II, с. 269). Б. А. Литвинский связывает с этим обрядом курумы Северной Ферганы, относя их к эфталитской группе «красных хионов» и сближает их с населением Чача (308, с. 55—58).

По наблюдениям Т. Р. Агзамходжаева эти обряды в отдельных районах соблюдаются вплоть до арабского нашествия (25, с. 79). Для южных и северных степных районов характерны пог-

ребения в склепах из нахсы и сырца с лёссовой засыпкой в виде курганов и в наусах (34, с. 543—544; 88, с. 90; 318, с. 95—118; 392, с. 108—120). В равнинной части Чач-Илака активно входит оссуарный обряд, на окраинах городов и поселений вырастают некрополи в виде кладбищ и наземных склепов. В наусе близ Пскента встречены и захоронения и оссуарии, что свидетельствует о переходе к новому обряду (128, с. 131—137).

В предарабское время этот обряд проникает в район Гиджигена и адырную зону вплоть до Фарнкета. Оссуарии имеют в основном овальную форму с древовидным орнаментом стенок. Крышки оформляются скульптурными навершиями в виде мужской головы (Гиджиген), протом козлов и баранов (Пскент), фигурки птицы (Тойтепа, Югонтена). Интересно украшение стенки оссуария из Чанги сценой с женскими фигурами в тонких облегающих одеждах с развевающимися лентами. В руках — чашевидные курильницы. Фигуры сближаются с женским изображением на бронзовой пластинке из Тойтепа, связываемой со жрицами храмов Согда и Чача (344, с. 53).

Согласно письменным источникам, кроме указанных погребальных обрядов, было распространено трупосожжение — обряд, тесно связанный с тюркскими верованиями.

Подводя итоги раннефеодальному этапу истории городской культуры Чача, следует подчеркнуть, что количественный рост городов, их топографическое распределение вызваны факторами экономического и социально-политического развития. Дробление владения на Чач и Илак и перенос центра тяжести и экономической и политической жизни из бассейна Сырдарьи в долину его притоков, предгорные и степные районы приводят к переносу столицы Чача в район Ташкента и образованию столицы Илака, выполняющей административные функции в южных районах оазиса. Однако в основном урбанизация идет за счет образования мелких городских пунктов.

В сельском хозяйстве расширяются посевные площади и ирригационная база земледелия, зернотерка заменяется жерновами. В ремесленном производстве интенсивно развиваются горнорудные промыслы. Причем, если раньше разрабатывались преимущественно поверхностные рудные тела, то теперь начинается глубокая добыча с формированием рудных узлов, стационарных металлургических пунктов. В гончарстве преобладает посуда, сформованная на гончарном круге, что способствует росту профессионального производства, стандартизации форм и удешевлению продукции.

В составе Тюркского каганата в оазис вливается и начинает оседать новая этническая группа, в значительной мере повлиявшая на развитие культуры, в то же время усиливаются связи с соседними древнеземледельческими районами.

Происходит интеграция культуры, в которой культурные достижения крупных центров, в первую очередь Согда, воспринимают-

ся и развиваются в других районах. Следует отметить, что ряд форм эталонной культуры вырастает генетически из материальной культуры восточных районов Средней Азии, в частности Чача.

Глава VI. ЧАЧ-ИЛАК В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В политической истории Чач-Илака конца VIII — начала XIII вв. можно выделить пять этапов. Первый характеризуется продолжением борьбы населения региона против завоевателей, которая принимает иное содержание, слившись с борьбой антифеодальной. Народ активно участвует в движении Мукадды (776—783), мятеже 806—810 гг. под руководством Рафи ибн Лейса, широко опиравшегося на чачские отряды и тюрок. В то же время феодалы все чаще выступают на стороне халифата. Сраживание феодальной верхушки выражается в том, что в подавлении восстания Рафи ибн Лейса местная знать, по сведениям источников, принимала уже более активное участие, чем центральное правительство (61, с. 266—267; 548, с. 106). Следствием этого было возвышение местной феодальной знати саманидского рода, представители которого в 204 г. х. (819—820) назначаются хорасанским наместником Гассаном ибн Аббадом (819—820) правителями в различные области Мавераннахра (382). На первом этапе Саманиды являлись наместниками хорасанских правителей Тахиридов, выпуская лишь медную монету, сначала от имени старшего брата Нуха, затем самостоятельно (195, с. 38—39, 210, с. 30—31; 211, с. 113—138; 548, с. 110).

Как свидетельствуют источники и нумизматические материалы, Чач в отличие от остальных областей Мавераннахра находился под более централизованным контролем Тахиридов. Вероятно, это было вызвано особыми причинами как политического, так и экономического характера. Чач был пограничной зоной с самыми серьезными противниками на востоке — тюркскими кочевыми народами. «Мавераннахр — пограничная крепость, до которой доходят отряды врага», — писал в середине X в. Истахри (557, III, с. 291). А Чач, находясь на острие границы, был для халифата взрывоопасным районом из-за его тесной связи с кочевыми народами. Характерно сообщение источника о том, что, когда в период восстания Рафи ибн Лейса жителям Несефа понадобилась помощь, Рафи послал туда «владельца Чача с его тюрками» (557, III, с. 712).

Против тюрок сооружались стены и многочисленные крепости — рабаты. Одна из таких стен была возведена в северной части Чача — «от гор Сайлыка до Чачской реки». Ее постройка приписывалась Абдаллаху (91, с. 23), по мнению В. В. Бартольда, Абдаллаху бин Хумейду бин Кахтабу, управлявшему Хорасаном в 776 г. н. э. (61, с. 229). Остатками стены считался Кампырдувал, прослеженный Е. Т. Смирновым от протока Бозсу до с. Яллама (448, с. 132—133). Г. В. Григорьев отмечает здесь

две стены, отделяющие локальные участки в правобережье Чирчика. Однако они находятся внутри оазиса и, на наш взгляд, никак не могли выступать в роли защитных. Перед ними нет рвов, упоминаемых источниками. Вызывают сомнение и валы, отмеченные Х. Мухаммедовым, который разделил по ним владение на несколько частей (374, с. 51—66). Проведенный нами в 1978 г. разрез Кампырдувала в районе Янгюля показал, что описанные «валы» — это естественные холмы. Подобные адырные холмы «колгансыры», ошибочно принятые за валы (374, с. 69—70), спускаются с гор к реке и в долину Ахангарана.

Мы полагаем, что стена, защищая все основные оседлые пункты, должна проходить значительно севернее и, быть может, даже вынесена за пределы этих пунктов. Остатки крепостного вала такого типа прослежены нами близ с. Ани Муратбай в Южном Казахстане. Севернее него параллельно проходит одно из русел Келеса, которое и могло служить рвом перед валом, так как рыть его на протяжении более 100 км нерационально ни с фортификационной, ни с экономической точки зрения. Отметим, что при описании Северного Чача Истахри к зоне городков относят обжитую территорию «между рекой Парак и оборонительной стеной Шаша, которая находится за Келесом» (557, III, с. 344). В районе Келеса зафиксирована цепочка укреплений, начиная с первых веков н. э. (46, с. 347—348), назначение которых трактуется по-разному. Согласно письменным источникам, — это валы для защиты от кочевников. Кроме того, им приписывается также определенная роль в препятствии столкновений между феодалами и объединенной народными массами в борьбе против верхушки. Характерно, что в это время возводятся стены против кочевых тюрок и на севере Хорасана.

Вторая причина централизации управления Чачем заключается в том, что он привлекал и хорасанских наместников и центральную власть своим значительным экономическим потенциалом, в первую очередь, крупными действующими в это время серебряными рудниками. Известно, что в то время как Фергана платила налог в казну в размере 280 тыс. дирхемов мухаммади, а Усрушана — 50 тыс., из них 48 тыс. — мухаммади и 2 тыс. мусейяби, Чач вносил 607 тыс. дирхемов мусейяби, причем более двух третей с налога шло с его серебряных рудников.

На рудниках Чача находился специальный монетный двор. В отличие от других областей Мавераннахра Тахириды чеканили в Чаче от своего имени не только дирхемы и изредка динары, но и фельсы, что в других областях было правом лишь саманидских наместников. Возможно, военной защитной экономической ролью региона объясняются некоторые меры центрального правительства по восстановлению в Чаче за свой счет ирригационных сооружений. Табари сообщает, что арабы при захвате Шаша засыпали нахр, чем нанесли жителям большой ущерб. В правление халифа Му-

тасима по ходатайству жителей из центральной казны было выделено 2 млн. дирхемов на восстановление канала (557, с. 1326).

Необходимостью более прочной защиты оазиса следует объяснить походы Саманидов в степные районы. В 224 г. х. (839—840) Нух ибн Асад совершает поход против исфиджабского правителя, где в свою очередь выстраивается оборонительный вал. Некоторые авторы X в. характеризуют Исфажаб как северные пределы Чача, подчеркивая, что он является сборным пунктом воинов «за веру больше, чем Бинкет» (61, с. 233).

На втором этапе (вторая половина IX—X вв.) при централизации власти в руках Саманидов наблюдается расцвет экономики Чача и Илака. Согласно средневековым источникам, ни в Хорасане, ни в Мавераннахре не было более благоустроенной области, имевшей такое количество городов, как Чач и Илак (91, с. 22). Истахри включает в его состав на севере земли от Фараба до Тараза (557, III, с. 295). Якут, описывая Отрар (Турарбанд) пишет, что этот город за Сейхуном — один из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру (262, с. 158). Таким образом, в X в. обширная степная территория Средней Сырдарьи входила в орбиту чачского влияния. Ряд пастбищ по обоим берегам Сырдарьи принадлежал Чачу. В период расцвета городской жизни даже в левобережье ее создаются городки (иногда довольно крупные), игравшие роль торговых факторий, судя по материальной культуре, тесно связанные с Чачем (139, с. 523—524). Роль региона в саманидском государстве возрастает в связи с тем, что в Илаке находился монетный двор, выпускавший большое количество серебряной и золотой монеты общегосударственного достоинства (91, с. 24). В. М. Массон отмечает, что из 176 монетных кружков чекана Исмаила Самани, приведенных А. К. Марковым, 83 принадлежали чекану Чача (325, с. 77).

Третий этап начинается с конца X в. Он связан с переходом власти к Караханидам. Чач-Илак вошел в состав этого государства до падения власти Саманидов. Караханидская эпоха значительно слабее освещена в письменных источниках, чем предшествующая. Нам даже не известно точно время перехода оазиса в руки Караханидов, как и многие другие моменты из его истории. Поэтому при исследовании караханидской истории Чача и Илака большую роль приобретают археологические исследования и нумизматические материалы.

М. Н. Федоров, исходя из нумизматических данных, полагает, что начинается караханидская эпоха в 382 г. х. (992—993) (513, с. 114). Однако Исфажаб был захвачен Караханидами в 380 г. х., Фергана — в 381 г. х. (91, с. III). Чач же лежит между этими районами. Если учесть, что в 382 г. х. ими был захвачен весь Мавераннахр, то переход к Караханидам следует отнести к 380—381 г. х. Последний саманидский чекан в Чаче также датируется 380 г. х. После смерти Бограхана Саманиды вернули большую часть захваченных земель. М. Н. Федоров предполагает, что

и Чач попал под влияние Караханидов лишь после их второго наступления на Мавераннахр и раздела владений с Газневидами, относимого к 386/996 г. н. э. (511, с. 150).

К иному выводу по материалам караханидских монет приходит Б. Д. Кочнев, который считает, что этот район остается в руках Караханидов (213, с. 128—129). При них на первом этапе дихканы Илака чеканят монету от своего имени с титулом «Дихкан ал-джеял» (дихкан превосходный). Последние известные фельсы с этим титулом датируются 399/1008—1009 гг., что не может еще служить точной датой прекращения управления Илака дихканами.

С 401/1010—11 гг. упоминаются монеты, чеканенные от имени караханидского правителя Насра бин Али (322, с. 225; 513, с. 116), умершего в 402—403 г. х. (1011—1012). По мнению М. Н. Федорова, вслед за этим началась длительная борьба за власть (514, с. 102—109), однако Б. Д. Кочнев считает, что особого передела, как и интенсивных междоусобиц, не было (213, с. 136).

Более прочным положение становится с 407 г. х., когда к власти приходит Арсланхан (1017—1025). По нумизматическим данным, он владел Чачем на правах верховного сюзерена с 406/1015—16 гг., а Илаком — с 407/1016—17 гг. После его смерти идет борьба двух караханидских ветвей, завершившаяся победой Юсуфа Кадырхана, правившего до 423/1033—34 гг. Затем власть перешла к его сыновьям, границы которых на юге дошли до государства Газневидов. Позднее вновь побеждает западная ветвь, расцвет которой связывается с Ибрагимом Тамгачханом.

В третьей четверти XI в. начинается новый четвертый этап в истории государства, характеризующийся междоусобицами и борьбой с Сельджуками. Он завершается захватом Мавераннахра Каракитаями, разгромившими Караханидов в 1137 г. на Сырдарье у Ходжента, а затем — в 1141 г. под Самаркандом объединенное войско Караханидов и Сельджуков.

Пятый этап — правление Караханидов под властью Караки-таев, приводящее к образованию в третьей четверти XII в. фактически независимых уделов. Один из них был расположен в Ташкентском оазисе со столицей в Бенакете, доказательством чему является Бенакетский чекан конца XII — начала XIII вв. (211, с. 143—144).

В начале XIII в. усиливается политическая роль государства Хорезмшахов. Его правитель Мухаммад с устранением последнего представителя Караханидов Усмана после подавления восстания 1212 г. в Самарканде сосредоточивает всю власть в своих руках.

В 1214 г. он отдает приказ о разрушении районов Ферганы и Ташкента и переселении жителей. Насколько это было осуществлено, судить трудно, так как через пять лет территория была захвачена татаро-монголами. Специальный отряд из Отрара прошел вниз по Сырдарье до Ходжента, причем из активно сопротивляв-

шихся городских пунктов Чача упомянут лишь Бенакет. Как показывают результаты изучения археологических памятников и письменных источников, в IX—XI вв. н. э. отмечается расцвет городской культуры, сопровождаемый ростом количества городов и урбанизированной территории. Из упоминавшихся в главе I 55 городов, известных по письменным источникам для IX—XII вв. н. э., с достаточной достоверностью отождествлено 36 наиболее крупных (табл. 6). В числе городков, рассматриваемых либо без описания вообще, либо с упоминанием о связи их с сельским хозяйством, мы на данном этапе можем включить десять пунктов из числа археологически выявленных городищ, общий список составит 45 пунктов городского типа.

Как отразился рост городов в IX—X вв. н. э. на урбанизации отдельных участков оазиса?

В древнем ядре городской культуры Чача (правобережье Сыр-дарьи) крупнейшим городом остается Харашкет: по Мукаддаси, третий, а по Истахри — второй по величине город Чача. Его площадь с пригородами в тот период составляла не менее 200 га. Значительные изменения происходят в его структуре. Раннефеодальная цитадель в X в. н. э. лежит в руинах, и роль ее фактически переходит к первому шахристану площадью 6,5 га. Перестают функционировать как оборонительные и приспособляются под жилье промежуточные крепостные стены шахристана-II. К этому времени относится формирование основного сохранившегося микрорельефа города с густой застройкой центрального массива, ведущего от юго-западных ворот, правильной системой главных уличных магистралей, базаров и площадей, городских каналов и хаузов, мастерских и караван-сараев. Развивается ремесленное предместье с гончарными мастерскими, кирпичеобжигательными печами, винодавильнями. В XI в. расцвет города продолжается. Вновь осваивается цитадель, в которой в пределах раннефеодальной крепости и с использованием ее стен вырастает городская усадьба крупного феодала, возможно, главы города. За относительно короткий период с конца X до начала XII вв. это хозяйство пережило до шести этапов частичных и довольно кардинальных реконструкций. Весь комплекс включает различные звенья единого крупного хозяйства (213, с. 64—86).

В шахристане-I вскрыто четыре хозяйства, которые можно отнести к разряду средних, площадью 150—200 м² (213, с. 86—93). В юго-восточном секторе шахристана-III на площади 900 м² вскрыто не менее шести отдельных домостроений, располагавшихся вдоль крупной городской торговой магистрали, подводящейся от Бенакета.

В зажиточных хозяйствах полы парадных комнат, дорожки, тазары выкладываются жженым кирпичом, хотя иногда последний выбирается из разновременных строений. Однако в целом в квартале отмечается значительная теснота (213, с. 93—109).

Таблица 6

Города Чача и Илака IX—начала XIII вв. н. э.

Город	Отождествление	Площадь, га		
		общая	в том числе цитадели и шахристана	рабада
Бинкет	Ташкент	400 0	22 0	378,0
Харашкет	Канка	200,0	150,0	50,0
Шутуркет	Иски Ташкент	200 0	?	?
Наукет	Улькантойтепа	200,0	20,0	180,0
Тункет	Имлак	180,0	17,5	162,5
Бенакет	Шахрухия	140 0	50,0	90,0
Абрлыг	Аблык	80,0	50,0	30,0
Кабарна	Кавардан	75 0	75,0	—
Намудлыг	Безымянное	70,0	12,0	58,0
Туккет	Кульата	50,0	15 0	35,0
Джинаджикет (Чинанч-кет)	Чиназ	50 0	12,0	38 0
Нуджкет	Ханабад	34,0	34,0	—
Худайнкет	Аккурган	25,0	7,0	18,0
Банункет	Ногайкурган	25,0	10,0	15,0
	Кендыктепа	25,0	25,0	—
Унджакет	Турткультепа	24,0	24,0	—
Данфеганкет	Югонтена	20,0	20,0	Распахан
Джабгукет	Аката	18,0	18 0	—
Ардланкет	Бурчмула	16 0	16 0	—
Кухисим	Кургантепа	15,0	15,0	—
Баркуш	Паргостена	15,0	15,0	—
	Кыркджаангитена	15,0	15,0	—
Хас	Дальверзинтепа	13,0	13,0	Распахан
	Тепа в с-зе Мичурина	12,0	12,0	—
	Севильтепа	11,2	11,2	—
	Ошхонатепа	11,0	11,0	—
Бискет	Пушти Махмуд	10,0	10,0	—
Самсирек	Бука	10,0	6,0	4,0
Фарнкет	Ишкурган	10,0	10,0	—
Намадванак	Калатепа	10,0	10,0	?
Зеранкет	Калаиболо	10,0	10,0	—
Банджхаш	Джумишказытепа	10,0	10,0	—
Балаян	Кулькаратепа	10,0	50,0	5,0
	Санчиктепа	10,0	3,0	—
Хатункет	Тугайтепа	9,5	9,5	—
Харджанкет	Ходжикентбазарбоши	9,5	9,5	?
Залтикет	Майтепа	9,0	9,0	?
Сакокет	Уванттепа	9,0	5,0	4,0
Дахкет	Дукенттепа	8,0	8,0	—
	Шахджувартена	7,5	2,2	5,2
	Дунгулактена	7,0	7 0	—
	Будальтепа	7,0	7,0	—
	Культепа	5,5	5,5	—
Газгирд	Шарапхана	4,4	2,0	2,0
	Ивалек	5,0	4,0	1,6

Дома и мастерские вырастают в рабаде. Материалы XII в. в Канке незначительны, а для второй половины столетия и более позднего времени — случайны, так как город приходит в упадок.

К числу крупнейших городов относится и Бенакет. Его шахристан увеличивается вдвое и застраивается с применением жженого кирпича, особенно в караханидское время. Основное производство сосредоточивается в рабадах, площадь которых составляет около 100 га. Рабады Бенакета были обжиты гуще, чем в Харашке. Здесь располагаются мастерские ювелиров и ткачей, гончаров и стеклодувов. В Бенакете в отличие от Харашкета широко представлены материалы XII — начала XIII вв., причем на окраине города дома и мастерские располагаются иногда на материке, что свидетельствует о дальнейшем росте города вплоть до монгольского завоевания. В конце XII — начале XIII вв. Бенакет становится фактической столицей одного из караханидских уделов. Эпизодический выпуск серебряной монеты начинается еще в XI в. (511, с. 157), а регулярный — в конце XII — начале XIII в.

Однако стремительным ростом этих городов и ограничивается общий процесс урбанизации участка. Расположенные близ них либо остаются в пределах размеров VII—VIII вв., как Хас или Кыркджангитеп, либо полностью прекращают свое существование как Турткультеп, функции которого полностью аккумулируются Бенакетом.

В бассейне Ахангарана, в первую очередь, наблюдается рост городов в среднем и верхнем течении реки. Максимально разрастается столица Илака Тункет, которая обносится стеной на площади около 180 га. В цитадели и шахристане ее сосредоточиваются дворец правителя, монетный двор, часть базаров, тюрьма. Основная же торгово-экономическая жизнь переходит преимущественно в примыкающие к городу с востока и юга территории рабада с гигантскими кварталами металлургов-плавильщиков и мастерскими по обработке металла, площадями базаров, системами каналов со следами водоприемника из сая, гончарными печами. Однако в отличие от Бенакета плотно было обжито не более трети территории. Южнее металлургических мастерских, выше них по каналу, располагаются хозяйства, занимающие довольно крупные участки вдоль водных источников, а далее к предгорьям — слабо освоенные площади, вероятно, садов и полей, для орошения которых создается небольшое водохранилище на Атчапаре.

Целая группа городов вырастает в верховьях Ахангарана. Самый крупный из них — Абрлыг на правом берегу реки площадью 80 га. В нем еще более чем в Тункете выражены новые черты, характерные для большинства городов восточного Илака. Валы города невысоки, цитадель выражена нечетко, шахристан трудно отделить от пригородов, а те в свою очередь — от сельской округи. Так как Абрлыг вырос в VIII—IX вв., его укрепления не столь монументальны, как у городов предшествующего периода. Однако уже в то же время в городе функционировали мастерские по обра-

ботке золоторудного и серебросодержащего сырья. Второй крупный город, отождествленный с Намудлыгом, расположен в 16 км выше Абрлыга по течению реки. Он вытянут вдоль берега Ахангарана между двумя его притоками. Его ядро — раннефеодальная крепость, вокруг которой город разросся на площади не менее 70 га. По структуре город аналогичен Абрлыгу. Наиболее плотно обжитые площади сосредоточены в юго-восточной части города вокруг крепостного ядра, где разрастаются мастерские металлургов, гончаров и стеклодувов. Разреженно с большими свободными площадями застроены значительные территории к северу и западу. Фактически границу рабада и прилегающей сельской округи можно провести по притокам и рвам, разделяющим эти территории. Своеобразна материальная культура города, особенно керамическая посуда, в которой прекрасные глазурованные сосуды высокого качества сосуществуют в одном и том же хозяйстве с обильной лепной краснолощеной посудой, сформованной, судя по стандартизации форм, ремесленным способом.

В верховьях реки отмечается два небольших города. В 8 км к северо-западу от Намудлыга — городок площадью 8 га, отождествленный нами с Дахкетом. Его цитадель представляет собой раннефеодальное укрепление. Площадь шахристана невелика. Плотность его застройки определить трудно. В строительстве домов использован сырцовый кирпич, глиняная и каменная кладка. О расцвете жизни города свидетельствует материальная культура, представленная стеклянной и глазурованной посудой, кладами монет и изделий из драгоценных металлов. По сведениям источников, город связан с рудниками (344, с. 39), что хорошо согласуется с его положением на пути к нескольким рудным точкам.

На правом берегу Ахангарана в устье его притока Нишбаш-сая в IX—X вв. появляется еще один городок — Кухисим. Его цитадель, развивающаяся на базе раннефеодального замка, и шахристан занимают площадь в 15 га. В последнем располагаются мастерские ремесленников — кузнецов и металлургов. Однако в целом ремесла были развиты незначительно. Основная роль Кухисима была иной.

В отличие от соседних городов и цитадель, и шахристан его обнесены стенами. Возвышаясь над окружающей местностью долины до 50 м, город производит впечатление небольшой, но мощной крепости, функции которой он исполнял, охраняя путь к государственному серебряному руднику Чача. Сокращение деятельности последнего привело город к упадку в XII в.

В среднем течении реки, помимо Тункета, разрастается второй металлургический центр — Туккет, кварталы которого вновь охватывают всю территорию древнего города. В рамках X—XII вв. в его жизни происходят изменения в топографии ремесленных кварталов, однако до конца периода основная роль Туккета остается постоянной. Он тесно связан с плавкой полиметаллических руд целого ряда рудников, вплоть до таких отдаленных, как Лаш-

керек. Концентрация руд в городе говорит о высоком мастерстве его металлургов. Близ Тункета продолжается развитие третьего металлургического пункта — Севильтепа площадью 11,2 га, также связанного с обработкой полиметаллических руд.

Следует отметить, что в нижнем течении реки с одной стороны количество городков возрастает: появляются Дунгулактепа, Ошонатепа, Будальтепа, Культепа и др. Однако, помимо Худайнке-та, продолжающего расти и достигающего с рабадами площади в 30 га, остальные представляют собой мелкие пункты площадью 5,5—15 га, причем такие городки, как Кыркджангиттепа, тепа в с-зе Мичурина, даже имеют тенденцию к сокращению.

В этот период значительно интенсивнее развиваются города в бассейне Чирчика. Устойчивую тенденцию к развитию получают города среднего и нижнего течения долины. В первую очередь это относится к столице Чача — Бинкету. Город, закладывающийся в IX в. на базе новых водных источников и каналов, на реконструкцию которых выделяются средства из центральной казны халифата, первоначально создается по единому плану. Цитадель и шахристан, соединенные общей стеной, занимают площадь в 20 га, а вокруг разрастается рабад площадью 60 га. Однако эти рамки оказываются малыми для быстрорастущего города, и вокруг рабада появляется второй, внешний, охватывающий громадную территорию, так что общая площадь города с округой составляет около 1400 га. Город застроен неравномерно: наиболее густо обживаются цитадель, выполняющая административные функции, шахристан, внутренний и часть внешнего рабада, в которых размещаются основные ремесленные кварталы и базары. Их площадь составляет 350—400 га. Значительную площадь внешнего рабада, разрастающегося преимущественно вдоль водных источников на юго-запад, запад и северо-запад, занимают усадьбы со свободной застройкой, садами и виноградниками. Лишь вдоль магистралей располагаются ремесленные пункты, например Учтепа и Казахмазар на пути в Согд. В городе выявлены мастерские металлостов, гончаров, стеклодувов, кирпичников. Вероятно, были развиты ковроделие и ткацкое производство, экспорт продукции которых в степные районы составлял важную статью ремесла Чача.

В состав рабада столицы вошли некоторые раннефеодальные городки и усадьбы. Однако большинство их функционирует на его периферии самостоятельно. Из них упомянуты Залтикет и Банункет, площадь которого, по нашим данным, разрастается до 30 га, Нуджкет, Хатункет и Джабгукет, отождествляемые нами с Тугайтепа и Аката.

В нижнем течении реки в 40 км от Бинкета интенсивно развивается Шутуркет, превращающийся во второй или третий по величине город Чача, славящийся своими базарами, а в устье реки — Чинанчкет, площадь которого вместе с рабадами составляет не менее 50 га. На левом берегу Чирчика в его устье возво-

дится новый городской пункт — Унджакет в виде правильной крепости квадратной формы с цитаделью на искусственном stilobate. Основное назначение крепости — обеспечение переправы через Сырдарью и Чирчик караванов, идущих по северному пути из Согда и Чач.

Цепочка небольших городков оформляется от столицы вверх вдоль реки в горные районы. Это — Паргуш, Харджанкет, Ардланкет. Руинами небольшого городка можно считать Шахджувартепу на Пскеме. Размеры этих городков 7,5—15 га. В шахристанах Ардланкета и Шахджувартепы открыты мастерские по переработке металла. Немаловажную роль играет устойчивое формирование городских пунктов в центральной части оазиса — междуречье Чирчика и Ахангарана. В предгорной и адырной зоне северной части оазиса, помимо Кабарна, площадь которого вновь обживается в пределах 75 га (причем в ряде кварталов его жилые дома X—XII вв., как и в Туккете, строятся на руинах позднекаукавказских строений), здесь четко оформляются в городские пункты — Зеранкет и Намадванак, представляющие собой вместе с Фарнкетом небольшие городки с укрепленным ядром и свободно разрастающейся округой. Линия городов протягивается в равнинной части оазиса между Бинкетом и Тункетом. Это Балаян, Наукет, Панджхаш, Сакокет. Из них наиболее крупный Наукет: он разрастается вокруг раннефеодального ядра в саманидское время не менее чем в 7 раз, а в XII в. достигает площади около 200 га. Для X в. исследователями отмечен чекан Наукета. Источниками XII в. он назван в качестве столицы Илака (344, с. 75). Помимо городков на пути из Бинкета в Тункет, от Наукета на юг и юго-запад оформляется цепочка городов к долине Ахангарана — Бискет, Самсирек.

Таким образом, в IX—X вв. число городов возрастает почти вдвое, самое главное — значительно увеличивается общая урбанизированная территория, а топографическое положение пунктов становится более равномерным. Меняется и внутренняя структура городов. Их важной составной частью становятся ремесленные предместья-рабады.

В развитии городов Чача можно отметить ряд особенностей. Основная группа городов имеет развитый рабад, а некоторые — два рабада: внутренний и внешний (Бинкет). В то же время часть городов либо незначительно развивают рабады (Харашкет), либо вообще не имеют их (Кабарна, Нуджкет), так как ремесленные кварталы в основном располагаются в пределах старых стен.

Изучение хозяйств различной социальной структуры позволяет выявить общие черты жилой городской архитектуры Чача саманидо-караханидской эпохи.

Размеры городских домов различны: от 1200 м² (дома правителя) до 50—60 м² (дома ремесленников в шахристане), однако независимо от социального деления наблюдается попытка

обязательного выделения определенных стандартных узлов, присущих каждому дому. Почти каждое хозяйство имело внутренний дворик, игравший организационно-планировочную роль, объединяя в систему различные функциональные узлы. Дворики сочетались с айванами, являвшимися важной частью дома, особенно в летнее время. Жилые и парадные комнаты обычно имели отдельный выход во дворик. Отопление комнат осуществлялось с помощью пристенных и напольных очагов, а также сандалов — углублений в полу, иногда облицованных жженым кирпичом. Вскрыты обогревающие устройства в виде полых суф, проходивших через центр комнаты, и переносные жаровни. Стены комнат иногда покрывались белой штукатуркой, а парадные помещения богачей и представителей средних сословий украшались росписью либо рельефным орнаментом. Каждый дом имел наземные (в виде ящиков) и подземные кладовые (подвалы и ямы). Ящики-закрома, выложенные из кирпича, тонкой пахсы или досок — хамбе, до настоящего времени известны в горных хозяйствах Средней Азии. Наличие специальных и довольно крупных хранилищ в условиях городского хозяйства не случайно. Как показали исследования О. А. Сухаревой, для XIX — начала XX вв. традиционная система домашнего хозяйства жителей городов Средней Азии предусматривала создание запасов продуктов по возможности на весь год. Часть продуктов обеспечивало свое пригородное хозяйство, основные же продукты приобретались на рынке в соответствующий сезон (481, с. 75). Мы видим, что эти традиции складываются задолго до XIX в. Детальный анализ хранилищ при массовом изучении жилых комплексов может стать одним из показателей состава семьи городских домовладений различного типа.

Структурное единообразие планировки и сходство технических приемов строительства домов свидетельствует о развитии строительного ремесла и разработке определенных архитектурно-планировочных канонов возведения городского хозяйства. Основным строительным материалом был сырцовый кирпич мелкого прямоугольного стандарта, удобный для кладки и облицовки стен. Последний прием широко практиковался при Караханидах. Жженный кирпич, кроме выкладки цоколей и фундаментов и орнаментально-декоративного оформления фасадов, широко применяется в вымостке полов, оформлении тазаров, в закромах и т. д.

Наряду с кирпичной кладкой применялась глинобитная, каркасная и даже перегородка из камыша, обмазанного глиной. Толщина таких стен составляет 10—18 см. Говоря о последнем приеме, характерном для домов оседающих кочевников, нельзя не вспомнить болгарские дома X в. в Поволжье, о которых писал Мукаддаси: «Строения там из дерева и камыша» (446, с. 8). Городские дома плотно примыкают друг к другу с оставлением иногда очень узеньких улочек, но основные магистрали от ворот к площадям и базарам, складывавшиеся на протяжении многих

веков, сохранились относительно широкими. Мы не встретили вымостки улиц каменными плитами, как в Самарканде, однако отдельные участки сохранили кирпичную выкладку. Довольно сложна система водоснабжения и коммунального хозяйства. Источники сообщают о хаузах и каналах, пересекающих шахристаны и рабады. Близ городов зафиксированы локальные водохранилища, а внутри них — системы арычных и кубурных водопроводов и сардоба.

Расцвет городской культуры и рост урбанизированной территории сопровождаются расширением орошаемых и богарных площадей и развитием сельских поселений. Восточные хроники характеризуют Чач и Илак как цветущий регион. «Строения, сады, бустаны тянутся без перерыва от Илака до долины Чача, — пишет Истахри, — что касается их плодов, то когда тыходишь в Согд, Усрушану, Фергану и Шаш, ты видишь их в таком изобилии, что они превосходят остальные страны настолько, что благодаря этому изобилию скот питается ими» (557, VII, с. 262, 288). Густота освоения оазиса очевидна. География поселений также говорит об интенсивном освоении не только равнинных территорий с богарными землями, используемыми под зерновые культуры и сады.

Археологическими же исследованиями выявлено всего 127 поселений, вдвое меньше, чем для предшествующего периода. Чем объяснить этот факт? Во-первых, в IX—X вв. происходит изменение структуры поселений и характера их застройки. На смену небольшим укрепленным поселениям с замком феодала, крепостной стеной приходит более свободная рассредоточенная планировка неукрепленных поселений с садами и виноградниками, занимающая более крупную территорию с большим населением. Иногда в ее состав входит в качестве ядра раннесредневековое укрепление, обживаемое вторично или продолжающее жить непрерывно. Примером может служить поселение Калатепа в с. Баксук, ядро которого составляет 4 га, а рассредоточенная застройка отдельными хозяйствами прослежена на площади до 20 га, или Чангтепа близ Данфеганкета площадью до 12 га.

Однако чаще укрепление забрасывается полностью, и жизнь переходит на свободную площадь его периферии. Характерно для поселений этого типа Теляутепа, площадь которого в X—XI вв. составляла не менее 6 га, но планировка представлена рассредоточенной застройкой отдельных сельских усадеб, сохранившихся в виде небольших всхолмлений, разделявшихся равнинными участками бывших полей и садов.

Иногда поселение или отдельные сельские усадьбы вырастают на новых свободных землях вдоль каналов в отдалении от раннефеодальных укреплений. Застройка их полностью лишена крепостной структуры. Вероятно, наличие таких селений в долине рек и давало древним авторам основание говорить о Чаче-Илаке, как одной из самых цветущих областей.

Во-вторых, выявление памятников этого типа представляет значительные трудности. Отсутствие крепостной структуры и незначительность культурного слоя приводят при современном широком освоении полей к их полному разрушению. На полях встречаются лишь обломки кирпича, керамика, монеты. Иногда слои перекрываются ирригационными наносами или более поздними культурными наслоениями, почти не оставляя следов в микрорельефе. Поэтому количество выявленных поселений IX—XII вв. н. э. отнюдь не отражает степени освоения оазиса. Более объективны данные топографии поселений и степени развития ирригационной системы. Географическое размещение поселений показывает, что площадь используемых земель продолжает увеличиваться. В правобережье Чирчика на равнине максимально осваиваются площади вокруг Ташкента, где создается Бозсуйская ирригационная система, включающая Анхор и Кейкауз. Подключаются боковые отводы Дурмень и Ялангачарык для орошения площадей верхнебозсуйской и захской систем. На продолжении Анхора оформляется Чиланзарский отвод. Ниже них свое дальнейшее развитие получает канал Джун, на отрезке которого в 12 км из более 20 поселений лишь два относятся к поре раннего феодализма, остальные — к X—XIII вв. (203, с. 17). Куркульдук получает свое развитие в виде трех каналов — Иски Ташкент, Чукур и Юлтушган, орошающих земли периферии Чиланчекета.

В междуречье Чирчика и Ахангарана наряду с продолжением дальнейшего освоения площадей второй террасы начинается распашка сероземно-луговых почв третьей террасы. Здесь функционируют свои локальные системы — Паркентсай, Заркентсай, Башкызылсай и т. д.

Использовавшиеся в IX—XII вв. сероземно-луговые и болотно-луговые почвы Чирчик-Ахангаранского района относятся к числу высокоплодородных земель, значительно выше сероземов, поэтому даже при затратах на полив они экономичнее земель более верхних террас, отводимых под богарное земледелие (177, с. 239).

В нижнем течении Ахангарана максимально осваиваются площади между Самсиреком и Бенакетом. Наряду с освоением болотно-луговых земель равнин в этот период дальнейшее развитие получает богарное земледелие, иногда с эпизодическим дополнительным поливом (177, с. 249). Один из районов богарного земледелия складывается в подгорной равнине Чаткала на периферии Бурчмулы. Продолжается дальнейшее освоение богарных земель в правобережье Ахангарана (бассейн Баксуксая, Шаввасая). Некоторые из них превращаются в поливные. С целью использования воды эпизодически действующих саев создаются локальные водохранилища, с которыми связано развитие небольших городов, разраставшихся из сельских поселений. Автор Худуд-ал-Алема, хорошо знавший район Чач-Илака, коротко харак-

теризует подобные города. Так, о Зеранкете, Намадванаке, Хумраке, Ганнадже, Гардженте он пишет «процветающие, благоустроенные, населенные, сильно возделанные с проточной водой», о Газаке, Вардаке, Фарнкете, Дихкуране, Канкараке — «маленькие городки, очень возделанные, высоко продуктивные, тесно лежащие друг к другу». О некоторых из них он сообщал как о благоустроенных, но малонаселенных (583, с. 117).

Основной рост городской экономики был обусловлен развитием ремесел, среди которых важную роль играли металлургия и металлообработка. Во многих хозяйствах городов Чача и Илака, помимо следов производства, найдены орудия труда, бытовые предметы и украшения из железа, цветных и благородных металлов. Характеризуя Мавераннахр, восточные географы подчеркивали, что его обеспеченность сырьевыми ресурсами и продуктами питания значительно выше, чем Хорасана и других областей халифата. По сообщению Истахри, количество добываемого из рудников металла больше его потребности: «Никакой рудник ислама по обилию и богатству не может сравниться с ними, кроме серебряных Панджшира, а ртути и золота и прочего, что бывает в рудниках, больше всего добывается в Мавераннахре» (583, VII, с. 287).

Технический уровень рудного дела в IX—X вв. позволял извлекать руду из твердых кварцевых пород и рыхлых конгломератов, галечника и песчаной россыпи. Рудные тела отыскивались с помощью шурфов, задилов, сбора поверхностного материала. Извлекались даже дисперсные рассеянные металлы. Разработка велась открытым способом с помощью карьеров и закрытым с помощью шахт и штолен, уходивших даже ниже уровня грунтовых вод. На золотых рудниках Илака выявлены штольни глубиной до 100 м, на серебряных — до 340, со специальной системой вентиляции и водоотвода, разветвленной сетью рабочих и рудоподъемных стволов. При добыче руды использовались деревянные, каменные и железные орудия труда. При широких разработках — многие виды крепления: от целиков и столбиков пустой породы до деревянного венца полного оклада, а также оригинальная для той поры система эластичного крепления. Наиболее крупные рудники были связаны с добычей свинцово-серебряных руд. Основная добыча проходила в VIII — начале XI вв. в Лашкереке—Тызкуле, Караташкутане, Канимансуре, Канджоле, Алмалыке. Сохранившиеся близ них разнохарактерные по составу отвалы свидетельствуют о централизации в специальных пунктах рудоразработки и обогащения руд, поступающих из разных рудников. Большие объемы добычи серебра позволили древним авторам сравнивать Илак с прославленным рудником Востока Панджширом, а Ибн Хордадбех называет его «Новым Панджширом». Не случайно при «серебряном руднике Чача», отождествленном нами с Лашкереком (125, с. 28—30), функционировал специальный общегосударственный монетный двор.

Золото добывалось в несколько меньших масштабах. Наиболее крупными рудниками этого времени были Кызылалма и Самарчук в Южном Чаткале (315, с. 110—126), Кочбулак—Тогберды в верховьях Карамазара и Алмалыкская группа в его западных отрогах. Добыча золота шла и в галечниках Ахангарана.

Кроме золота и серебра, добывалась медь, железо, олово. Из нерудных особо следует отметить добычу бирюзы, причем, судя по сообщению Беруни, илакская бирюза высоко ценилась на Востоке (93, с. 159). Обоганительные устройства создавались тут же при крупных рудниках, где проходила разборка, дробление, обогащение руды, часто с помощью механических устройств — жерновов, толчей-мишджанов, работавших с помощью проточной воды (93, с. 219). Но плавка за исключением нескольких специальных пунктов, вероятно, государственного значения типа Лашкерека в IX—X вв., концентрировалась в основном в городах. Этому способствовало и совершенствование плавильных конструкций, которые уже не могли быть легкопереносимыми, объем работ и специализация ремесла.

Поэтому при возрастании рудных точек и общих объемов добычи резко сокращается число плавильных пунктов, аккумулирующих добычу ряда рудников. Функционируют плавильные металлургические пункты в верховьях Чирчика. Это Шахджувартепа на Пскеме, Маслахаттепа, Ардланкет. Однако, как и прежде, основным районом обработки и плавки руд региона остается бассейн Ахангарана, особенно его верховья в связи с добычей золотой и серебряной руды.

Локализация «серебряного рудника Чача», открытие древних золотых рудников Кызылалмы, Кочбулака, Самарчука раскрывают причины формирования в этом горном районе металлургических центров Абрлыга, Намудлыга, Дахкета, Кухисима, расцвета Тункета, Туккета, появления городков типа Севильтепа, специализированных пунктов Ирматсая и Мунчактепа.

Процесс обогащения руды, начатый в пунктах добычи, часто завершался в пункте плавки. Получение меди, серебра и золота имело свои особенности (140, с. 121—125). Золото промывалось, прокаливалось, амальгамировалось ртутью с последующей возгонкой. Серебро проходило две стадии плавки с получением промежуточного глета и рафинирования серебра в печах с прямым и отражательным процессом, который описан восточным автором X в. ал-Хамдани (109, с. 3—10; 565, с. 46—48).

Железоделательное производство также проходило несколько этапов от обогащения и обжига руды до ее плавки, обжимки, заковки. Эти функции осуществлялись отдельно. Первичный обжиг, как черновой этап, связанный с большими отвалами, осуществлялся вместе с обогащением близ источников сырья. Плавка проходила в специализированных центрах, так как требовала довольно громоздких приспособлений (дробильных устройств руды и флюсов, горнов), много топлива и оставляла большое количество

шлаков. По этнографическим данным, плавка одного пуда железа требовала расходов до 18 пудов древесного угля (247, с. 377—378). Такие ремесла экономичнее было сосредотачивать в городах неподалеку от источников сырья и топлива.

Изучение плавильных горнов Илака показало их более совершенную форму в сравнении с плавильными центрами средневекового Алтая и Закавказья, где использовались прямоугольные печи из каменных плит (474, с. 26—28), а иногда две последовательные камеры, совершающие процесс предварительного обжига и плавки (178, с. 98—101), что сказывалось на качестве кричного железа. В Чаче и Илаке этот процесс проходил иначе. Обогащение и предварительный обжиг руды проводился предварительно при рудниках. В пунктах плавки она дробилась окончательно, смешивалась с флюсами и поступала в горны. Плавка велась на древесном угле в специальных печах (одна из таких печей обнаружена в Акташкане). Профессия углежогов в Карамазаре существовала до начала XX в., хотя уже в X в. источники упоминают о каменном угле, в частности для Ферганы.

Как показывают результаты изучения незавершенных процессов плавки в Каттасаре и Намудлыге, металлурги, не останавливая плавку, могли загружать новые порции угля и руды. По завершении плавки и извлечении готового продукта часть шлаков шла в новую переработку. Для очистки металлов использовались как переносные печи, так и специальные приспособления (140, с. 124—125). Из пунктов плавки продукция поступала в другие центры в виде неочищенного металла и криц, которые проходили различную обработку для получения мягкого и твердого железа. При этом зачастую использовались приемы, державшиеся в секрете и стяжавшие славу отдельным мастерам либо целым городам.

Согласно археологическим данным, большое количество находок представлено материалом, связанным с обработкой цветных и благородных металлов, ювелирным делом. В Харашке, Тункете, Кендыктепа были обнаружены мастерские с горнами, сосудами для ртути и ал-анбиками, каменными пестами и ложилами, составными формами для отливки украшений, амулетов, а также украшениями (кольца, серьги, браслеты, нашивки, украшения поясного набора), пряжками, различными орудиями труда и предметами домашнего обихода. Следует отметить индивидуальные поделки, такие как водолей из Харашкета, подставка из Ташкента, кувшины, тазы с надписями из Наукета. Составной частью ювелирного ремесла являлись камнерезное и костерезное дело (пиление, сверление, нарезной орнамент, раскраска и инкрустация), а также обработка ракушечника.

К числу наиболее важных отраслей следует отнести гончарное производство. Оно развивалось на местной сырьевой базе с применением различных сортов глины, включая каолиновые, из залежей среднего и верхнего течения Ахангарана, богатых выходами охристых глин, высококачественных минеральных красителей, упо-

требуемых для полихромной росписи парадной столовой посуды и разрабатывавшихся в ряде пунктов Чирчика, Башкызылсая и Ахангарана. В качестве глазури использовались добываемые при извлечении серебра свинец с оловом, выработки которых выявлены в Наугарзане. В мастерских керамистов вскрыты печи, ямы для промывки, отмучки и хранения глины и красителей, полуфабрикаты и бракованная продукция. В саманидское время такие мастерские чаще всего располагались в рабаде. При Караханидах наряду с более плотным освоением городских территорий в целом мы видим появление гончарных кварталов в шахристанах. В Бинкете керамисты осваивают южную часть шахристана, где вдоль водоема или канала обнаружено не менее семи гончарных горнов (210, с. 78). В Харашке довольно крупный отвал бракованной продукции керамистов найден в ремесленном квартале юго-западной части шахристана. В Кабарне гончарное ремесло известно в четырех пунктах шахристана. Печи цилиндрической формы двухъярусные с выделенными топочной и обжигательной камерами. Печной припас включает штыри, сепоя, коромыслица, катушкообразные подставки и просто плитки обожженной глины, подставлявшиеся под дно сосуда.

Посуда сформована в основном на гончарном круге быстрого вращения. Функционально ее можно подразделить на кухонно-хозяйственную, парадно-столовую и производственную, а по технике изготовления — на глазурованную и неглазурованную.

Глазурованная керамика представлена довольно разнообразной продукцией. Так как чачилакская керамика саманидского времени подробно охарактеризована в ряде работ (121, с. 269—279; 123, с. 123—130; 126, с. 108—112, 128—139; 209, с. 86—97; 210, с. 80—101, 314, с. 164—176), ограничимся общей констатацией уровня гончарного ремесла, обеспеченного в достаточной мере сырьевой базой. Керамическое производство в Чач-Илаке прошло тот же путь, что и в Согде, и имеет ряд близких видов орнамента (99, с. 73—87; 96, с. 7—16; 98, с. 23—38; 100, 53—62, 101, с. 42—50; 478, с. 11—17; 484, 538). Для ранних форм керамики характерна мутная глазурь с пятнистой расплывчатой голубовато-зеленоватой росписью. Затем на смену приходит бесцветная свинцовая глазурь, предоставившая мастеру возможность использовать поле сосуда для художественного оформления разнообразными приемами зооморфных, геометрических мотивов, надписи и эпиграфического орнамента с гаммой полихромных росписей и расцветкой фона.

Стилистические особенности позволяют обособить чачскую школу керамистов. определенные виды продукции которой считались не знающими себе равных на рынках Востока (557, с. 232).

Необходимо указать на широкое сосуществование в горных городах и поселениях наряду со станковой посудой лепных сосудов, подражающих старым типам по форме, ангобу, красному лощению и элементам рельефного зооморфного орнамента. Эта особенность характерна и для районов Семиречья и Северной Ферганы, что

свидетельствует о консервации древних форм, сохранении их в основном среди племен, осевших в городах.

При Караханидах расширяется товарное производство за счет спроса потребителей и быстро растущих феодальных городов, среди которых возрастает уклад ремесленников, мелких и средних торговцев, и за счет сельской периферии в связи с ростом товарности сельскохозяйственных продуктов. Этот процесс сопровождается стандартизацией форм, мотивов и приемов орнаментации, использованием более сдержанного декора, ухудшением качества и более широким использованием шаблонов.

Достигшая определенной стандартизации еще на предшествующем этапе, кухонно-хозяйственная неполивная посуда (хумы, котлы, горшки, тагора и т. д.) сохраняет более устойчивые черты. В глазурованной же керамике выделено три этапа (см. материал по каварданскому комплексу в главе II), связанных с изменением политических и культурно-экономических связей оазиса. Для первого этапа характерно развитие саманидских традиций: высокое мастерство формовки и обжига, своеобразная манера орнаментации. Чач, являясь ведущим центром гончарного производства Восточного Мавераннахра, продолжает оказывать определенное влияние на формирование вкусов, мастерства в ремесленном производстве Южного Казахстана, Семиречья, Северной Ферганы (22, с. 39; 87, табл. XXXV; 527, с. 200). В то же время еще тесны аналогии с Самаркандом (209, с. 97), в керамике которого мотивы декора более характерны для северо-восточных районов Мавераннахра, что можно объяснить оседанием тюркских племен и тюркизацией местного населения.

Второй этап отличается определенными изменениями как в форме и мотивах, так и в характере орнаментации. Так, в неполивной керамике появляются своеобразные сосуды, в том числе и лепные, с «псевдотрипольской» росписью. Что касается глазурованной керамики, то в отличие от согдийской, большое распространение начинает получать лимонно-желтая полива, трактуемая М. Е. Массоном как локальная черта Чач-Илака (344, с. 49). Ареал распространения ее значительно шире (444, с. 157—158), но Чач-Илак остается ядром керамики с глазурью этого цвета.

Как отмечалось, именно в это время происходит отделение бассейна Сырдарьи и Среднего Семиречья от Согды и других районов Западного Мавераннахра и установление тесного контакта Чача с северо-восточными регионами — Южным Казахстаном (444, с. 155—162) и Семиречьем (87, с. 166—167), а также с Ферганой (198, с. 89—90, 101), в которой распространение получает керамика с подглазурным процарапанным орнаментом и полупрозрачными глазурями цвета слоновой кости и зеленовато-салатные и желтые, которые Э. К. Кверфельд связывает с подражанием металлическим сосудам (258, с. 52). А. Н. Бернштам также подчеркивает желание мастера придать некоторым типам сосудов «металлическую форму» (80, с. 166), что заставляет выбирать для них и более

жесткие конструкции. Все эти черты и подбор глазурей и орнамента являются отличительными особенностями керамического производства восточных районов Мавераннахра. И хотя Ш. С. Ташходжаев пытается включить их в один ремесленно-керамический регион с Самаркандом (484, с. 104), мы видим значительное различие с художественной школой Согда, в которой основными остаются прежние принципы — украшение росписью бесцветной или фонирующей посуды, хотя в мотивах и появляются новые приемы. Для Чача совершенно не характерна столь типичная для Самарканда краснофонная и чернофонная посуда. Слабо распространяется здесь и посуда с голубой глазурью.

Третий этап характеризуется еще большими отличиями в керамическом производстве восточных районов Мавераннахра от западных. Керамическое сырье используется и при изготовлении орудий труда, бытовых предметов и украшений (жернова и переносных очагов, тандыров, кубуров, архитектурно-декоративных деталей, в оформлении парадных чаш, разнообразных игрушек, бус, кулонов и т. д.). Непосредственно к керамическому производству примыкает и стеклодувное. Из стекла изготавливаются самые разнообразные изделия: столовая посуда открытых и закрытых форм, сосуды производственные, аптекарско-косметические, химического назначения, украшения (бусы, браслеты), плоские диски, возможно, оконного стекла. Орнамент наклепной в виде жгутовидных витков и рельефных зацепов, врезной и процарапанный. Некоторые сосуды украшены выдуванием в форму. Очень выразительны фигурные ручки. О степени распространения стеклянных изделий в городах можно судить по количественным показателям. Так, только в Абрлыге было найдено 140 сосудов столового назначения, причем в одном хозяйстве почти три десятка стеклянных сосудов одной формы. Кроме того, в северо-восточном рабаде Тункета и Абрлыга встречена бракованная стеклянная посуда, а в рабаде Бенакета — мастерская со стекловаренной печью, массой разноцветного стекла и изделий. Все это свидетельствует о развитии в городах Чача и Илака стеклодувного ремесла. Следует отметить, что регион был обеспечен сырьем: в окрестностях Ташкента и Бенакета, в Мурзарабадской степи в большом количестве росли солянковыя растения, используемые при изготовлении стекла (19, с. 190). Зная свойства этих растений, чачилакские ремесленники использовали их для производства глазурей. Стекло различных районов имело свои особенности. Как показал анализ абрлыгского стекла, во всех его образцах присутствовал цинк, не встреченный в стекле других районов.

Одно из самых ведущих мест занимало ткацкое ремесло и ковроткачество. Чач стоял на границе с кочевыми районами, снабжавшими его в изобилии сырьем — шерстью и кожами. В достаточном количестве он был обеспечен и красителями. Источники сообщают о изготавливавшихся в Чаче тканях из шерсти и хлопка, одежде, плащах, палатках, молитвенных ковриках, изделиях из

кож, шагреновой коже, украшавшей знаменитые чачские седла с высокой лукой, войлочных изделиях и юртах, в которых жили жители даже в городах (Чинанчкет). Истахри, сообщая об областях Мавераннахра, упоминает Чач, в котором одежды «столько, что она в избытке и вывозится в другие страны» (557, VII, с. 288).

Наряду с распространенными деталями ткацкого ремесла — пряслицами, отвесами для станка, гребнями для правки нитей встречен интересный миниатюрный деревянный челнок для тонкой ткани с бронзовой съемной вставкой, облегчавшей быструю смену нитей, что было необходимо при изготовлении цветной ткани. Получает развитие обработка молочной и сельскохозяйственной продукции.

В рабаде Харашкета открыта винодавильня с каменным прессом — тарапаном. Подобные приспособления известны еще для античного Причерноморья (174, с. 355—358; 376—378). Средневековые винодавильни мало чем отличались от античных, о чем говорят находки аналогичных сооружений IX—X вв. с городища Битык в Южной Туркмении и винодавильни XI в. на Краснореченском городище в Киргизии (87, с. 44). Расположение винодавильни в рабаде Харашкета не случайно — города Чача имели значительную округу с садами и виноградниками. Кроме вина, вырабатывалась патока — бекмес, шедшая на изготовление восточных сладостей. Эта отрасль ремесла была широко развитой на Востоке и до начала XX в. одной из распространенных городских профессий (480, с. 122—126).

При рассмотрении городского ремесла неизбежно встает вопрос о характере расселения ремесленников по профессиональному признаку. На примере городов Чача и Илака в ряде пунктов можно отметить компактное расселение крупных групп ремесленников одного профиля — металлурги Тункета, Туккета, Намудлыга, гончары в рабаде Харашкета. Специализированные кварталы керамистов, насчитывающие до полутора десятков хозяйств, известны и в Самарканде (50, IV, с. 62—103). Наряду с ними встречены кварталы с мастерскими разного профиля, например в шахристане Харашкета, где соседствуют кузнецы, ювелиры, ткачи и керамисты, и рассредоточенные мастерские — в Намудлыге и Тункете.

При общей тенденции к концентрации ремесленников одного профиля наблюдалось их расселение и размещение, иногда даже в другой части города, ближе к рынкам, так как мастерская часто являлась одновременно и торговой лавкой. Это было вызвано нехваткой мест внутри густо обжитой части города для разросшейся ремесленной мастерской. Аренда ремесленниками помещений, расположенных поблизости к базару, зафиксирована еще для раннефеодального Пянджикента (428, с. 145, 149). Поэтому вопрос о расселении в городе жителей по профессиональному признаку или децентрализации ремесла не может быть решен однозначно.

Развитию экономики способствовали широкие торгово-экономические связи. Именно в IX—X вв. оформляются основные кара-

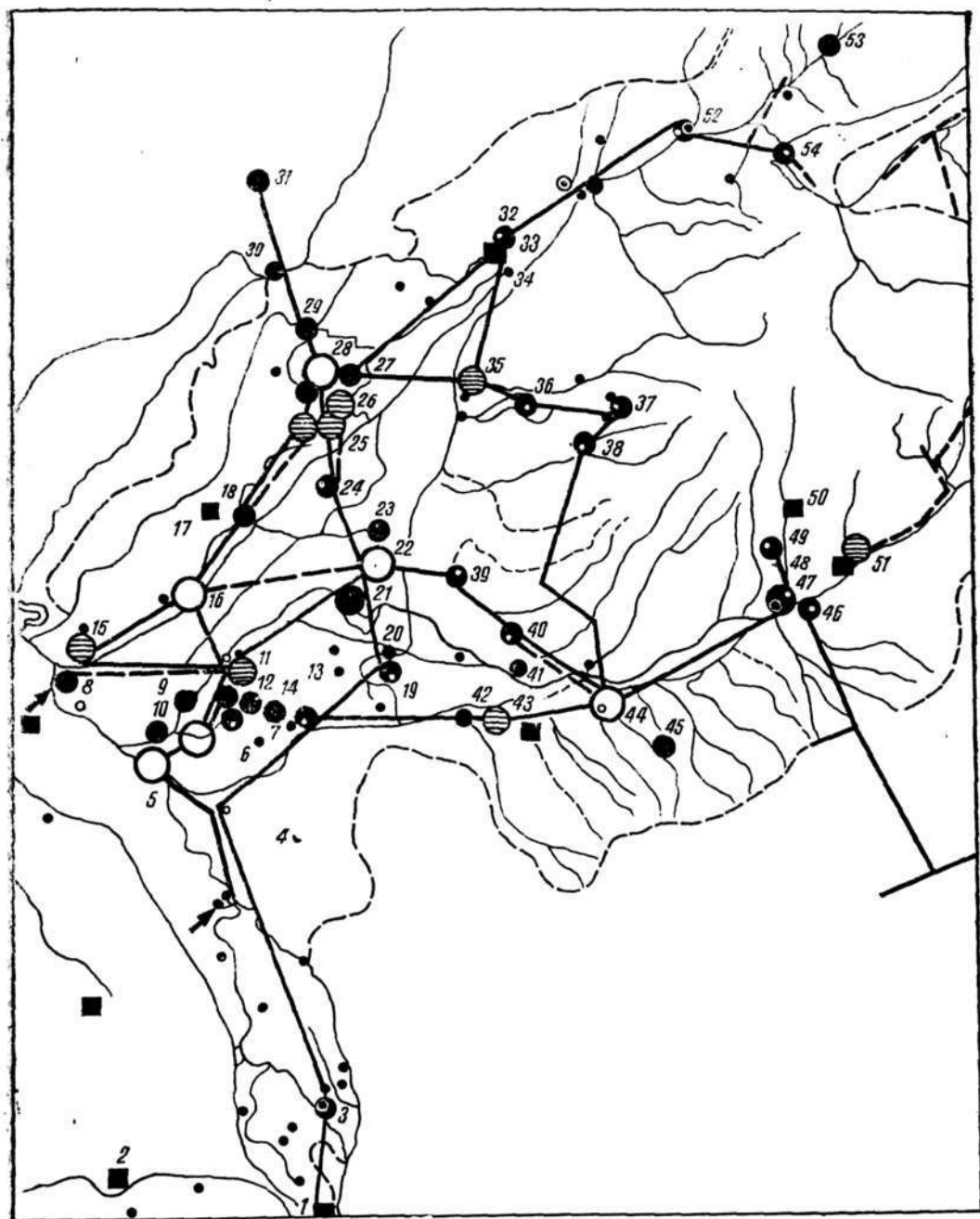

Рис. 15. Карта. Города и поселения Ташкентского оазиса в IX—начале XIII вв. н. э. (условные обозначения те же, что на рис. 13, 14):

1—Бекабад; 2—Янгир; 3—Хас; 4—Кукарал; 5—Бенакет; 6—Хараджкет; 7—Будальтепа; 8—Унджакет; 9—Ошхонатепа; 10—Кыркджанги; 11—Худайнкет; 12—Санчултепа; 13—Василькара; 14—Тепа им. Мичурина; 15—Джинаджкет; 16—Шутуркет; 17—Янгиюль; 18—Данфеганкет; 19—Бисткет; 20—Пскемент; 21—Кендыктепа; 22—Наукет; 23—Ивалектепа; 24—Балаян; 25—Баиункет; 26—Неджакет; 27—Хатункет; 28—Ташкент; 29—Джабгукет; 30—Сарыагач; 31—Газгирл; 32—Парак; 33—Баркуш; 34—Чирчик; 35—Кабарна; 36—Фарнкет; 37—Зеранкет; 38—Намадванак; 39—Пандшхаш; 40—Сакокет; 41—Ахангаран; 42—Дунгулактепа; 43—Туккет; 44—Тункет; 45—Севильтепа; 46—Кухисим; 47—Абрлыг; 48—Ангрен; 49—Дахкет; 50—Янгиабад; 51—Намудлыг; 52—Харджанкет; 53—Шахджуварттепа; 54—Арланкет

ванные пути: транзитные, межрегиональные и внутренние (рис. 15). В источниках описаны два транзитных пути, проходящих из халифата через Чач в страны Юго-Восточной Азии: южный и северный. Южный, названный Истахри «бенакетской дорогой», вел из Согда через Усрушану к реке Чача Сырдарье и затем Бенакету, а оттуда через Харашкет и Худайнкет — в долину Парака к Чинанчкету или Шутуркету и далее вдоль реки к столице Чача. Но основным транзитным путем становится северный. Являясь кратчайшей линией связи между Согдом и Чачем, он проходит через степные районы.

Ответвление северного пути от общего с Ферганским идет перед Джизаком у «рабада Абу Ахмада», затем через Харкану, Джизак, пустынные стоянки у колодцев Хусейна и Хумейда и к христианскому селению Винкерд. Переправа через Сырдарью проходит близ Чинанчкета, где в IX—X вв. вырастает городок Унджакет, жители которого специализировались на лодочном ремесле по переправе товаров и их транспортировке по Сырдарье и Параку, что является ярким свидетельством интенсивного использования этой переправы на северном пути. Из Чинанчкета путь идет в Шутуркет, где сливается с линией южной ветки (557, VII, с. 336).

Из Бинкета путь идет в степные районы и далее на восток к приграничной области Исфиджаб через рабад у Келеса Анфуран и через Газгирд, называемый то селением, то городом. В средневековье этот путь использовался очень активно. «Из Шаша, — читаем мы у Макдиси, — вывозятся высокосортные шагреновые седла, колчаны для стрел и палатки. Кожи привозятся от тюрок и дубятся. И изары (плащи), молитвенные коврики, воротники и льняное семя, отличные луки и плохого качества иглы. Хлопок, который вывозят к тюркам, и одежды, и шелк, и ткани из него, и орешки и орехи» (22, с. 207—208).

Из Южной Усрушаны и Ферганы в оазис шел путь, проходивший через «серебряный рудник Чача». По описанию Кудама, от Ходженды необходимо было идти вдоль «реки Шаша», затем к развалинам, около которых находится пункт, называемый «местом наблюдения», отсюда шли до замка Мухиннан в устье «реки серебряного рудника» (557, II, с. 208). По нашим наблюдениям, этот путь проходил через Куипангазский перевал мимо укрепленного караван-сарая и выходил близ серебряного рудника Лашкерек в долину Нишбашая, в устье которого стоял замок, выросший в X в. в городок Кухисим.

Сырдарья, «река Чача», являлась торговой магистралью, по которой перевозили различные товары и, в частности, «зерно к гузам, когда те живут в мире» (557, VII, с. 265).

В саманидское время угасает ряд укреплений у переправ, как это прослежено на бенакетском пути, хотя вдоль степных отрезков функционируют рабаты, а в горах «пункты выжидания». Потребность в этих пунктах на степных и горных участках еще оставалась. Не случайно, Кудама, описывая этот район, сообщает, что,

двигаясь вдоль реки Шаша к Бабу, «люди не останавливаются в Турмакане, опасаясь тюрок, и проходят эти фарсахы (это расстояние) днем и ночью (557, VI, с. 208). Однако основные караванные пути были более спокойными и трехдневный путь из Бинкета в Исфиджаб через степь перерос в четырехдневный (557, VII, с. 345), а дневные расстояния переходов стали приближаться к обычным для Согда.

Основной из внутренних путей оазиса связывал столицы Чача и Илака. Караваны проходили в Тункет через города Нуджкет, Балаян, Наукет, Панджаш, Шавкет в течение двух дней с остановкой в Наукете. Один путь из столицы Чача вел в горные районы через Хатункет, Баркуш, Харджанкет (557, VII, с. 345) и далее в долины Бисткама и Джидгиля к Ардланкету. Несколько внутренних линий прослежены по археологическим материалам. Это путь из Харашкета в Наукет и Тункет, из Тункета — в горные районы, где он соединяется с путем в Семиречье и Фергану, а также путь из Чача в Илак через Кабарна, Фарнкет, Зеранкет, Намадванак мимо сардобы Кайнара к Тункету. Возможно, об этом пути сообщает Истахри при описании городов между реками Паракон и Илаком: «Дорога к Илаку в направлении на восток: от Бинкета и Джабгукета — два фарсахы и до Фарнкета — два фарсахы, а от Анузкета — один фарсах. И Кедак, Гадранк и Кабарна, Газак, Вардак и Джебузан — все они расположены на расстоянии одного дня пути» (557, VII, с. 247). В западной части оазиса через Бискет и Хас проходит равнинный путь в Ходженду и Фергану.

Густая сеть транзитных и местных линий доказывает, что Чач не был просто перевалочным пунктом, хотя и эта функция выполнялась определенными городами с формированием специальных профессий (лодочники и др.). Он известен как экспортер ряда товаров. Другие города славились базарами, определенной продукцией ремесленного производства, в частности Бенакет — туркестанскими тканями, Шутуркет — крытыми базарами. Исходя из этого мы полностью поддерживаем предположение о том, что транзитные караванные пути Мавераннахра в то время фактически представляли собой внутренние торговые линии.

О широкой товарности ремесла свидетельствуют многочисленные монеты и клады из городов и поселений. Известно более 30 кладов монет, самый крупный из которых весом около 11 кг серебра поступил из Чинанчкета. Отмечается три категории монет: золотые динары, серебряные дирхемы и медные фельсы. Основой денежного обращения Мавераннахра считалось серебро, в котором измерялась и золотая, и медная монета. Серебро чачских рудников было высокого качества и широко шло в страны Закавказья (485, с. 208), Восточную и Западную Европу. В то же время, как отмечал М. Е. Массон, в монетном хозяйстве Саманидов отсутствовала четкость и стройность. Это показал просмотр в нумизматических коллекциях дирхемов, фельсов и отчасти динаров, которые

не исчерпывали собой даже половины количества разнообразной монеты, не считая притока иностранной, которая выбивалась и обращалась в саманидских владениях одновременно с общегосударственными стандартными сериями (346, с. 188—190).

Денежное обращение отдельных областей имело свои особенности. По данным Якута и Ибн Хаукаля, жители Бухары употребляли в торговле дирхемы, динары же служили товаром (91, с. 19; 346, с. 189). Иным было положение Чач-Илака. По сообщению Ибн Хаукаля, в Илаке был монетный двор, выпускающий золотые и серебряные монеты, «и обращаются здесь многочисленные деньги из этих двух видов монет вместе». И если и здесь они принимались на вес, это не мешало им выполнять определенную роль в денежном обращении (200, с. 105—109). Наряду с ними обращались черные дирхемы мухаммади, мусейяби, гитриффи, которыми оплачивались налоги в казну.

В местном обращении использовались медные монеты — фельсы. В саманидское время основные монетные дворы располагались в Бинкете и Тункете. Кроме того, упоминается чекан мадины Шаша, Илака и «мааден аш-Шаша», Наукета и в караханидское время — Бенакета. Высокий уровень городской жизни свидетельствует не только о развитии ремесленного производства, но и товарности сельского хозяйства. О. Г. Большаков отмечает, что в Мервском сазисе и Илаке не хватало собственной сельскохозяйственной продукции (73, с. 268), недостаток которой, вероятно, восполнялся селениями равнинного Чача и отчасти Северной Ферганы. Широкие торгово-экономические связи способствовали росту культурного влияния Чача на районы Средней Сырдарьи. Не случайно Истахри включает в его состав на севере область от Исфиджаба и Отрара вплоть до Тараза включительно (557, VII, с. 295). Скорее всего это объяснялось культурно-экономическим влиянием, но не политическим господством.

Источники X—XII вв. донесли до нас значительно больше сведений о быте и культуре жителей Чача, чем для предшествующего времени. Так, из них мы узнаем, что прекрасно говорили на персидском, а чачский язык назывался «лучшим из языков Хайтала» (557, III, с. 198, 335—336). Ж. Лазар, исследовавший диалекты языков населения X—XI вв., полагает, что «за исключением трех языков — согдийского, хорезмийского и языка Чача, которые этот географ (Мукаддаси.— Ю. Б.) характеризует как самостоятельные, все остальные упомянутые им наречия определенно являются лишь местными формами общего языка» (289, с. 176). Топонимика городских пунктов свидетельствует о распространении тюркских языков.

Значительные изменения происходят в религиозных верованиях. Под действием господствующей верхушки и давлением арабских правителей начинает насаждаться ислам. По сообщению Мукаддаси, жители Чача и Илака были шафиитами, и управление в этих местах было того же типа (557, III, с. 323).

Сторонником и распространителем этого же толка являлся умерший в Бинкете в 976—977 г. Абу Бакр Мухаммад Каффаль Шоши. О мусульманской школе Чача упоминает Субки, приводящий сообщение богослова Абу Хатыма (ум. в 965 г.), который «прослушал тысячу учителей от Шаша до Александрии» (365, с. 169).

Однако насаждение мусульманства сопровождалось недовольством со стороны населения, особенно в Илаке, среди жителей которого даже в X в. было много сторонников идей движения Муканны.

Возможно, это объяснялось более тяжелым положением населения богатой рудной провинции: «Хотя в Илаке, — сообщает автор Худуд ал-Алема, — поселения возделанные и процветающие, но народ имеет мало богатств» (583, с. 117).

Приведенные материалы раскрывают высокий уровень развития ведущих ремесел, в первую очередь металлургии и металлообработки, ткацкого, гончарного, строительного ремесла, а густая сеть транзитных и локальных путей свидетельствует о товарности хозяйства и закономерности активного роста городской культуры и урбанистического потенциала в целом.

Глава VII. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧАЧА И ИЛАКА

Исследования историков и географов приводят к выводу, что город как структура расселения человека, его экономическая и административно-политическая роль в жизни региона находятся в прямой зависимости от ряда показателей: масштабов, характера внутренней планировочной структуры, т. е. степени плотности его застройки, географического положения по отношению к источникам сырья, водным артериям, торгово-экономическим линиям. Из них складывается наиболее важный критерий города — его населенность, а также ремесленно-торговый характер, что служит главным показателем в определении его экономического и культурного потенциала.

Археологи для оценки экономического и социально-политического потенциала городов при характеристике уровней урбанизации отдельных регионов Средней Азии неоднократно применяли статистический метод их классификации (81, с. 30—33; 220, с. 11—12, 19; 440, с. 25; 542, с. 166). Группировка проводилась лишь по отдельным признакам, главным образом, размерам, а классификация — интуитивно. В основном города делились на три группы: крупные, средние и мелкие, однако границы их у авторов различны. Например, средние города градации одних исследователей относились к группе мелких и т. д., что, естественно, затрудняет сравнение типологических групп. Однако существуют объективные методы сравнительной статистики. Так, в экономической гео-

графии для оценки роли городов в социально-экономическом потенциале страны применяется комплексный метод оценки масштабов, плотности застройки и населенности пунктов, позволяющий выработать закономерность системы их иерархических связей по принципу ранг-размер — крупных городов к более мелким (520, с. 402—409).

Данная закономерность может быть использована при сравнительной оценке городов более ранних эпох. В определенной мере она использовалась В. Кристаллером при разработке системы связей феодальных городов (561).

Для Чача мы применили сравнительный анализ городских пунктов по нескольким показателям: размерам территории, типам планировки, степени застройки и населенности.

Сравнительная характеристика по размерам. Она проведена по принятой в экономической географии системной основе, в которой совокупность городов представлена в виде их взаимосвязанной последовательности от самых крупных до самых маленьких. Формализованная гистограмма, построенная на базе их общего количества путем ранжировки от крупного к мелкому, дает нам типологический ряд из шести ранжирных порядков:

<i>Город порядка</i>	<i>Размер, га</i>	<i>Пункт</i>
Первого	400—200	1
Второго	Менее 200—100	5
Третьего	100—50	5
Четвертого	50—25	5
Пятого	25—12	15
Шестого	12—5	24

Данная классификация более объективна. Для удобства сравнения с имеющейся в литературе типологией мы можем свести шесть ранжирных рядов чачских городов в три группы по два разряда: крупные города площадью от 100 га и выше, куда включаются шесть пунктов, средние города площадью 25—100 га — 10 пунктов и мелкие города площадью менее 25 га — 39 пунктов. Однако эта формализованная гистограмма не отражает динамики развития городов. Более объективную характеристику процессов урбанизации мы можем получить на основе данной классификации при рассмотрении городов по этапам.

Для древнего этапа из 13 пунктов к крупным центрам может быть отнесена лишь Канка, к средним городам — 4 пункта: Кавардан, Кульата, Каунчитепа, Кендыктепа, к мелким — остальные 8 пунктов (рис. 16, а, б). Количественное соотношение — соответственно 7,7; 30,7 и 61,6%. Но совершенно иная картина получается при подсчете урбанизированных площадей. Из общей площади, занятой городами этого времени в 416 га, на долю столицы приходится 36%, средние города занимают 41%, а мелкие — 23% городской территории (см. рис. 16, в).

В экономической географии при определении путей развития городской жизни отмечаются два направления по размерам горо-

дов: приматный, когда резко выделяется один центр жизни страны, и полицентрический, когда формируется группа одинаковых или близких по размерам городов.

Для древнего этапа Чача четко намечается приматный путь. Столица владения является основным и экономическим, и политическим центром, резко выделяющимся среди всех городов региона.

Ярко выраженную аналогичную картину пути мы наблюдаем в Северной Бактрии и Согде, где столичные центры — Термез площадью в 500 га, Самарканд — площадью более 200 га, Ер-

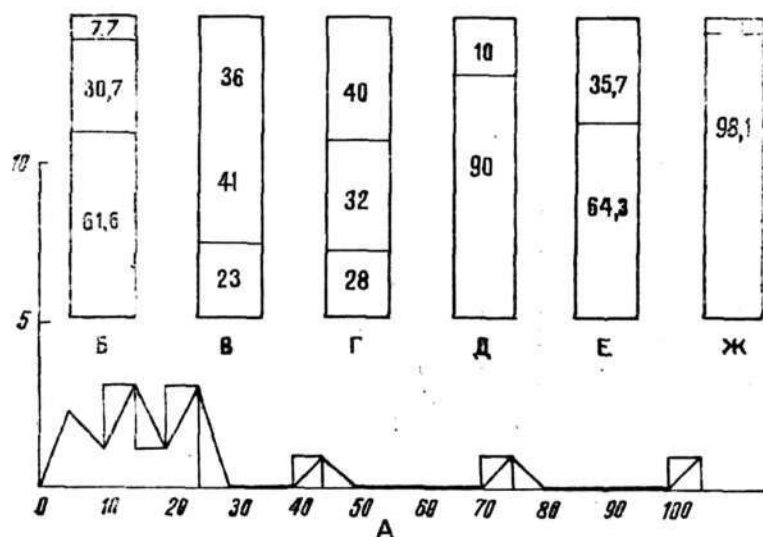

Рис. 16. Диаграмма уровня и соотношения элементов городской и сельской жизни в Ташкентском оазисе в III в. до н. э.—V в. н. э.:

А—гистограмма городских пунктов по площадям; Б—соотношение количества городов по категориям; В—соотношение площадей городов по категориям; Г—соотношение населения городов по категориям; Д—соотношение количества городов и поселений; Е—соотношение городского и сельского населения; Ж—соотношение городских и сельских площадей

курган — площадью в 160 га превышают остальные города на несколько порядков.

В Фергане же наблюдается иной путь урбанизации. Крупные города по сравнению с другими регионами невелики: 10—40 га (220, с. 19), причем имеется несколько городов одного ранга при отсутствии единого центра. Здесь развитие городов явно полицентрично.

В эпоху раннего феодализма происходят определенные изменения. Количество городских пунктов увеличивается в 2,5 раза. Одновременно меняется соотношение групп (рис. 17, а, б). На определенном этапе даже Канка переходит в разряд средних городов, ограничиваясь стеной на площади 45 га, но затем она вновь разрастается до прежних размеров. К концу этапа в Чаче один крупный город, пять средних и 26 мелких пунктов, что составляет 3, 16 и 81% (см. рис. 17, в). Иными словами рост урбани-

зации происходит в первую очередь за счет появления мелких городских пунктов.

Процесс уменьшения городской территории крупных центров не является локальной чертой Ташкентского оазиса. Это отмечается и для столицы Согда, а также Термеза и Варахши, площадь которых сократилась соответственно до 20 и 19 га. По древним источникам, площадь Касана — столицы Ферганы — составила всего 4 ли, Кеша — 2 ли, т. е. в 2, 5 и в 5 раз меньше столицы Чача.

Таким образом, материалы Ташкентского оазиса подтверждают точку зрения о том, что развитие городов Средней Азии в период

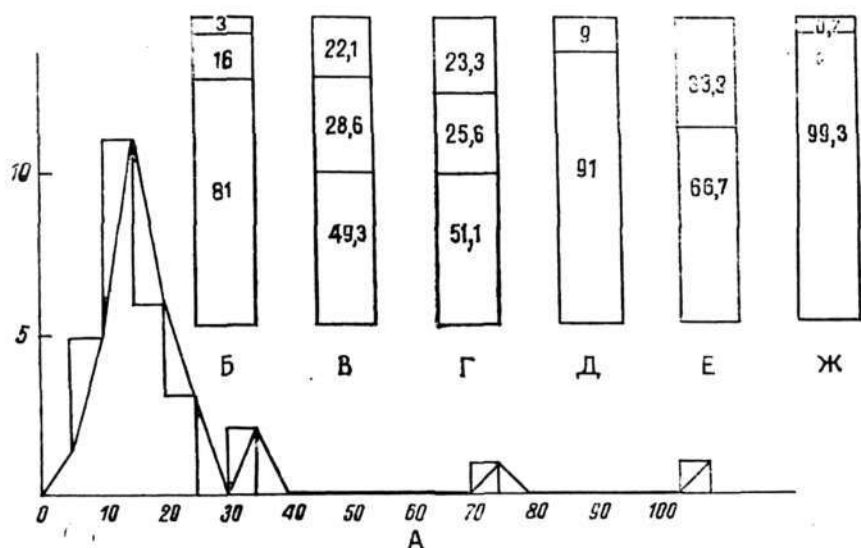

Рис. 17. Диаграмма уровня и соотношения элементов городской и сельской жизни Ташкентского оазиса в VI–VIII вв. н. э. (условные обозначения те же, что и на рис. 16)

раннего феодализма продолжается, но в основном за счет мелких пунктов. В то же время начинает нарушаться принцип приматного развития.

Во-первых, крупнейший центр уже занимает значительно меньшую часть в общей урбанизированной территории региона. Во-вторых, в противовес ему в среднем течении Чирчика в районе Ташкента появляются средние и малые города, по площади почти не уступающие древнему ядру. Характерно, что и «мадина Чача» — новая столица является средним по размерам городом, а столица Илака Тункет — малым. Но меняется не только роль крупнейшего центра. И средние города занимают уже не 41% урбанизированной территории, как в древности, а лишь 28,6%. Основную часть территории занимают мелкие города — 49,3%.

В последующий период количество городов вырастает почти вдвое, а территория — в 3–5 раз (рис. 18, а, б, в). Причем рост идет в основном за счет крупных городов. Самый значительный

из них — Бинкет, по определению средневековых авторов, занимал площадь фарсах на фарсах и, по мнению исследователей, был одним из крупнейших городов Средней Азии, следуя сразу за такими центрами, как Мерв и Самарканд. Общая площадь его определяется О. Г. Большаковым в 1300—1400 га, но густо обжитая территория в пределах внутреннего рабада составляла 350—400 га (73, с. 198, 267). Вероятно, эта плотно обжитая площадь и принималась средневековыми авторами при сравнении с другими городами оазиса. По Истахри, Харашкет являлся вторым городом, затем шел Шутуркет. По Мукаддаси, Шутуркет почти равен Бинкету, а Бенакет близок к Шутуркету. По нашим же данным,

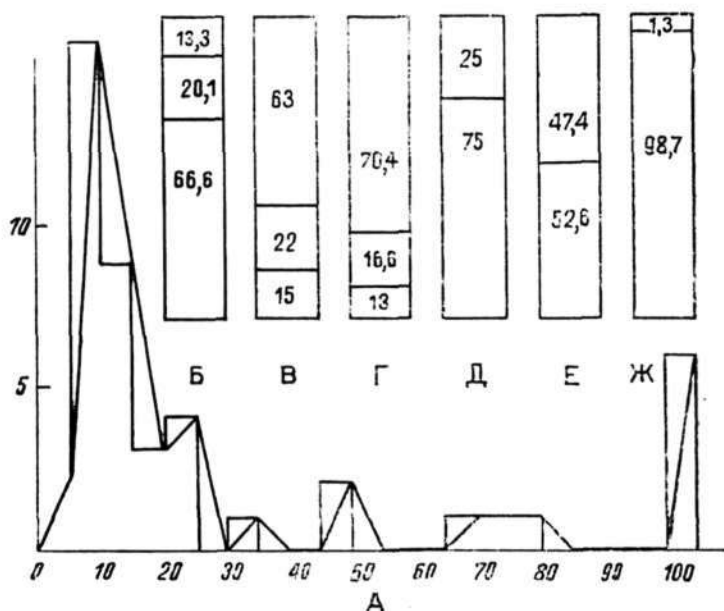

Рис. 18. Диаграмма уровня и соотношения элементов городской и сельской жизни Ташкентского оазиса в IX—начале XIII вв. н. э. (условные обозначения те же, что и на рис. 16)

Харашкет с рабадами занимал более 200 га, в то время как площадь Бенакета даже в период максимального расцвета не превышала 140—150 га.

Рассмотрим принципы планировки городов. Для древнего периода Чача мы отмечаем два основных типа планировки городов. Первый представлен в основном ранними городами, вырастающими вдоль Сырдарьи, четких геометрических очертаний (квадрат, прямоугольник) с цитаделью так же квадратной или прямоугольной вдоль одной из стен, т. е. укрепления возводятся по определенному плану, опирающемуся на каноны строительства античных крепостей.

Фортификация городов первого типа сложна. Она представлена возведенными на стилобатах монументальными стенами с башнями, обводными коридорами, системой рвов с перекидными

мостиками. И отдельные детали, и общий высокий уровень фортификации сближают их с городами древнеземледельческих регионов Средней Азии. В Согде башни овальной формы, сложенные из квадратного кирпича, характерны для раннего периода Варахши (242, с. 109, 128; 537, с. 40). В Парфии они известны со II в. до н. э. (270, с. 70).

Иную планировку имеют городские пункты второго типа, вырастающие в глубине оазиса. Конфигурация их стен неправильная, чаще всего зависит от рельефа местности. Цитадели в основном округлые. Фортификация этих городов представлена в основном одинарной стеной из кирпича прямоугольного стандарта, иногда из пахсы в сочетании с кирпичом. Башни либо отсутствуют, либо разнотипны. Крытый обводной коридор пока не встречен.

Два типа планировки городов известны для античного Хорезма. Е. Е. Неразник отмечает, что крепости правильных очертаний, предполагающие определенные архитектурно-строительные навыки (Хазарасп, Джанбаскала), уводят к древним оседло-земледельческим цивилизациям Средней Азии. Пункты с неправильной конфигурацией контуров, следующих рельефу холма (Кюзелигыр), сопоставляются с сакскими поселениями (385, с. 35). Применение башен разной формы мы встречаем в городищах джетыясарской культуры, в частности на Бидайикасаре. С сакской архитектурой бассейна Сырдарьи может быть сопоставлен и круглый план цитаделей городов второго типа Чача. Этот тип находит отражение и в планировке древних поселений оазиса.

Значительно сложнее вопрос о внутренней структуре и характере застройки городов. Можно считать обязательным по меньшей мере двухчастное деление города (цитадель, шахристан), причем цитадель располагается и в углу шахристана, и вдоль какого-нибудь фаса, и даже вне его. В качестве сравнения можно отметить, что в Бактрии выделяется тип городов, не имеющих оборонительных стен (440, с. 25), и бесцитадельные города (542, с. 166). Характер застройки без фундаментальных раскопок определить невозможно. Как показывают предварительные исследования, для городов первого типа более характерна плотная застройка.

Структура городов второго типа неодинарна. В пунктах, расположенных на западной окраине оазиса, она приближается к застройке и городов первого типа. В городах в глубине оазиса наряду с плотно обжитыми участками встречаются обширные территории, почти не сохранившие остатков стационарной застройки.

В период раннего средневековья в планировке городов происходит определенная нивелировка. Доминирующую роль играет оборонительная функция. Поэтому города застраиваются в первую очередь с использованием рельефа, часто повторяя конфигурацию избранной площади. Крепостные стены упрощенных конструкций чаще двойные, иногда без башен, но очень монолитны. Одинарная стена сохраняется как анахронизм, в основном, в го-

родках горных районов. Возрастает роль цитадели, которая окружается двойной стеной, иногда с башнями и ловушками.

Структура раннефеодального города в основном двухчастная, однако на завершающем этапе вокруг шахристана начинает разрастаться рабад. Эта картина подтверждается материалами городов соседних регионов. Плотность застройки в них и густая, как в Куве (114), и более разреженная, как в Пянджикенте (73, с. 44).

Наиболее значительные изменения в планировке городов происходят в IX—XII вв. Наряду с бурным территориальным ростом меняется и структура. Наиболее характерной, хотя и не обязательной, является трехчастная структура с цитаделью, шахристаном и рабадом. Однако есть города, не имеющие рабада (Джабгукет), или с небольшим рабадом (Харашкет), города без четко выраженной цитадели (Абрлыг) с очень нечеткой границей или отсутствием таковой для шахристана и рабада (Абрлыг, Намудлыг, Фарнкет, Шахджувартепа).

Оборонительные сооружения шахристанов и цитаделей, выполняющих в саманидском государстве не столько крепостные, сколько административные функции, становятся не столь обязательным элементом. Известны факты, когда правительство сознательно не поддерживало их (Бенакет). Стены шахристанов Бинкета и Харашкета одинарные, пахсовые. Относительно внутренней структуры городов есть предположение, что планировка их, особенно вновь возводившихся частей, регламентировалась определенными канонами (210, с. 77—78). Примером может служить Бинкет.

Планировка городов в предгорных районах была более свободной.

В Караханидское время начинается более плотное освоение шахристанов и цитаделей. В ряде городов восстанавливаются и ремонтируются стены. В Ташкенте обживаются площади, пустовавшие в IX—X вв. В некоторых случаях ремесленные мастерские вырастают на материке (210, с. 78). Застройка сопровождается перепланировкой улиц, реконструкцией систем внутригородского водоснабжения.

Значительно сложнее решается вопрос о структуре рабада. С расцветом средневекового города рабады с базарами и ремесленными кварталами превращаются в его крупную составную часть. Поэтому, говоря о рабаде, исследователи обычно подчеркивают его ремесленно-торговый характер. Это справедливо лишь отчасти. Формируясь на первых порах как ремесленное предместье, рабад в процессе роста частично меняет свою структуру. Население его включает не только ремесленников и купцов, но и феодальную знать, имеющую дома в городе и усадьбу в пригороде. Кроме того, рабад играет важную сельскохозяйственную роль в жизни основного контингента горожан. В нем размещаются летние дома, сады, огороды, а зачастую и поля горожан, черпавших здесь часть запасов продуктов на зиму.

Материалы О. А. Сухаревой показывают, что в XIX — начале XX вв. в Самарканде на лето в пригород выезжало до 70—80% жителей. На летней усадьбе, окруженной садом, зачастую не было капитальных построек, так что при раскопках здесь мало что можно обнаружить (481, с. 74). Н. Г. Маллицкий, описывая ташкентские кварталы — махалля, отмечает и пригородные — мауза с садами и пашнями, часто носившие одноименные названия, так как они принадлежали жителям махалли (319).

Истоки этой традиции, нам кажется, следует искать в формах развития рабада с густой ремесленной и разреженной сельскохозяйственной территорией или формировании второго, внешнего рабада. Мы считаем, что именно к этой части относится описание средневековыми географами почвы и урожаев городов (за исключением случаев, когда подразумевается вся территория округа, центром которого был данный город). Ибн Хаукаль, сообщая о столице Усрушаны Бунджикате, пишет в частности, что его базары находятся и во внутренней мадине, и в рабаде. Стена рабада охватывает примерно фарсах и включает сады, виноградники и посевы. Все, что по эту сторону стены, причисляется к городу, что вне ее, относится к рустаку (91, с. 21).

Еще более характерен в этом плане Самарканд. Из описания ибн ал Факиха можно понять, что входящие в рабад пересекали площади полей и садов и после этого оказывались в густо обжитом рабаде, через который попадали в мадину (557, V с. 325—326). Из чачских городов самые большие рабады имела его столица. Они развивались вдоль Чирчика на юго-запад по согдийской дороге, придавая Бинкету вид зеленого города с разреженной застройкой, хотя археологические раскопки во внутреннем рабаде показывают высокую плотность и ремесленный характер застройки. Теснее связаны с сельской округой мелкие городки, в которых менее чувствуется плотная застройка, рабад же зачастую настолько сливается с сельской округой, что трудно отделить их границы.

Наиболее значительным критерием города в иерархической системе экономики региона является его населенность. Этот показатель важен и с точки зрения общего развития трудовых ресурсов, и в плане соотношения городского и сельского компонентов, и как фактор определения соотношения общего населения с количеством пищевых ресурсов — показатель производительности труда определенной хозяйственной системы.

Именно количество населения служит барометром истинной величины и социально-экономической значимости города и уровня палеоэкономики изучаемого этапа в целом. Это неоднократно подчеркивалось для разных эпох археологами, историками, экономистами (73, 256, 201, с. 111). Однако получить объективные данные о населении городов Востока на основе письменных данных невозможно, так как встречающиеся цифры случайны и противоречивы. Значительный разнобой в оценке населения горо-

дов вызван, с одной стороны, не всегда критическим использованием источников, с другой — недостаточным фактическим материалом. Развернувшиеся в последние десятилетия широкие археологические раскопки с вскрытием целых жилых кварталов общественных комплексов, некрополей дают определенные материалы для объективного учета населенности городов и поселений. Исходя из этого, можно выделить два основных метода определения населения. Первый основан на массовом вскрытии некрополей и расчете по их составам населения с учетом среднего возраста жителей. Пути развития палеодемографического метода на основе антропологии и его недостатки рассмотрены И. Л. Энджелом (555, с. 427—435). Нами этот метод применен при исследовании городища Утурлытепа на северо-западной окраине Чача в левобережье Сырдарьи (149, с. 91). Однако он чрезвычайно сложен, так как требует полного вскрытия некрополей, что осуществить практически невозможно.

Второй метод основан на широких планиграфических раскопках жилых кварталов и подсчете населения по двум показателям — городской территории и плотности застройки. Расчет населения по этим показателям применен и в этнографии, и в археологии (479, с. 79). Для средневекового города Средней Азии наиболее последовательно он использован О. Г. Большаковым (73, с. 257—258). Сложности применения этого метода детально показаны Е. А. Давидович (201, с. 111—114).

Применение второго метода представляет значительные трудности ввиду колебаний плотности, зависящих от таких показателей, как функции пункта, контингент оседающего населения и т. д. Поэтому определенную разницу будет представлять, например, плотность населения городов таких регионов, как Согд и Семиречье, и городов в пределах одного региона (Харашкет и Намудлыг в Чач-Илаке). Однако при всех недостатках и субъективных выкладках этот метод более эффективен, чем случайные данные письменных источников. Даже при наличии определенных погрешностей его последовательное применение дает возможность выработать сравнительную характеристику городов и регионов в пределах страны. Поэтому он использован нами с проверкой, где это возможно, этнографическими материалами.

Для древнего периода мы отмечали два типа застройки городов. Рассмотрим населенность городов первого типа.

На основе раскопок Топраккалы в Хорезме Е. Е. Неразик определяет среднюю плотность населения внутри городской стены в 40 домов или 200 чел. на 1 га. О. Г. Большаков для Пянджикента выделяет для шахристана более плотные участки с застройкой на 90% и менее плотные с застройкой на 70%. Мы принимаем для всех городов оазиса второй показатель. Приводимые ниже цифры по городам считаем минимальными. Они исчислены по результатам работы над микрорельефом городов с учетом мест более плотной и разреженной застройки с находками материалов данного времени.

На Канке из 150 га плотно заселена площадь I и II шахристанов и южная часть шахристана-III площадью в 100 га. При 70%-ной застройке ее жилыми домами площадью в 200 чел. на 1 га население этой части составит не менее 14—15 тыс. чел. Если для остальных 50 га более разреженной застройки мы примем условно вдвое меньшую плотность, население этой части составит около 5 тыс. чел., что составит для города 19—20 тыс. чел. К ряду городов с аналогичной плотностью заселения относятся следующие города, площадь которых и население соответственно достигали таких цифр: Шахрухия — 22 га и 3,1 тыс., Турткультепа — 1,16 га и 2,25 тыс. чел., Турткультепа — 2,15 га и 2,1 тыс. чел., Дальверзинтепа — 13 га и 1,8 тыс. чел., Мингурюк — 10 га и 1,4 тыс. чел., Актобе — 2,8 га и 0,6 тыс. чел.

Иная структура у городов второго типа. В Кавардане из 75 га плотная застройка лишь в пределах 25 га. Население этой части при 200 чел. на 1 га составит при 70%-ной застройке жилыми домами 3,5 чел. Для остальных 50 га мы принимаем вдвое меньшую плотность. Общее население города не более 6 тыс. чел. На Кульата плотное ядро составляет 12 га, остальная территория в 33 га также более разрежена. Общее население исчислено в пределах 3,35 тыс. чел. Аналогичным образом население Каунчитепа определено в пределах 3 тыс., Кендыктепа — 3 тыс., Шаматепа — 1,12 тыс., Аккурган — 0,6 тыс.

Таким образом, все городское население Чача для данного этапа предварительно определено в пределах 45—50 тыс. чел.

В период раннего средневековья происходит некоторая интеграция, хотя предложенная для древности группировка отчасти сохраняется. Мы также выделяем две группы, но уже не по конфигурации и топографии, а исключительно из учета плотности обживаемой территории. Первая включает более плотно застроенные и в перспективе разрастающиеся пункты, связанные с караванными путями или сырьевыми ресурсами. Для них принята плотность, вычисленная О. Г. Большаковым по раннесредневековому Пянджикенту с индексом 70%-ной застройки жилья.

Вторая группа представлена городами, которые либо затем прекратили свое существование, либо, не имея тенденции к росту, законсервировались в размерах, либо выросли очень незначительно. Население их оставлено в пределах древнего периода или исчислено по плотности учета более разреженных территорий, вдвое меньше плотной. Канка площадью в 150 га определена в пределах в 20—27 тыс., Кавардан — в 6—7, Мингурюк — в 5, Ханабад — 4,75, Каунчитепа — в 3, Кендыктепа — в 3, Шаркия — в 3,1, Югантепа — в 2,8, Улькантайтепа — в 2,8, Иски Ташкент — в 2,8, Аката — в 2,5, Имлак — в 2,5, Турткультепа-1 — в 1—2,1, Кульата — в 2,1, Турткультепа-2 — в 2,1, Кыркджанги — в 2,1, Кулактепа — в 2, Дальверзинтепа — в 1,8, Чиназтепа — в 1, 7, Тепа в с-зе Мичурина — в 1,7, Шаматепа — в 1,7, Безымянное — в 1,7, Севильтепа — в 1,6, Ногайкурган — в 1,6, Ошхонатепа — в 1,6, Ту-

гайтепа — в 1,3, Майтепа — в 1,25, Аккурган — в 1,7, Актепа — в 1, Шаушукумтепа — в 1, Ишкурган — в 0,7, Мазарттепа — в 0,6 тыс. чел.

В целом городское поселение оазиса предварительно определяется в пределах 85—90 тыс. чел.

Наиболее значительные изменения происходят в IX—XII вв. Территория городов увеличивается в три-пять раз. Меняется внутренняя структура. Особенно значительна разница в застройке шахристана и внутреннего рабада с застройкой внешнего. Размеры городских домовладений колеблются от 66 до 1500 м², средняя плотность на 1 га составляет 40—50 домов (213, с. 176—177). Значительно сложнее определить население плотно и редко обжитых участков рабадов.

Необходимо учитывать, что одна и та же группа горожан могла жить зимой в шахристане и внутреннем рабаде и летом — во внешнем рабаде. В то же время определенные участки внешнего рабада обживались постоянно.

Наибольшие трудности вызывает определение населения столицы Чача Бинкета. О. Г. Большаков считал его равным 23—25 тыс. чел., исходя из чего плотность населения на 1 га внутреннего рабада города определена в 10 домов.

Однако статистические материалы 1868 г. дают для той же территории Ташкента 11 518 домов с населением 41 799 жителей. О. Г. Большаков считает эти данные неточными, так как численность населения, исходя из такого количества домов, должна составить не менее 50 тыс. (73, с. 267), а точнее, даже при среднем составе семьи в 5 чел. — 57,6 тыс. Более точные данные 1870 г. фиксировали 14 222 домовладения с населением 76 тыс. чел. (356, с. 6). Средний состав семьи составлял 5,3 чел. Несколько иные данные содержатся в материалах Н. А. Маева: 9171 домовладение с населением 43 382 чел. (316, с. 265—166).

Однако здесь налицо две крупных неточности. Во-первых, при подсчете населения кукчинской части на 2511 дворов отведено всего 2088 жителей (316, с. 265), тогда как при среднем составе 5,3 чел. должно быть не менее 13 тыс. Во-вторых, не включено население пригородов. Если учесть эти данные, сведения обоих справочников оценят население города в 75—79 тыс. чел. Таким образом, по сравнению с данными О. Г. Большакова для одной и той же территории реальная цифра населения XIX в. вырастает более чем втрое, причем считать, что резко уплотнилось заселение мы не можем, так как наряду с плотно обжитым ядром в Ташкенте XIX в. оставались обширные пригородные земли — мауза, занятые садами и посевами.

Рассмотрим структуру средневекового Бинкета. Из 1400 га более плотно обжиты шахристан и внутренний рабад — 350—400 га. Население шахристана при плотности 230 чел. на 1 га составит 5 тыс. чел. Если даже принять плотность остальной территории равной 50% шахристана, население ее составит 40—45 тыс. чел. При

условии заселения внешнего рабада даже из расчета 1 дом на 1 га его население можно определить в 5 тыс., а всего для города — 50—55 тыс. чел. Эту цифру следует считать минимальной для Бинкета.

Население остальных крупных городов по этой же методике определяется для Харашкета, Наукета, Шутуркета, Бенакета в 21—24 тыс. чел., для Тункета — в 15 тыс. Население средних городов по этой же методике подсчета колебалось от 7 до 10 тыс. чел. Малые городки могут быть разбиты на 4 группы: пункты площадью от 20 до 25 га с населением 2—3,5 тыс. чел.; площадью от 15 до 20 га — с населением 2—2,5 тыс. чел.; площадью 10—15 га — с населением в пределах 1,5 тыс. чел. и менее 10 га — с населением в пределах 1 тыс. чел. В целом городское население оазиса определялось в размере 250—270 тыс. чел.

Важную роль для динамики урбанизации региона могло бы сыграть сравнение городского и сельского населения, однако определение последнего при неполной датировке памятников и неизученности внутренней структуры сельских поселений представляет еще большие трудности, чем для городов.

Поэтому предлагаемые нами ниже материалы, основанные на данных археологической карты оазиса и этнографических параллелях, носят характер рабочей гипотезы соотношения двух важнейших групп населения. В статистических выкладках 1870 г. для Кураминского уезда приведены две цифры негородского населения. Первая включала 26 731 сельское домовладение и 11 684 юртовладения скотоводов с общей численностью населения 195 685 чел. (356, с. 6) и вторая — 40 862 двора и кибитки с населением 286 034 чел. (356, с. 24—25).

При первом показателе средний состав семьи составит 5,1 чел., в том числе земледельческое население 136,7 тыс. чел., скотоводческое — около 60 тыс. Второй показатель не дает данных для разделения этих негородских групп. Количество обработанных земель с садами и огородами 66,3 тыс. дес., в том числе под посевами 63,6 тыс. дес. Если принять за исходную первую цифру, средняя плотность сельского населения составит примерно 2 чел. на 1 га. Следует отметить, что условия обработки земли в XIX в. мало изменились по сравнению со средневековыми, и данная плотность, как минимально необходимая для обработки сельскохозяйственных угодий, может быть принята для IX—XII вв. Вряд ли она была больше в раннесредневековый период, когда имелась возможность развития посевных земель вширь. Для древнего периода плотность должна быть несколько выше, учитывая определенный прогресс земледелия в феодальную пору, связанный с введением плуга. Однако за неимением точных данных мы вынуждены оперировать единой статичной цифрой среднего населения из расчета 2 чел. на 1 га поливных земель для всего рассматриваемого периода.

Общие закономерности урбанизации Чача. Системная характеристика типов расселения, пунктов производственной деятель-

ности, торгово-экономических связей в сочетании с разработкой методики определения характера поселения, их размеров и населенности, позволяет рассмотреть иерархию экономических связей, роль и место определенных пунктов в единой социально-экономической системе региона, выявить состояние хозяйственной системы, палеоэкономику определенного этапа, проследить пути урбанизации в динамике их развития, систему связей пунктов различных категорий.

Проведенная в свое время Р. Адамсом системная характеристика оседлых пунктов бассейна р. Диалы близ Багдада позволила ему выявить динамику заселения оазиса, развития городской культуры, общие тенденции социально-экономических изменений. Правда, исследование сопровождалось рядом допущений. Среди наиболее важных следует допущение о том, что поселение считалось полностью обжитым и непрерывно функционировавшим во все периоды, для которых найден материал. Это не давало возможности проследить динамику развития пункта, а являлось отражением лишь этапа его максимального или позднего освоения. Второе допущение — о компенсации площади поселений за счет их возможного разрушения и аллювизации, на что прибавляется до 20% (552, с. 125). Третье связано с реконструкцией ирригационной системы при наличии памятников (552, с. 119).

Учитывая, что подобные допущения могут серьезно исказить информацию, мы пытались выявить жизнь пунктов расселения и производственной деятельности населения региона в динамике их развития.

Как отмечалось выше, для древнего этапа при выделении 13 поселений городского типа общая урбанизированная площадь оценена в 416 га при населении 45—50 тыс. чел. При развитии двух типов в городах первого типа проживает более двух третей всего населения, из которых одна треть приходится на столицу (см. рис. 16, з). Более половины всех жителей сосредоточено в западной части оазиса. Да и в целом по региону зона урбанизации довольно ограничена. Города концентрируются в основном в западной равнинной части оазиса вдоль Сырдарьи и в низовьях основных притоков полосой от 5 км на юге до 40 км в центральной и северной частях региона. Ареал размещения их на начальном этапе довольно четко совпадает с ядром древнеземледельческой бургулюкской культуры, ни на востоке, ни на севере не переходя границы ее контакта с кочевым населением. Ядром городской жизни региона на этом этапе является Сырдарья. Объясняется это тем, что в формировании городской культуры региона большую роль сыграли тесные древние связи с земледельческим Согдом, и Сырдарья являлась не только границей, но и зоной активных связей. Одновременно прослеживаются растущие связи с племенами нижней Сырдарьи в рамках единого государственного объединения и Северной Ферганой. И в этом случае основным связующим звеном и ретранслятором культурных взаимоотношений служила река.

Не случайно древнейший городской пункт, выросший под влиянием согдийских архитектурных традиций, и первая столица владения Юйни, как сообщают источники II—I вв. до н. э., располагается близ Сырдарьи.

Однако с конца этого этапа и особенно в Каунчи-II картина начинает меняться. Укрепленные пункты вырастают в среднем течении Чирчика и Ахангарана, на границе со степью, адырами, в предгорьях, т. е. и на границах оседлых и кочевых племен, и в районах поселений скотоводов. Развитие городов в глубине оазиса совпадает и с интенсивным развитием земледелия, созданием довольно развитой ирригационной системы, упорядочением использования земель в среднем течении Чирчика и Ахангарана и проникинговением земледельцев в локальные высокогорные оазисы истоков этих рек. Этот процесс закономерно обусловлен консолидацией самостоятельного чачского владения, выделившегося в условиях распада Кангюя, и необходимостью более тесных экономических связей нового политического объединения.

Для данного периода мы можем считать освоенной под поливное земледелие пульсирующую полосу удобных земель в среднем течении Чирчика шириной от 2 до 15 км. За вычетом галечников, тугайных и овражистых пустошей она охватывает площадь в 15—20 тыс. га. До 4 тыс. га было подключено в районе Кавардана, верховьях и низовьях Чирчика и долине Келеса. В бассейне Ахангарана освоенных земель было значительно меньше. В нижнем течении полоса их вытягивается на 35 км при ширине от 1 до 7 км, а в верховьях — лишь небольшая площадь до 1 тыс. га близ Безымянного. Вся площадь освоенных земель здесь максимально может быть определена в 15 тыс. га. Около 2 тыс. га освоено на присырдарьинском участке от Дальверзинтепа до Чанака и около 1 тыс. га — в районе Актобе-2 и Шаушукумтобе. Таким образом, все поливные земли составляли 40—45 тыс. га.

Материалы каунчинского комплекса нами зарегистрированы на 98 сельских поселениях. Цифра эта не отражает полной картины расселения в оазисе, так как из числа выявленных поселений датировано 72,4% памятников, причем наибольшую сложность представляет именно выявление ранних слоев. С учетом степени изученности общее количество поселений может быть увеличено до 130. На основе принятого выше показателя плотности расселения 2 чел. на 1 га поливной площади сельское население оазиса может быть определено в 80—90 тыс. чел. При общей городской площади в 416 га индекс урбанизированной территории составляет 1 га на 100 га поливных земель (см. рис. 16, Д, Ж). Цифры эти берутся без учета богарных зон, условно относимых к землям пастбищного скотоводства, хотя в предгорных районах Северной Ферганы С. С. Сорокин прослеживает для первых веков н. э. сочетание вертикальных перекочек скотоводов с богарным земледелием (462, с. 166). Учитывая близкие географические и почвенно-климатические условия, можно предполагать наличие комплексно-

го хозяйства и у скотоводов предгорий Ташкентского оазиса. В целом же хозяйство оазиса можно определить как земледельческо-скотоводческое с интенсивным развитием орошаемого земледелия.

Городской контингент составляет около 33% оседлого населения оазиса. Цифра эта не учитывает скотоводческое население, хотя, как показывают статистические материалы, последняя категория даже в XIX в. составляла более 30% всего негородского населения (356, с. 6). В древности под скотоводство были заняты основные территории региона: адыры, предгорные и степные районы, следами чего являются многочисленные скопления погребальных курганов. Полуоседлые скотоводы были связаны с богатым земледелием и количественно не уступали оседлому населению. Так что с учетом этого процент городского населения, естественно, был по меньшей мере вдвое ниже, если не более. Однако методика подсчета этой категории населения отсутствует. Поэтому мы пользуемся лишь двумя показателями, которые важны нам в данном случае для выяснения динамики соотношения городского и земледельческого населения. Концентрация пунктов городской жизни вдоль Сырдарьи объясняет и процесс приматного развития городской культуры региона. В бассейнах крупных рек при ограниченной территории создаются условия для концентрации ведущих административных и экономических функций в едином центре. Такая картина в частности наблюдается для Согда, где Самарканд на несколько порядков превышает остальные города региона.

На заключительном же этапе древности география городских и сельских пунктов раскрывает важные изменения в направлении экономических связей, которые развиваются уже не столько вдоль Сырдарьи, сколько в глубину оазиса, к рудным источникам сырья. Вероятно, это связано с оформлением самостоятельного владения Чач, упоминаемого в письменных источниках, выпускающего свою монету и наделенного правом самостоятельных дипломатических сношений.

В период раннего феодализма наметившаяся в предшествующий период тенденция продвижения городов вглубь оазиса получает дальнейшее развитие. При общем росте количества городских поселений более чем вдвое в присырдарьинском участке появляется лишь три новых пункта. Непосредственно с путем по Сырдарье связан один из них — Шаушукумтобе, выросший вместо Актобе-2. Два других — Чиназтепа и Кыркджангитепа — появились в связи с необходимостью оформления и укрепления путей, ведущих в оазис.

Наиболее разительные перемены происходят в глубинных районах. В долине Чирчика вырастает восемь новых пунктов, шесть из которых располагаются на удобной равнине его среднего течения на контакте со степью. В бассейне Ахангарана появляется семь новых пунктов в долине реки и Чаткало-Кураминских пред-

горях. Два пункта вырастают на равнине и в адырной территории междуречья.

Происходит значительная перегруппировка городского населения. Лишь около одной трети жителей остается в древней урбанизированной зоне Сырдарьи. Не уступающая ей группа формируется в новых городах среднего Чирчика. Более чем втрое растет количество жителей бассейна Ахангарана. Интенсивное развитие городов в этих районах вызвано событиями и политического, и экономического порядка. Это связано, во-первых, с политической и экономической самостоятельностью феодального Чача и оформлением на некоторый период локального владения Илака, включавшего и долину, и горные районы.

Во-вторых, это вызвано интенсивным освоением богатых сырьевых ресурсов региона. Пора раннего феодализма явилась для Чача и Илака временем значительного развития горнорудного ремесла, причем именно с этого времени горы Илака выдвигаются как область преимущественного извлечения благородных металлов, обработка которых вызывает рост новых металлургических центров.

В-третьих, это связывается с активным расширением контактов оседлого и кочевого населения в рамках Тюркского каганата, что привело к переносу столицы владения — ставки тюркского правителя Чача в район более тесных связей с кочевниками степных районов. На периферии «мадины Чача» вырастают города со специальными функциями, например, Джабгукет (Ябгу), о котором говорится как «о военном лагере Чача». В то же время ряд городов являлся укрепленной резиденцией феодалов, тесно связанной с освоением новых районов орошаемого земледелия и ростом сельских поселений. Размещение последних показывает, что в бассейне Чирчика дополнительно осваиваются долины среднего течения Пскема и Чаткала, правобережья Чирчика между Пскемом и Угамом. В среднем течении Чирчика дальнейшее развитие идет за счет верхнебозсуйской системы, оформляющейся в виде двух рукавов — Саларского и Анхорского. Если первый функционировал и ранее, то второй появляется вновь лишь с поры раннего феодализма. Из него развивается система канала Кейкаус. Между Ташкентом и Янгиюлем удлиняется система Джунна и Куркульдука, оформляется канал Ниязбаш. В левобережье Чирчика осваиваются земли по Гальвасаю и Аксагатасаю, а в нижнем течении его разветвленная долина сливается с поймой Ахангарана, образуя широкую полосу возделанных земель. В долине Ахангарана, судя по топографии поселений, осваиваются воды эпизодически функционирующих саев, в низовьях которых устраиваются локальные водохранилища (Карабаг, Тошсай, Кендырсай, Каракиясай, Шаввазсай), спрямляются, превращаясь в каналы, забрасываемые рукава реки (Гиджиген, Шаркия, Карасу-I, II), в некоторых пунктах проводится система каризов (Ююкаркариз, Куикариз) для стабильного водоснабжения. В между-

речье осваиваются площади на границе богары и поливных земель вдоль Фарнкетсая и Самсарексая. Расширяется культурная полоса и на сырдарьинском участке, протягиваясь с небольшими перерывами от Дальверзинтепа до Шаркии и севернее Келеса.

Общая площадь поливных земель в это время достигает 100 тыс. га, т. е. увеличивается не менее чем в 2 раза. При принятой нами плотности 2 чел. на 1 га поливных земель сельское население оазиса составит не менее 180—200 тыс. чел. Для этого периода зафиксировано 262 замка и поселения, а если учесть процент изученности, количество их можно увеличить до 360. В то же время при количественном росте городов по сравнению с предыдущим периодом более чем вдвое общая территория их возрастает лишь в 1,75 раза. Резко снижается и индекс урбанизированной территории по сравнению с сельской, составляя 1 га на 150 га освоенных земель, а городское население — 25—29% от общего числа оседлого (см. рис. 17, Д, Ж). Все это говорит о том, что рост городов идет в первую очередь за счет пунктов малого и среднего размера, а развитие экономики — за счет сельского населения. Расширение освоенной под оседлую жизнь территории за счет земель, базирующихся на различных ирригационных системах, связываемых своими локальными нитями, способствует созданию своего рода автономных хозяйственных систем с растущими центрами. Это приводит к нарушению приматного пути урбанизации, перераспределению административных и экономических функций, в первую очередь между древней столицей, новой «мадиной Чача» и столицей Илака.

В отличие от древнего периода с его единообразной монетной эмиссией в эпоху раннего феодализма наряду со столичным чеканом известна эмиссия медной монеты правителей таких городов, как Кабарна, Фарнкег, Чанак. Хотя последний не отнесен нами к городским пунктам, возможно, он также являлся центром определенного локального района южного Илака.

Подобная картина еще более вырисовывается при знакомстве с раннефеодальными восточными соседями Чача, в частности Семиречьем, где на горных речках формируются локальные микрооазисы, центром каждого из которых был свой город — резиденция владения. А длинные стены, окружающие их, связываются с границами не города, а округа или оазиса (58, с. 8). В то же время с развитием экономики все более важную роль начинает играть расширение регулярных торговых связей как с соседними районами, так и с более далекими западными и восточными странами. Если в древности главной торговой артерией являлась Сырдарья, то теперь основные торговые линии ведут вглубь оазиса.

В VI—VIII вв. через Чач и степные районы проходила одна из центральных транзитных линий караванного пути, соединявших страны Юго-Восточной Азии со среднеазиатскими владениями, Кавказом и рядом стран Ближнего Востока.

Основную роль на сухопутных путях играли согдийские купцы. Однако и Чач в источниках этого времени упоминается как центр производства и экспорта ряда ведущих товаров: от металлических орудий труда и оружия, тканей, продуктов питания до золота и драгоценных камней. Чачские купцы вместе с согдийскими и бухарскими образуют торговые колонии на караванных путях. В горах к югу от столицы упоминаются копи по добыче голубых самоцветов. Функционируют золотые и серебряные рудники. Специальные пути соединяют столицы Чача и Илака и ведут к «серебряному руднику Чача». Главной в это время являлась дорога, подводящая из Согда к Сырдарье южнее Шахрухи, но уже начинает оформляться северный путь, проходящий по границе со степью через Чнназ.

Более четко проявляющаяся сеть городов и сельских поселений показывает, как к VIII в. отдельные системы поселений под влиянием растущих экономических связей и на базе политического единства постепенно трансформируются в единую систему региона.

Наиболее четко эти черты проявляются в IX—XII вв. Количественный рост городов сопровождается еще более широкой географией их размещения. В устье Чирчика близ Сырдарьи вырастает Унджакет, появление которого упорядочило переправу через эти реки и окончательно оформило кратчайший северный путь между Согдом и Чачем, превратив его в основную линию транзитных связей стран халифата с Юго-Восточной Азией. Это способствует расцвету городов в долине Чирчика. В верховьях Чирчика растут городки вдоль горных путей в Северо-Восточную Фергану и Семиречье и пункты горнорудного промысла и металлообработки. Новые металлургические пункты появляются и в предгорных районах Илака. Города, как центры сельской округи, вырастают в центре оазиса и на вновь освоенных землях адырной зоны. Важно отметить и другое. Количество городов вырастает в полтора раза по сравнению с VI—VII вв., а площадь — в три раза. И хотя мелких городков в оазисе большинство, именно в этот период в оазисе вырастает шесть крупных центров: Бинкет, Харашкет, Шутуркет, Наукет, Тункет и Бенакет, занимающие по площади $\frac{2}{3}$ урбанизированной территории. Средние города по количеству в полтора раза превышают крупные, но общая площадь их составила 22% урбанизированной территории оазиса. Мелкие количественно превышают первую группу в 5 раз, но по площади соответственно занимают 15% урбанизированной территории.

Данные по другим регионам разрознены. Однако мы можем опереться и на письменные источники. Географами X в. в Согде, кроме столицы, упоминается 12 городов (73, с. 187, табл. 9). Исследования показывают, что в этот период интенсивно растет Самарканд, превращающийся в крупнейший центр Мавераннахра. Размеры его территории — фарсах на фарсах. Но плотно обжитая площадь составляет не более 500 га. Из других городов Согда наиболее крупные Рабинджан и Дабусия — они едва дости-

гают 70—75 га. Остальные вообще очень невелики и лишь упомянуты при характеристике оазиса. Таким образом, в Согде, как и в древний период, резко выделяется один центр, значительно подавляющий размерами остальные города. Такова же структура в низовьях Зарафшана, где насчитывается около трех десятков городов, но лишь Бухара занимает площадь полуфарсаха. В целом оазис изучен очень слабо. Археологическая характеристика второго по величине города — Тавависа невозможна вследствие его интенсивной разрушенности. Письменные же источники не указывают его размеры. Известно, что в качестве крупного города с рабадами упомянут Магкан, имелся рабад и у Занданы. Прочие же пункты, включенные в разряд городов, были небольшими укрепленными резиденциями диканов (531, с. 6—34), а с утратой политического значения фактически превращаются в селения (73, с. 186).

В Тохаристане Термез, хотя и несколько уступал столичным городам Согда и нижнего Зарафшана, фактически с рабадами также занимал площадь в 400 га. Остальные же городки его округи имеют ограниченные размеры, значительно уступающие столице.

Ведущий центр Северного Хорасана Мерв по имеющимся в литературе сведениям занимал территорию от 1500—1800 га до 60 км² (79, с. 219). Мы не останавливаемся на дискуссии о его размерах, так как при любой из этих цифр Мерв на несколько порядков выше любого из городов Северного Хорасана. Однако в оазисе вырастает несколько крупных городов, таких как Ниса и Серахс площадью до 300 га, значительно превосходящих городские центры Мавераннахра, кроме столиц. По основным показателям они могут быть сопоставлены с городами второго порядка Чач-Илака. Так что, кроме Мерва, в Северном Хорасане есть несколько центров, выполняющих определенные локальные столичные функции.

Чач-Илак выделяется из этой группы оазисов большей полицентричностью, причины которой мы проанализируем ниже.

О. Г. Большаков, подходя к оценке чачских городов, объяснял их многочисленность сравнительно невысоким уровнем развития, слабой дифференцированностью в них городских и сельскохозяйственных функций (73, с. 202). Анализ конкретных условий развития городов позволил нам по-иному осветить и причины полицентричности и уровень развития городов Чача. Мы не отрицаем тесной связи городов с сельской округой и занятием сельским хозяйством части горожан. Связь эта существовала. Но она не является особенностью лишь чачских городов, а характерна для большинства городов Хорасана и Мавераннахра. Наличие посевов считается обычным при описании восточных городов, как это приводилось нами, например, для Самарканда, Бунджикета. Некоторые города Востока превозносятся за плодородие почв, процветание садов и высокие урожаи. В то же время мелкотоварное ремесло было известно для ряда деревень, а отдельные виды его широко славилась на международных рынках. Эта черта фео-

дального хозяйства, неоднократно подчеркиваемая исследователями и для Хорасана (230, с. 124), Малой Азии (183, с. 125) и Индии (53, с. 110—111), является подтверждением положения К. Маркса о том, что азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни. И города Мавераннахра, включая крупнейшие из них, были тесно связаны с сельским хозяйством. В еще большей степени это относится к мелким городкам, являвшимся небольшими центрами сельских оазисов. Этот вопрос тесно связан с размещением сельских поселений и размерами орошаемой территории.

Некоторое представление о количественной стороне орошаемой площади мы можем почерпнуть из этнографических материалов, так как справочники конца XIX — начала XX вв. фиксируют положение в сельском хозяйстве до начала реконструкции ирригационной системы. На 1870 г. под посевы на поливных землях было занято около 400 тыс. танапов или более 66,3 тыс. десятин (356, с. 24—25). Сравнительный анализ ирригационной системы и наложение карт земель показывает, что в XIX в. площади по сравнению с X—XII вв. несколько сократились. Так, в обсчет по XIX в. не попали значительные участки в долине Ахангарана, правобережье Сырдарьи, междуречье Чирчика и Ахангарана и верховьях этих рек, заброшенных в период феодального кризиса и междоусобиц XVII—XVIII вв. Более объективную картину дают статистические данные начала 20-х годов XX в. Здесь насчитывается от 91 до 140 каналов (447, с. 30; 471, с. 2), строительство абсолютного большинства которых отнесено к предшествующим временам, причем в бассейне Сырдарьи отмечены древние заброшенные каналы. Изучение этой системы показывает, что вся основная ирригационная сеть этого времени связывается с городищами и поселениями IX—XIII вв.

К 1923 г. в регионе, включая долину Келеса, насчитывалось от 155 до 185 тыс. десятин поливной земли (370, с. 4, 14), в том числе в долине Чирчика обрабатывалось 80 тыс. десятин (476, с. 15). Богарными посевами было занято до 20 тыс. десятин. Эти цифры сближаются с обследованием земель по памятникам археологии, хотя в начале XX в. еще не был вновь освоен округ Бенакета — Шахрухи. В то же время, говоря о размерах освоенных в средневековые поливных площадей, мы должны учитывать характерную для феодализма хаотичность их использования. Так, активная распашка луговых почв третьей надпойменной террасы Чирчика привела к заболачиванию площадей второй террасы, так как дренажные работы были налажены слабо. Правда, малая минерализация подпочвенных вод Ташкентского оазиса не приводила их к засолению, как это было, например, в Хорезме или Бухарском оазисе. Земли эти были пригодны и использовались под рис и некоторые овощные культуры. Все это позволяет нам принять в качестве минимальной исходной цифры 150 тыс. га. Она показывает, что фонд пахотной земли вырос не более чем в полтора раза, развитие сельского хозяйства шло в основном за счет

интенсификации обработки существующих земель. Для этого времени нами зафиксировано 127 сельских поселений. Если учесть 72%-ную степень датированности памятников, их число может быть увеличено до 177. Если принять среднюю плотность по 2 чел. на 1 га, общее количество сельского населения может быть определено около 300 тыс. чел.

Индекс урбанизированной территории составляет 1 га на 70 га поливных земель, т. е. возрастает более чем вдвое по сравнению с предшествующим периодом. Городское население составляет около 50% оседлого населения (без учета жителей богарной зоны и скотоводов (рис. 18, Д, Ж.).

Относительно высокий уровень урбанизации региона в X—XII вв. является объективным отражением экономического положения, сложившегося благодаря интенсивному развитию горнодобывающих промыслов, особенно по добыче и обработке золота и серебра, выгодному географическому положению на торговых путях, контакту с кочевыми народами, активно втягивавшимися в товарно-денежные отношения и являвшимися крупным потребителем ремесленной продукции. Положение это может быть доказанным в случае выявления закономерно обоснованной системы топографического положения городов, иерархии их взаимосвязей с учетом особенностей выполняемых ими функций.

Проблема закономерности размещения городов в замкнутом регионе поры феодализма интересовала многих исследователей. Для европейской территории свое законченное выражение она получила на материалах феодальных городов в работах В. Кристаллера (561, 562), теория которого получила название «модели центрального места». Она заключается в том, что в макросистеме страны определяются крупные городские центры, игравшие важную роль в ее экономическом потенциале. Правильная система связей между этими центрами представлена в виде треугольников с равными сторонами транспортных и иных связей. Каждый из этих городов является в свою очередь центром определенного прилегающего к нему «дополнительного района», подчиненного центру и связанного с ним иерархической системой. При правильной закономерно развивающейся системе связей образуется шестигранная ячейка, в середине которой «центральное место», а на вершинах лежат пункты второго и третьего порядка иерархической системы городов, обслуживающих данный «дополнительный район».

Положения В. Кристаллера использовались в прогнозах урбанизации А. Лёшем (294). В целом теория представляет большой интерес. Однако рассчитана она на систему с равными в климатическом, географическом и сырьевом отношении районами. Обращаясь к действительной истории конкретных регионов, мы видим, что ряд центров Чача и Илака связан с обработкой рудных сырьевых ресурсов, другие специализируются на дальнейшей переработке и тесно связаны с первыми и в то же время со степью.

Для некоторых степь в свою очередь является источником сырья. Все это значительно осложняет «решетку» связей локальными особенностями и требует индивидуального подхода к системе городов каждого региона.

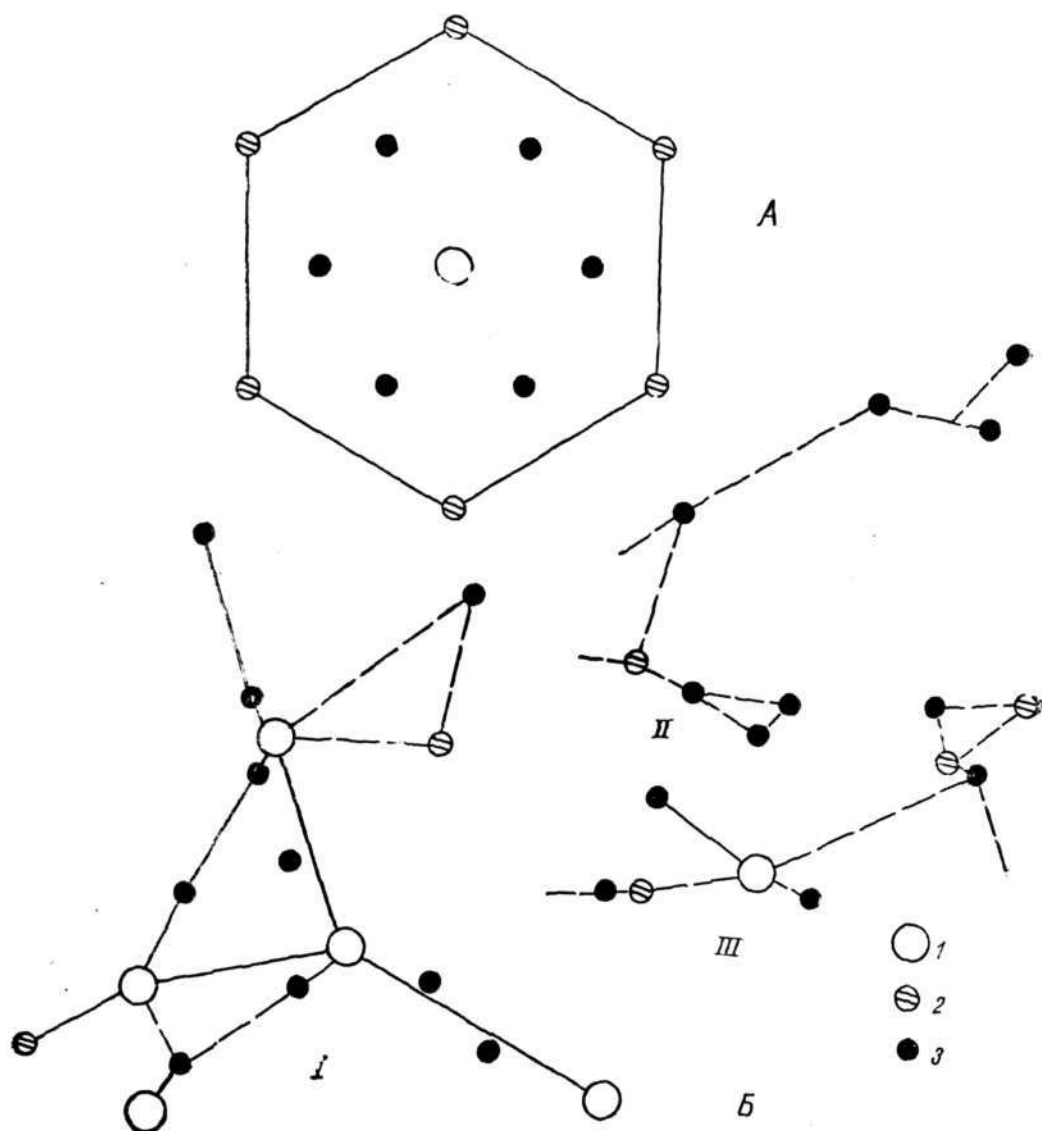

Рис. 19. Схема связей средневековых городов модели Кристаллера (А) и городов Чача и Илака (Б):

I—III—соответственно связи крупных центров на караванных путях городов в сельской местности, горнорудном районе; 1—3—соответственно крупные, средние и малые города

Рассмотрим функции и линии связей городских центров Чач-Илака в их иерархической системе (рис. 19). Самый крупный из пунктов — город первого разряда Бинкет — административно-политический центр владения. Через него проходят две линии тран-

зитных торговых связей, ведущих из стран халифата в степные районы и Юго-Восточную Азию.

Северный путь от Сырдарьи через Чинанчкет имел в пределах Чача длину 70 км. Этот отрезок преодолевался караванами в 2 дня с остановкой в Шутуркете. Участки пути очень неравные, но это и понятно. Ведь первый короткий отрезок был связан с переправами через две реки.

Второй, южный, путь — «бенакетская дорога». На этом пути после переправы через Сырдарью шли в Бенакет и затем в Харашкет, где была первая остановка, отсюда через Худайнкет — также к Шутуркету, причем этот путь длиной в 3—4 фарсаха (чуть более 20 км) занимал целый день, так как сопровождался переправами через Ахангаран и Чирчик. На следующий день достигали Бинкета. Таким образом, обязательными пунктами остановок караванов являлись Харашкет и Шутуркет. В последнем обе дороги объединялись. Менее крупным был путь из Харашкета в Чинанчкет.

Тункет — столица Илака, подобласти Чача и крупный металлургический пункт. Со столицей Чача его соединял двухдневный путь с остановкой в Наукете. Длина пути 8—9 фарсахов. Он также разбит на неодинаковые отрезки. Первый участок из Бинкета длиной 30 км помимо переправы через Чирчик затруднялся тем, что проходил по топкой болотистой дороге многочисленных стариц Чирчика и считался наиболее трудным, поэтому караваны останавливались в Наукете. Даже в прошлом столетии караваны из Ташкента в Фергану обязательно останавливались на ночевку в стоявшем на месте Наукета Тойтепа (405, с. 125). Второй отрезок от Наукета до Тункета длиной 39 км через Панджхаш и Сакокет шел по более возвышенной сухой адырной зоне. Однодневный путь связывает Наукет вдоль Ахангарана с Харашкетом. Таким образом, и на пути из Бинкета, и из Харашкета Наукет был обязательным стационарным пунктом остановки. Значит, пять из шести крупных центров оазиса были связаны между собой линиями караванных путей, по которым транзитные караваны в течение дня передвигались от одного крупного города к другому в любом направлении.

Особняком среди этих городов стоит Бенакет. В его росте, вероятно, отразилось и выгодное военно-стратегическое положение пункта близ переправы через Сырдарью и экономическая роль на пути по самой реке, служившей также важной линией связи с кочевниками. Не случайно при Караханидах он превращается в столицу удела, восстанавливается Тимуром как крупная крепость, поддерживается Улугбеком, а в XVI—XVII вв. служит второй столицей Ташкентского удела.

Анализ внутренних торговых путей позволяет наметить иерархические связи крупных центров со средними и мелкими городами и прилегающей округой. Из Бинкета мы проследили путь на северо-восток в горные районы (143, с. 72—84), вдоль которого на

расстоянии однодневных путей отстояли последовательно Паргуш, Харджанкет, Ардланкет. В одном дне пути от последнего располагается и горный городок на Пскеме — Шахджувартепа.

Путь из Бинкета на восток соединял его с богатой садами и виноградниками долиной Фарнкетсая. На этом пути на расстоянии одного дня стоял Кабарна, а затем три городка — Фарнкет, Заранкет, Намадванак, располагающиеся на границе земледельческой зоны и адыров, освоенных скотоводами.

Однодневный путь соединял долину Фарнкета с Тункетом. Он проходил по слабо обжитой зоне с небольшой остановкой в Кайнаре, где был выстроен колодец-сардоба.

С торговым путем в Фергану по равнинной дороге через Наукет связан устойчивый рост Бискета. Отрезок между ними всего 25 км, но он связывается со сложностью переправы через широко разливавшееся здесь и часто мигрировавшее русло Ахангарана. В течение целого дня этот путь преодолевался и в XIX в. (405, с. 125), далее по пустынной Мурзарабадской степи шли в Чанак, Хас, Фергану.

Однако в X—XI вв. существовал и другой путь в Фергану через Тункет. По сообщениям авторов X в., из Тункета на восток шли до «реки серебряного рудника». Здесь в одном дне пути от него стояли Абрлыг и Кухисим, от которых через перевал по специальной дороге в течение дня выходили к транзитной линии Баб (Пап)-Худжанда, Южную Усрушану и Фергану.

Таким образом в X—XI вв. в оазисе складывается четкая сетка основных и вспомогательных линий экономических связей. Графически она отличается от «решетки» Кристаллера, которая может быть характерной для равнинных городов с одинаковыми географическими условиями. В Чач-Илаке транспортные магистрали различной сложности. И линии связей отражаются не линейными расстояниями, а фактическим временем, необходимым на дневной переход каравана. Дополнительные районы, обслуживаемые «центральной местом», также неравномерны, так как оазисы вокруг городов зависят от водных систем, и гексагональная в основе решетка растянута вдоль русел. В то же время она позволяет крупным центрам осуществлять постоянные экономические и административные связи с городами низшего порядка и сельской округой. Практически любой житель сельского и мелкого городского пункта находился в пределах не более полудневного пути от ближайшего более крупного центра, и в течение дня мог совершить необходимые операции по реализации продукта.

Итак, закономерность полицентрического развития и географическое расположение основных центров Чача X—XI вв. обоснованы системой экономических связей как внутри региона, так и в системе транзитных караванных путей. Роль его в этом отношении возрастала за счет непрерывно растущего втягивания в торгово-экономические связи кочевого населения степных районов. Это в значительной мере объясняет подмеченный, но не раскрытый

В. В. Бартольдом факт постепенного перемещения в период древности и раннего средневековья караванных путей, связывавших западные страны с Востоком. Первоначально они пролегают через Бактрию, Фергану, но затем проходят через Чач и степные районы Южного Казахстана.

Фактически это положение складывается уже в период Тюркского каганата, а окончательно закрепляется в IX—X вв. Развитие торгово-экономических связей внутри оазиса способствовало расцвету городских ремесел и специализации городов, экономика которых консолидируется в единую хозяйственную систему Чача, превратившегося в одно из крупных средневековых владений Восточного Мавераннахра. Процесс этот в начале XIII в. был осложнен борьбой хорезмшахов с найманами. Монгольское нашествие прервало ход развития экономики и городской культуры региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 24.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 3-х томах. Т. I. М., 1966.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные сочинения в 3-х томах. Т. 1—3. М., 1980.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40.
7. Абаев В. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I — антидэвовская надпись Ксеркса. — ВДИ, 1965, № 3.
8. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. *Archiv orientalis*. XXIV. Praha, 1956, № 1.
9. Абаев Т. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964.
10. Абдуллаев А. Тамошатепе (Южный Таджикистан). — В сб.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975.
11. Абдуллаев А., Гуревич Л. Л. Чертежи строителей древнего Пенджикента. — УСА. Вып. 4. Л., 1979.
12. Абдуллаев К. и Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов с городища Канка. — ОНУ, 1971, № 10.
13. Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка (средневековый Харахкет). — В сб.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
14. Абдуллаев К. Квартал керамистов городища Канка. — ИМКУ. Вып. II. Ташкент, 1974.
15. Абдуллаев К. Уникальная находка терракотового фриза. — ОНУ, 1974, № 2.
16. Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972). — ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
17. Абдуллаев К. А. Исследование городища Канка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975.
18. Абдуллаев К. А., Буряков Ю. Ф., Бурякова Э. Ю. Раскопки городища Канка в Ташкентской области. — АО 1976 г. М., 1977.
19. Абдуразаков А. А., Безбородов М. И., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1968.
20. Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. (По материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап). — СА, 1959, № 1.
21. Агеева Е. А. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
22. Агеева Е. А. и Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.

23. Агеева Е. А. и Пацевич Г. И. О работах Южноказахстанской археологической экспедиции 1953 г. — В сб.: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. I. Алма-Ата, 1972.
24. Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. — ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
25. Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
26. Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966.
27. Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрена. — ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1966.
28. Адыков К. Средневековый торговый путь из Мерва в Серахс (Историко-археологический очерк). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1960.
29. Акишев К. А. и Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
30. Акишев К. А., Байпаков К. М. и Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.
31. Акишев К. А., Байпаков К. М. и Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVII веков по итогам раскопок 1971—1975 годов. — В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
32. Алимов К. и др. Работы в Ташкентской области. — АО, 1974 г. М., 1975.
33. Алимов К. и др. Работы в Ташкентской области. АО 1975 г. М., 1976.
34. Алимов К. и др. Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области. — АО 1978 г. М., 1979.
35. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
36. Аминджанова М. О некоторых стеклянных изделиях Мавераннахра. — ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
37. Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
38. Аминов В., Буряков Ю. Ф., Дукеев Х. Работа по Своду археологических памятников Ташкентского оазиса. — АО 1976 г. М., 1977.
39. Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
40. Анарбаев А. и др. Раскопки на городищах Канка и Шахрухия. — АО 1977 г. М., 1978.
41. Андреев М. С. Местности в долине Ангрена, интересные в археологическом отношении. — Изв. общест. археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XI Вып. 6. Казань, 1893.
42. Андреев М. С. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. — Среднеазиатский вестн. Ташкент, май, 1886.
43. Андреев М. С. Новые данные по установлению значения слова «Фергана». — Сообщения Таджикского филиала АН СССР. Вып. XIV. Сталинабад, 1950.
44. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1963.
45. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
46. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
47. Аскарлов А. А. Бронзовый век Южного Узбекистана. (К проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. докт. дисс. М., 1976.
48. Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
49. Аскарлов А. А., Филанович М. И. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. — ОНУ, 1980, № 6.
50. Афрасиаб. Сборник. Вып. I. Ташкент, 1969; Вып. 2, 1973; Вып. 3, 1974; Вып. 4, 1975.
51. Ахбаров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.

52. Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв. — ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
53. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. М., 1977.
54. Бабушкин Н. Л. Климат Узбекистана. Ташкент, 1953.
55. Баншев И., Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента. — В сб.: Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Ташкент, 1956.
56. Байпаков К. М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана. — В сб.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
57. Байпаков К. М. Раннесредневековые города Южного Казахстана. — В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
58. Байпаков К. М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
59. Байпаков К. М. Типология средневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья (VI—начало XIII в.). — «Известия АН КазССР», 1981, № 3.
60. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
61. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
62. Бартольд В. В. Улугбек и его время. — Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
63. Бартольд В. В. Ташкент. — Сочинения. Т. 3. М., 1965.
64. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Сочинения. Т. III. М., 1965.
65. Бартольд В. В. К истории Мерва. — Сочинения. Т. IV. М., 1966.
66. Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана. — Сочинения. Т. IX. М., 1977.
67. Баруздин Ю. Д. и Брыкина Г. А. Археологические очерки Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
68. Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. — МИА. Вып. 15. М.—Л., 1950.
69. Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. — МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953.
70. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии культов Согда по материалам пенджикентских храмов. — В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
71. Беленицкий А. М. О пенджикентских храмах. — ҚСИМК. Вып. 14. М.—Л., 1947.
72. Беленицкий А. М. и Распопова В. И. Древний Пенджикент. Душанбе, 1971.
73. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
74. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раннесредневековая археология Средней Азии в свете раскопок Пенджикента. — В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
75. Беляева Т. В. и Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
76. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента. — МИА, Вып. 37. М.—Л., 1953.
77. Бентович И. Б. Совещание по археологии Средней Азии. — СА, 1969, № 3.
78. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964.
79. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

80. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
81. Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.
82. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946.
83. Бернштам А. Н. Изображение согдийца в коропластике Согда. — КСИИМК. Вып. 23. М.—Л., 1948.
84. Бернштам А. Н. К пересмотру формально-типологических схем. — КСИИМК. Вып. 24. М., 1949.
85. Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — «Изв. АН КазССР». Серия археологическая. 1949, № 2.
86. Бернштам А. Н., Толстов С. П. Древний Хорезм. — «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. Т. VI, 1949, № 1.
87. Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». — МИА. Вып. 14. М.—Л., 1950.
88. Бернштам А. Н. Древний отар. — «Изв. АН КазССР». Серия археологическая. 1951, № 3.
89. Бернштам А. Н. Историкс-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА. Вып. 26. М.—Л., 1952.
90. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
91. Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля. — В сб.: Труды САГУ им. В. И. Ленина. Ташкент, 1957.
92. Бируни Абу Райхан. Индия. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1963.
93. Бируни Абу Райхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод Беленицкого А. М. Л., 1963.
94. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950; Т. 2, 1950; Т. 3, 1953.
95. Болдырев А. Н. Зайнагдин Валиф. Сталинабад, 1957.
96. Большаков О. Г. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.
97. Большаков О. Г. и Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958.
98. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — ЭВ. Вып. XII. М.—Л., 1958.
99. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — ЭВ. Вып. XV. М.—Л., 1963.
100. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — ЭВ. Вып. XVII. М.—Л., 1966.
101. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — ЭВ. Вып. XIX. М.—Л., 1969.
102. Большаков О. Г. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока. — КСИА. Вып. 122. М., 1970.
103. Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрагач (Южная Киргизия). — АО 1969 г. М., 1970.
104. Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрагач. — АО 1970 г. М., 1971.
105. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
106. Брыкина Г. А. и Николаенко Т. Д. Раскопки в Кайрагаче. — АО 1976 г. М., 1977.
107. Брыкина Г. А. Раскопки в Кайрагаче. — АО 1977 г. М., 1978.
108. Брыкина Г. А. Культурные связи Ферганы в I тыс. н. э. — В сб.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
109. Бубнова М. А. Из истории металлургии серебра в Средней Азии. — «Изв. АН ТаджССР», 1961, № 1 (24).
110. Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. — В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

111. Бубнова М. А. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (рудный район Шельджи). — СА, 1963, № 2.
112. Бубнова М. А. Средневековое поселение Актобе-I у с. Орловки. — В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
113. Букин Д. Д. Новые данные для истории канала Бозсу. — СОНАТ. Ташкент, 1937, № 6.
114. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
115. Булатова В. А. и др. Работы Ташкентского отряда. — АО 1971 г. М., 1972.
116. Булатова В. А. и др. Работы Ташкентского отряда. — АО 1972 г. М., 1973.
117. Булаков П. Г. Сведения арабских географов IX—начала X в. о маршрутах и городах Средней Азии. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.
118. Бурнашева Р. З. Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса (1969—1972 гг.). — В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
119. Буряков Ю. Ф. Городище Мингурюк в Ташкенте. — В сб.: Труды САГУ. Вып. 81. Ташкент, 1956.
120. Буряков Ю. Ф. и Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 172. Ташкент, 1960.
121. Буряков Ю. Ф. Художественная керамика городища Тункет. Кн. 2. Ташкент, 1961.
122. Буряков Ю. Ф. Некоторые материалы по металлургии в долине Ангрена (IX—X вв.). — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963.
123. Буряков Ю. Ф. Новые археологические данные о городище Улькан-Тойтубе (шахристан Нукета). — В сб.: Научные работы и сообщения. Кн. 6. Ташкент, 1963.
124. Буряков Ю. Ф. О местонахождении серебряного рудника Шаша. — ОНУ, 1965, № 12.
125. Буряков Ю. Ф. Древний серебряный рудник Лашкерек. — СА, 1965, № 1.
126. Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966.
127. Буряков Ю. Ф. Местонахождение серебряного рудника Шаша. — ОНУ, 1965, № 12.
128. Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы. — СА, 1968, № 3.
129. Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Намудлыга. — ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.
130. Буряков Ю. Ф. К исторической топографии средневекового Илака. — СА, 1972, № 2.
131. Буряков Ю. Ф. О втором караванном пути из Согда в Шаш. — ОНУ, 1972, № 3.
132. Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. К истории Чиназа (древний Чинанкет). — ОНУ, 1972, № 9.
133. Буряков Ю. Ф. и Ростовцев О. М. Работы в Ташкентской области. — АО 1971 г. М., 1972.
134. Буряков Ю. Ф. К топографии городов древнего Шаша. — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1978.
135. Буряков Ю. Ф. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища. — ОНУ, 1973, № 1.
136. Буряков Ю. Ф. Ташкент. — В кн.: Историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1973.
137. Буряков Ю. Ф., Алимов К., Бурякова Э. Ю. Исследования в зоне Туябугузского водохранилища. — АО 1972 г. М., 1973.
138. Буряков Ю. Ф. и Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. — ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
139. Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.

140. Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
141. Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Левен Г. Д. Работы Шаш-Илакского отряда. — АО 1979 г. М., 1974.
142. Буряков Ю. Ф. Изучение городов Ташкентского оазиса. — В кн.: Новые открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975.
143. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
144. Буряков Ю. Ф. и др. Работы в Сырдарьинской области. — АО 1974 г. М., 1975.
145. Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
146. Буряков Ю. Ф. Городская культура Ташкентского оазиса поры раннего феодализма. — В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
147. Буряков Ю. Ф. Новые данные к стратиграфии городища Кульата. — ОНУ. 1978, № 9.
148. Буряков Ю. Ф. Раскопки городища Чангтепа в Ташкентском оазисе. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
149. Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Перевозчиков И. В., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Могильник Утурликтепа. — УСА. Вып. 4. М., 1979.
150. Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Становление городской культуры и этапы ее развития на территории Ташкента. — ОНУ, 1979, № 3.
151. Буряков Ю. Ф., Тихонин М. Р. Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI вв. в Шахрухии. — ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
152. Бурякова Э. Ю. О локализации средневекового Хаса. — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966.
153. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
154. Вархотова Д. П. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа. — ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
155. Вархотова Д. П. Художественная керамика XV—начала XVI в. из Ташкента. — ОНУ, 1969, № 8—9.
156. Вебер В. Н. Полезные ископаемые Туркестана. СПб., 1913.
157. Верещагин В. В. От Оренбурга до Ташкента, 6. г.
158. Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883.
159. Виноградов В. Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. — В кн.: Археологический сборник. М., 1961.
160. Вишневская О. А. Раскопки караван-сарая Ак-Яйла и Талай-Ханата. — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. М., 1958.
161. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — В сб.: Труды ХАЭЭ. Вып. IV. М., 1959.
162. Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков возле ст. Вревской в 1947 г. — В сб.: Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1951.
163. Воронина В. Л. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. I. Ташкент, 1948.
164. Воронина В. Л. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии. — КСИИМК. Вып. 28. М.—Л., 1949.
165. Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. — МИА. Вып. 15. М., 1950.
166. Воронина В. Л. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г. — Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1955.
167. Воронина В. Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

168. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА. Вып. 124. М., 1964.
169. Воронина В. Л. Замок Гардони Хисар и его резной орнамент. М., 1974.
170. Воскобойников Н. Описание горных промыслов и полезных минералов в округах Имеретии, Раче, Мингрели, Лечхуме и в Суанах. — Горный журнал. Кн. XI. СПб., 1826.
171. Вызго Т. С. Афрасиабская лютня. — В кн.: Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Ташкент, 1972.
172. Вяткин В. Л. К исторической географии Ташкентского района. — «Туркестанские ведомости», 1900, № 101.
173. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926.
174. Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре. Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции 1946—1953 гг. — МИА. Вып. 85. М.—Л., 1958.
175. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник. — КСИИМК. Вып. 69, М., 1957.
176. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
177. Генусов А. З. Почвы Ташкентской области. — В сб.: Почвы Узбекской ССР. Ташкент, 1964.
178. Гзелишвили И. А. Железоплавильное дело в Древней Грузии. Тбилиси, 1964.
179. Гиршман Р. М. Происхождение «чахартака». — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
180. Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дисс., Л., 1961.
181. Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 5. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной и Средней Азии. Л., 1962.
182. Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1974.
183. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1941.
184. Гохман В. М., Лаппо Г. М., Маергойз И. М., Машбин Я. Г. Географические аспекты урбанизации и ее особенности в странах с различным общественным строем. — В кн.: Современные проблемы географии. М., 1976.
185. Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
186. Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.
187. Григорьев Г. В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
188. Григорьев Г. В. Краткий отчет о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.
189. Григорьев Г. В. Келесская стена в археологическом отношении. — «Изв. АН КазССР». Серия археологическая. Алма-Ата, 1948, № 1.
190. Гришын Ю. С. Производство в тагарскую эпоху. — МИА. Вып. 90. М., 1960.
191. Гулямов Я. Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК им. Сталина. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. IV. Ташкент, 1951.
192. Гулямов Я. Г. Археологические раскопки к западу от Бухарского оазиса. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. VIII. Ташкент, 1956.
193. Гулямов Я. Г. История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
194. Гулямов Э. Стекло с городища Хульбук. — «Изв. отделения общественных наук АН ТаджССР», 1961, № 1 (24).
195. Давидович Е. А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада. — ЭВ. Вып. IX. М.—Л., 1954.
196. Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Ис-

- фаринского района. — В сб.: Труды АН ТаджССР. Т. XXXV. Душанбе, 1955.
197. Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1956.
 198. Давидович Е. А. Раскопки замка Калаи-боло (из работ исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.). — МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958.
 199. Давидович Е. А. Канибадамский клад караханидских монет (к характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII—начале XIII вв.). — СА, 1961, № 1.
 200. Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М., 1966.
 201. Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге Беленицкого А. М., Бентович И. Б. и Большакова О. Г. «Средневековый город Средней Азии». — В сб.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978.
 202. Давыдов А. С. Жилища, материальная культура таджиков верховьев Зарафшана. Душанбе, 1973.
 203. Дадабаев Г. История орошения правобережной части Чирчикской долины (с древнейших времен до начала XIII в.). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1974.
 204. Дайга И. В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.). — СА, 1960, № 3.
 205. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
 206. Дзевоньский К., Ерчиньский М. (ПНР, Варшава). Городские агломерации в структуре национального и регионального социально-экономического пространства. — В кн.: Современные проблемы географии. М. 1976.
 207. Древние города. Материалы Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья», Л., 1977.
 208. Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов заседания конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии, 8—11 апреля 1973 г. Л., 1973.
 209. Древний Ташкент. Сборник. Ташкент, 1973.
 210. Древности Ташкента. Сборник. Ташкент, 1976.
 211. Древности Туябугуза. Сборник. Ташкент, 1978.
 212. Древности Чарвака. Сборник. Ташкент, 1976.
 213. Древняя и средневековая культура Чача. Сборник. Ташкент, 1979.
 214. Дьяконов И. М. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э. — Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Город и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ереван, 1973.
 215. Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда.—КСИИМК. Вып. 28. М.—Л., 1949.
 216. Еремеев Д. Е. Кочевничество и особенности развития феодализма на Востоке.— В ж.: «Народы Азии и Африки», 1981, № 2.
 217. Жуков В. Д. Дукентский клад монет (предварительное сообщение). — ИМКУ. Вып. I. Ташкент, 1959.
 218. Жуков В. Д. Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в дукентском кладе (дополнение к предварительному сообщению). — ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
 219. Жуковский В. А. Развалины старого Мерва.— В кн.: Материалы по археологии России. Спб., 1890.
 220. Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.
 221. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
 222. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. Вып. 118. М.—Л., 1962.
 223. Заднепровский Ю. А. Раскопки на Дальверзинском поселении.— АО 1966 г. М., 1967.

224. Заднепровский Ю. А. Средневековая расписная керамика Ферганы. — КСИИМК. Вып. 120. М., 1969.
225. Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. — В сб.: Древний город Средней Азии. Л., 1973.
226. Заднепровский Ю. А. Опыт классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э.—VI в. н. э.). — В кн.: Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
227. Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. дисс. М., 1978.
228. Закиров К. З., Гранитов И. И. Роль человека в смене растительности Средней Азии. — «Изв. АН УзССР», 1953, № 4.
229. Заметки о древних урочищах Туркестанского края. — «Туркестанские ведомости», 1879, № 12.
230. Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков. — «Вопросы истории», 1945, № 5—6.
231. Зеймаль Е. В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным. — В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1978.
232. Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс городища Мингурюк в Ташкенте. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
233. Зуев Ю. А. Юечжи и кушаны в свете китайских источников. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
234. Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954.
235. Использование прикладного системного анализа в проектировании и управлении развитием городов. Сборник. М., 1974.
236. История народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1950.
237. История таджикского народа. В 4-х т. Т. 1. Душанбе, 1963.
238. История Узбекиской ССР. Т. 1. Кн. 1. Ташкент, 1955.
239. Итина М. А. Поселение Якка-парсан II (раскопки 1953—1959 гг.). — МХАЭЭ. Вып. 6. М., 1963.
240. Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Қаршинском оазисе. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. 2. Ташкент, 1950.
241. Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. VIII. Ташкент, 1956.
242. Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. н. э. — ВДИ, 1956, № 2.
243. Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1958—1959 гг. — ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
244. Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках. — СА, 1963, № 1.
245. Кабанов С. К. Раскопки на Шортепе близ Қарши в 1952—1953 гг. — ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
246. Кабанов С. К. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи. — ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
247. Кабанов С. К., Шахурин Қ. А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
248. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977.
249. Кадыров Э. Б. Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975.
250. Кайзер Л. О. Очерк геологии и рудоносности Чаткальских гор. Ташкент, 1936.
251. Караяев С. К. Худуд-ал-Алем и древнетюркские топонимы Чирчик-Ахангаранской долины. — ОНУ, 1978, № 4.
252. Карначева М. Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в Карпассонском районе в средние века. — В сб.: Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974.

253. Кастанье И. А. Отчет о поездке в Шахрухию и местность Канка. — ПТКЛА. Вып. XVIII (ошибочно XVII). Ташкент, 1913.
254. Кастанье И. А. Современные успехи специалистов и мои специологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг. — «Изв. Туркестанского отдела РГО». Т. XI. Вып. II. Ташкент, 1915.
255. Кастанье И. А. Археологические находки в Ногайкургане. — Туркестанский курьер, Ташкент, 1917, № 7; ПТКЛА. Вып. XXI. Ташкент, 1917.
256. Касымов М. Р. и Ростовцев О. М. Мастерские каменного века в долине Ахангарана. — ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
257. Касымов М. Р. О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г.). — ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
258. Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
259. Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала. — В сб.: Труды КАЭЭ. Т. II. М., 1959.
260. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
261. Кляшторный С. Г. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам). — ЭВ. Вып. IX. М.—Л., 1954.
262. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М. 1964.
263. Книпович Т. Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. — КСИИМК. Вып. 28. М.—Л., 1948.
264. Коган А. Б., Колбановский В. В., Яницкий О. Н. Социальные проблемы урбанизации в СССР. — В кн.: Социологические исследования города. М., 1969.
265. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
266. Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
267. Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины. — В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
268. Козенкова В. И. Гайрат-тепа. — СА, 1964, № 3.
269. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. — В сб.: Труды ХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
270. Коншакпаев Г. К. Казахские народные географические термины. — «Изв. АН КазССР». Серия географич. 1951. № 3.
271. Копылов И. И. Из истории техники литейного дела в сакское время. — В сб.: Ученые записки Алма-Атинского госпединститута. Серия общ.-полит. Т. 14, 1957.
272. Корженевский Н. Л. Ангренская долина (очерк природных условий). — «Изв. АН УзССР», 1954, № 3.
273. Корженевский Н. Л. Природа Средней Азии. — В сб.: Труды ТашГУ, Новая серия. Вып. 193. Геогр. науки. Кн. 20. Ташкент, 1960.
274. Кочлавашвили А. И. Роль России в развитии горнометаллургической промышленности Грузии. — «Исторический вестник», Тбилиси, 1955, № 8.
275. Кочнев Б. Д. К истории денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
276. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. I. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
277. Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
278. Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. — СА, 1963, № 3.
279. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.
280. Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаштепе. — В сб.: Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. V. Ташкент, 1960.
281. Крашенинникова Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. — В сб.: Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. VII. Ташкент, 1966.

282. Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974.
283. Куренной В. Н. Градостроительная структура средневекового Ташкента. — В кн.: Материалы VI конференции молодых ученых-строителей. Л., 1971.
284. Кутбаев З. А. Интересный документ по аграрной истории Средней Азии. — ОНУ, 1968, № 12
285. Кызласов Л. Р. Раскопки древнего Баласагуна. — МГУСОН, 1953, № 11.
286. Кызласов Л. Р. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. — СА, 1958, № 3.
287. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — ТКАЭЭ. Т. 2. М., 1959.
288. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
289. Лазар Ж. (Франция). Общий язык иранских земель и его диалекты по текстам X—XI вв. н. э. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 4.
290. Латынин Б. А. О работах Ангренской и Ферганской экспедиций 1930 года. — Сообщения ГАИМК, 1931, № 1.
291. Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры. — В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
292. Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
293. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971.
294. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М., 1959.
295. Лившиц В. А. Правление Панча. — НАА, 1979, № 4.
296. Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. — ВДИ, 1964, № 3.
297. Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары. — ВДИ, 1954, № 1.
298. Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Л., 1970.
299. Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. — В сб.: Труды ИИАЭ АН ТаджССР. Вып. XXVI. Сталинабад, 1954.
300. Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. — В сб.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. 5. Сталинабад, 1959.
301. Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом. — В сб.: Труды АН ТаджССР. Т. СХХ. Сталинабад, 1960.
302. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-кумов. (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.
303. Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — СА, 1967, № 2.
304. Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
305. Литвинский Б. А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II в. до н. э.—III в. н. э., письменные источники и лингвистические данные). — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
306. Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
307. Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели). — В сб.: Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Город и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ереван, 1973.
308. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и ранне-средневековой Ферганы. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
309. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.

310. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве в X—начале XIII в. — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
311. Лунина С. Б. Группа «Қараултепа» и некоторые археологические памятники Бостандыкского района. — В сб.: Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. VII. Ташкент, 1966.
312. Лунина С. Б., Усманова З. И. Из археологических наблюдений на Кугаиттепе близ Ташкента. — В сб.: Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. III. Ташкент, 1956.
313. Лунина С. Б., Усманова З. И. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназ и Зангиата. — В сб. САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. IV. Ташкент, 1957.
314. Лунина С. Б., Усманова З. И. Керамика с поселения Ногайкурган близ Ташкента. — В сб.: Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. V. Ташкент, 1960.
315. Маджи О. П. и Буряков Ю. Ф. Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе (древний рудник Кызылалма). — ИМКУ. Вып. II. Ташкент, 1974.
316. Маев Н. Азиатский Ташкент. — В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876.
317. Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.
318. Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага). — В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
319. Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. — В сб.: В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
320. Маллицкий Н. Г. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия. — ПТКЛА. Т. II. Ташкент, 1897.
321. Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958.
322. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
323. Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. н. э. — В сб.: Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 5. Л., 1961.
324. Масальский В. И. Туркестанский край. Т. XIX. СПб., 1913.
325. Массон В. М. Городище Ханабад. — В сб. студенческих работ САГУ. Вып. 3. Ташкент, 1951.
326. Массон В. М. Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным. — ВДИ, 1955, № 2.
327. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. М.—Л., 1959.
328. Массон В. М. Хорезм и кушаны. (Некоторые вопросы хорезмской нумизматики). — ЭВ. Вып. XVII. М.—Л., 1966.
329. Массон В. М. Становление раннесредневекового общества на Древнем Востоке. — «Вопросы истории», 1967, № 5.
330. Массон В. М. Узловые проблемы археологии Средней Азии. — КСИА. Вып. 122. М., 1970.
331. Массон В. М. Успехи среднеазиатской археологии в изучении средневекового города. — В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.
332. Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974.
333. Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология. — В кн.: Бактрийские древности. 1976.
334. Массон В. М. Согдийская эпоха и культурная интеграция. — В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
335. Массон В. М. Городские центры раннеклассовых обществ. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

336. Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культурогенеза). — ОНУ, 1981, № 6.
337. Массон М. Е. Историческая археология на службе геологической разведки. — «Народное хозяйство Средней Азии», 1930, № 2.
338. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. — В сб.: Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.
339. Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение. — В сб.: Труды УзФАН. Серия I. Вып. 2. ТАКЭ. Ташкент, 1940 (1941).
340. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ, 1950, № 4.
341. Массон М. Е. Городище Ханабад. — Сб. студенческих работ САГУ. Вып. 3. Ташкент, 1951.
342. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — В сб.: Труды САГУ. Новая серия. Вып. XXIII. Ташкент, 1951.
343. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва (из работ ЮТАКЭ). — ВДИ, 1951, № 4.
344. Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
345. Массон М. Е. Прошлое Ташкента. — «Изв. АН УзССР», 1954, № 2.
346. Массон М. Е. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955.
347. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.
348. Массон М. Е. Историко-археологическое обследование средневековых памятников на территории районов древней оседлой культуры Средней Азии и Южного Казахстана. — Средневековые города. Средняя Азия и Казахстан. Фрунзе, 1969.
349. Массон М. Е. Маргианская стена Антиоха. — «Памятники Туркменистана», 1971, № 2.
350. Массон М. Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана. (Еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии). — ОНУ, 1972, № 7.
351. Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
352. Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224—651) на территории советских республик Средней Азии. — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
353. Массон М. Е. К проблеме изучения исторической топографии среднеазиатских городов. — В сб.: Культура Туркмении в средние века. (Труды ЮТАКЭ. Т. XVII). Ашхабад, 1980.
354. Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г. Самарканд, 1923.
355. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября — 4 ноября 1956 г. М.—Л., 1959.
356. Материалы для статистики Туркестанского края. Под ред. Н. А. Маева. Вып. I. СПб., 1872.
357. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978.
358. Материалы по истории туркменов и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.
359. Машковцев С. Ф. Загадочный рудник Кухисим. — «Геологический вестник». Т. V. Л., 1926, № 1—3.
360. Машковцев С. Ф. Горы Карамазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л., 1928.
361. Машковцев С. Ф. Описание геологического маршрута в Юго-Западном Тянь-Шане по линии Ангрен-Чаткал-Касан оз. Кукана-Гудас, Майдантал. Л., 1930.
362. Межевич М. Н. Социальное развитие и город. Л., 1979.

363. Мерщнев М. С. К истории возникновения и развития оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.
364. Мерщнев М. С. Дополнительные данные по керамике городища Шаушукумтобе. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
365. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966.
366. Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. М., 1962.
367. Мешкерис В. А. Керапластика Согда. Душанбе, 1977.
368. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Т. 2. М., 1882.
369. Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. — ЭВ. Вып. V. М.—Л., 1951.
370. Моргуnenков Ф. П. План гидротехнических исследований в бассейнах Чирчика, Ангрена и Келеса. — «Вестник ирригации», Ташкент, 1923, № 5.
371. Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976.
372. Мурзаев Э. М. Средняя Азия. М., 1957.
373. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
374. Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961.
375. Мухамедов Х. Узбекистониинг қадимий муҳофаа иншоотлари тарихидан. Тошкент, 1961.
376. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. II. СПб., 1960.
377. Наследов Б. Н. Карамазар и его проблемы. Ташкент, 1934.
378. Наследов Б. Н. Карамазар. Л., 1935.
379. Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
380. Негматов Н. Н. и Хмельницкий С. Г. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966.
381. Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
382. Негматов Н. Н. Государство Саманидов. Душанбе, 1977.
383. Негматов Н. Н. Характер и уровень материальной культуры Усрушаны. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
384. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — В сб.: Керамика Хорезма. М., 1959.
385. Неразик Е. Е. Проблемы исследования хорезмских городов античного периода. — В сб.: Древний город Средней Азии. Л., 1973.
386. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв. н. э.). М., 1976.
387. Неразик Е. Е. К проблеме развития городов Хорезма. — В сб.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
388. Нильсен В. А. Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.). — ИМКУ. Вып. I. Ташкент, 1959.
389. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
390. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
391. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
392. Нурмухамбетов Б. Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
393. Нурмухамбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника. — В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
394. Нурмухамбетов Б. Н. Могильник Мардан — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
395. Нурмухамбетов Б. Н. Раскопки некрополя Кокмардан. — АО 1977 г. М., 1978.
396. Обельченко О. В. Кую-мазарский могильник. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. VII. Ташкент, 1956.

397. Обельченко О. В. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса. — Кампыр-дувал. — В сб.: ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. V. Ташкент, 1960.
398. Обельченко О. В. Могильник Акджартепе. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
399. Обельченко О. В. Курганы около с. Хазара. — ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
400. Обельченко О. В. Сазаганские курганы. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
401. Обельченко О. В. Агалыкские курганы. — ИМКУ. Вып. 9, Ташкент, 1972.
402. Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культуры. — КСИИМК. Вып. 23. М.—Л., 1948.
403. Остроумов Н. П. Археологическая поездка в с. Мамаевку. — ПТКЛА. Т. IV. Ташкент, 1899.
404. Отчет о деятельности ТКЛА за первый год его существования. — Среднеазиатский вестник. Ташкент, декабрь, 1896.
405. Пантусов Н. Н. Торговые и караванные пути в Туркестанском крае и стоимость провоза. — В сб.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876.
406. Пацевич Г. И. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1954.
407. Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966.
408. Петровский Н. Ф. Древние арабские дорожки по среднеазиатским местностям, входящим в состав русских владений. Извлечение из соч. Пособие для разыскания древних путей и местностей. Ташкент, 1894.
409. Подушкин П. Н. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий р. Арыси. — В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
410. Подушкин П. Н. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I—IV вв. н. э. — В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
411. Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. В. Ханькова. — Вестник РГО. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1851.
412. Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике. — В сб.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
413. Пославская О. Ю. По ущельям и вершинам Западного Тянь-Шаня. Ташкент, 1958.
414. Пославский И. Т. О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения Чирчика. — ПТКЛА. Т. XII. Ташкент, 1907.
415. Посохин М. В. Город для человека. М., 1973.
416. Проблемы урбанизации и расселения. М., 1976.
417. Пругер Е. Б. Бирюза Илака и илакский рудник бирюзы. — СА, 1971, № 1.
418. Птицын Г. В. К вопросу о географии «Шахнамэ». — ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947.
419. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана. — ВДИ, 1952, № 2.
420. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
421. Пугаченкова Г. А. Мастер — керамист Мухаммад Али Инсятон из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII—XIII вв.). — СА, 1958, № 2.
422. Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976.
423. Пугаченкова Г. А. К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа. — В сб.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
424. Пьянков И. В. «Саки». Душанбе, 1968.

425. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. — В сб.: Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте. 26—31 августа 1977 г. Душанбе, 1977.
426. Расопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — В сб.: Труды КАЭЭ. Т. IV. М., 1960.
427. Расопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА. Вып. 122. М., 1970.
428. Расопова В. И. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. — СА, 1972, № 4.
429. Расопова В. И. Согдийский город и деревня в начале VIII века. — В сб.: Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья». Л., 1977.
430. Расопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле. — КСИА. Вып. 138. М., 1978.
431. Расопова В. И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового города. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
432. Рассудова Р. Я. Территориально-хозяйственная организация поселений в Ташкентском «Джеттыкенте» (к истории раннесредневековых городов). — В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
433. Ремпель Л. И. Интересная археологическая находка в долине Таласа. — «Вестник АН КазССР». Алма-Ата, 1952, № 4.
434. Рерих Ю. Н. Тохарская проблема, НАА, 1968, № 6.
435. Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая. — «Проблемы востоковедения». 1960, № 5.
436. Розина Л. Г. Железные изделия караханидского периода XI—XII вв. — В сб.: Труды ИЯЛИ АН КиргССР. Вып. I. Фрунзе, 1944.
437. Рост городов и система расселения. М., 1975.
438. Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, и Индоскифии и в Китае. — Материалы семинара. Прага, 1927 (на англ. яз.).
439. Ртвеладзе Э. В. и Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Пахьи ибн Асада. — ЭВ. Вып. XXI. Л., 1972.
440. Ртвеладзе Э. В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области. — В сб.: Древний город Средней Азии. М., 1973.
441. Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.
442. Салтовская Е. Д. Раскопки на Тудан-Калон в 1961 г. — В сб.: Труды ИИА АН ТаджССР. Вып. IX. Душанбе, 1964.
443. Сариниди В. И. Новая матрица Самаркандского музея. — «Изв. АН ТаджССР», 1957, № 14.
444. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
445. Скалон Н. М. Изображение животных на керамике сарматского периода. — В сб.: Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.
446. Смирнов А. П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.
447. Смирнов Е. А. Схема переустройства и возможного развития оросительных систем Ташкентского оазиса. — «Вестник ирригации». Ташкент, 1924, № 7.
448. Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях г. Ташкента. — В кн.: Научно-литературный сборник статей по Средней Азии. Ташкент, 1896.
449. Смирнов Е. Т. Развалины городища Канка. — ПТКЛА. Вып. V. Ташкент, 1901.
450. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
451. Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. — ЭВ. Вып. 6. М.—Л., 1952.
452. Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958.

453. Смирнова О. И. К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах. Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.
454. Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.
455. Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (из среднеазиатской топонимики). — В сб.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткие сообщения и аннотации VI годичной науч. сессии ЛОИВАН. Л., 1970.
456. Смирнова О. И. Первые монеты из Усрушаны. — ЭВ. Вып. XX. Л., 1971.
457. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
458. Современные проблемы географии (Доклады общих симпозиумов XXIII конгресса Международного географического Союза). М., 1976.
459. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица. М., 1962.
460. Соколов Ю. А. Юные тектонические движения Тянь-Шаня и генезис лёсса Приташкентского района. — В сб.: Труды Всесоюзного рабочего совещания по итогам изучения четвертичного периода. Ташкент, 1953.
461. Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. — СА. Вып. XX. М., 1954.
462. Сорокин С. С. Древние скотоводы Ферганских предгорий. — В сб.: Исследование по археологии СССР. Л., 1961.
463. Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы. — КСИИМК. Вып. 69. М., 1957.
464. Спришевский В. И. Археологические памятники на берегах Ташкентского моря. Ашхабад, 1978.
465. Среднеазиатский вестник. Ташкент, апрель, 1896.
466. Средневековые города Средней Азии и Казахстана. — Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970.
467. Средневековый город. Вып. I—III. Саратов, 1972, 1974, 1975.
468. Ставиский Б. Я. Бронзовые изделия в Государственном Эрмитаже. — КСИИМК. Вып. 60. М., 1955.
469. Ставиский Б. Я. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг. — СА, 1960, № 4.
470. Ставиский Б. Я. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Верхнего Зеравшана (Кухистана). — В кн.: Материалы по этнографии. Вып. I. М., 1961.
471. Статистический ежегодник 1917—1928. Под редакцией Красновского. Ташкент, 1924.
472. Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1964.
473. Сулейманов Р. Х., Турабеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
474. Сунчугашев Я. И. История горного дела и металлургии в Хакаско-Минусинской котловине (с древнейших времен до XIII в.). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1977.
475. Сургай В. Г. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951.
476. Суслов И. Е. Полевое ирригационное хозяйство в бассейне р. Чирчик. — «Вестник ирригации». Ташкент, 1923, № 1.
477. Сухарев И. А. Коллекция В. Л. Вяткина. — ПИДО, 1934, № 7—8.
478. Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда. — В сб.: Труды УзГУ. Вып. 2. Самарканд, 1940.
479. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. (Историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958.
480. Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX в. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962.
481. Сухарева О. А. Традиции городских и сельских занятий и формы связи горожан с рынком в Средней Азии конца XIX—начала XX в. — В сб.: Бартольдovskye чтения. 1976. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.

482. Табличная характеристика к статистико-экономическому очерку долины реки Ангрена. Ташкент, 1923.
483. Ташкенбаев Н. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка). — ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.
484. Ташходжаев Ш. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв. Ташкент, 1967.
485. Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.
486. Тереножкин А. И. Рец.: Г. В. Григорьев. Каунчитепе (раскопки 1935 г.). — «Изв. УзФАН», 1940, № 8.
487. Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. — «Изв. УзФАН СССР». Ташкент, 1940, № 8.
488. Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — «Изв. УзФАН СССР». Ташкент, 1940, № 9.
489. Тереножкин А. И. Рец.: Г. В. Григорьев. Каунчитепе. УзФАН СССР, 1940, № 8.
490. Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации Самарканда. — ВДИ, 1947, № 4.
491. Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента. — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. I. Ташкент, 1948.
492. Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента. — МИА. Вып. 15. М.—Л., 1950.
493. Тереножкин А. И. Согд и Чач.—КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1950.
494. Тереножкин А. И. Дата мингечаурских удил. — СА, 1971, № 4.
495. Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчитепе. — ВДИ, 1946, № 1.
496. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
497. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — В сб.: Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
498. Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топракала и проблема «эры Канишки» и «эры Шака». — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
499. Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. — СЭ. М., 1971, № 4.
500. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
501. Толстов С. П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи. — СА, 1962, № 4.
502. Тревер К. В. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. — СЭ. М., 1947, № 6, 7.
503. Тромбачев С. П. К вопросу о восстановлении Туркестанского водного хозяйства. — «Вестник ирригации». Ташкент, 1928, № 1—2.
504. Трудновская С. А. Стекло городища Шах-Санам. — В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1958 гг. М., 1958.
505. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
506. Урбанизация как мировой процесс и его география. М., 1974.
507. Усманова З. И. Материалы по средневековой керамике Ташкента. — В сб. студенческих работ САГУ. Вып. 10. Ташкент, 1955.
508. Усова Е. С., Буряков Ю. Ф. Терракотовые поделки с городища Канка. — ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
509. Федоров М. Н. и Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1956 г. — ЭВ. Вып. XIX. Л., 1969.
510. Федоров М. Н. Ходжендский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в. — В сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
511. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI вв. — Нумизматика и эпиграфика. Т. X. М., 1972.
512. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и второй четверти XI в. — Нумизматика и эпиграфика. Вып. XI. М., 1974.

513. Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах дикханства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики). — СА, 1975, № 1.
514. Федоров М. Н. Междоусобная война 1012—1016 гг. в государстве Караханидов (нумизматические данные к истории Киргизии). — В кн.: Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
515. Филанович М. И., Брусенко Л. Г., Зильпер Д. Г. Работы Ташкентского отряда. — АО 1975 г. М., 1976.
516. Филанович М. И. О функциональной и культурной принадлежности некоторых раннесредневековых памятников Ташкента. — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
517. Филанович М. И., Зильпер Д. Г. Работы Ташкентского отряда. — АО 1977 г. М., 1978.
518. Филанович М. И. Работы в Ташкенте. — АО 1979 г. М., 1980.
519. Фирдоуси. Шах-намэ. Т. 2. М., 1960.
520. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., 1979.
521. Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974.
522. Ходжа Самандар Термези. Дастур-ал-Мулк (назидание государям). Перевод М. А. Салахетдиновой. М., 1971.
523. Холм Пушти-Мамед возле Пскента. — «Туркестанские ведомости», 1906, № 53.
524. Чехович О. Д. Новая коллекция документов по истории Узбекистана. — Исторические записи. Т. 36. М., 1961.
525. Чехович О. Д. Самаркандские документы XV—XVI вв. (о владениях Хаджи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). — ПЛНВ. Вып. XXXI. 1974.
526. Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. — В сб.: Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
527. Чуланов Ю. Г. Городище Ахсикет. — СА, 1963, № 3.
528. Чуланов Ю. Г. Некоторые новые памятники Северной Ферганы. — СА, 1967, № 2.
529. Чумаков И. Д. Золотоносность системы р. Чаткала. — «За недра Средней Азии». Ташкент, 1934, № 3.
530. Шишкин В. А. Мазары в Занги-ата. — В сб.: В. В. Бартольд и друзья и почитатели. Ташкент, 1927.
531. Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
532. Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза. — Труды УзФАН. ТАКЭ 1936 г. Ташкент, 1940.
533. Шишкин В. А. Предварительное сообщение об археологической реконструкции в Бухарской области. — «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 7.
534. Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). — В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
535. Шишкин В. А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). — ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
536. Шишкин В. А. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
537. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
538. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII—начало XIII вв.). Ташкент, 1979.
539. Шишов А. Саргы. — В кн.: Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Кн. XI. Ташкент, 1904.
540. Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — ИИВ АН СССР. Вып. XVI. М.—Л., 1958.
541. Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893.

542. Юркевич Э. А. Городища кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4.
543. Якобсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Оренкала). — МИА. Вып. 67. М.—Л., 1959.
544. Якубов Ю. Дворец Гордони Хисор и его резное дерево. — В сб.: Памятники культуры, новые открытия. Письменность, искусство, археология. М., 1977.
545. Якубов Ю. Раскопки Гардони-хисора (К проблеме становления городских поселений в горных районах Средней Азии). — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
546. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. — В сб.: Труды МАИ. Вып. 3. Л., 1932.
547. Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. — ТОВЭ. Т. II. Л., 1940.
548. Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома). — КСИМК. Вып. 12. М.—Л., 1946.
549. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — В сб.: Труды ТаджФАН СССР. Т. XXIX. Сталинабад, 1951.
550. Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века. — «Вопросы истории», 1978, № 4.
551. Aalto P. The name of Tashkent. — Central asiatic Journal. V. XXI. 304, Viesbaden, 1977.
552. Adams R. Mc C. Land behind Baghdad. A history of settlement on Diala plains. Chicago and London, 1965.
553. Adams R. Mc and Nissen. The uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago and London, 1972.
554. Andersen and Ishwaren K. Urban sociology (Department of social Welfare, Kornatak University Essaisi social sciences). London, 1965.
555. Angel I. L. The Bases of Paleodemography. American Journal of Physical Anthropology. V. 30. 3. Washington, 1969.
556. Beal Si-ju-ki. Buddhist Records of the western World, translated from the chinese by Hiuen Tsiang (a. d. 629) by Samuel Beal, in two volumes. London, 1884.
557. Bibliotheka geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars —I—VIII. Lugduni Batavorum. 1870—1892.
558. Chavannes E. Documents sur les Toukine (Turcs) occidentaux, 1903.
559. Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres le Hou Han Chou, Toug Pao. V. UVIVI, 1907.
560. Child V. Y. The Urban revolution. Town Planning Review. V. 21, 1950.
561. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomischgeographische Untersuchung über die gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mittadtischen funktionen. Jena, 1933.
562. Christaller W. Das Grund gerüst der räumlichen Ordnung in Europe. Die Systeme der europäischen Zentralen Orte. Hrsg. von W. Hertke. Frankfurt, Kramer, 1950.
563. Darmesteter James Le Zend-Avesta. Annales du Musee Duimet 21, 22, 24. Paris, Nach druck, 1960.
564. Deffino P. Aral, Caspio, Tanais, Pivista degni studi orientali. V. 43, 1969.
565. Dunlop D. M. Sources of gold and silver in Islam according to al Hamdani (10th century A. D.). Studia islamica, 1958, № 8.
566. Foucher A. L'art greco-bouddique du Gandhara. T. 2. Paris, 1922.
567. Fuchs W. Huei ch'ao's Pilgerreise durch Northwest Indian und Zentral Asien um 726. Sietzungsberichte der Preussischen Academic des Wissenschaften. Berlin, 1938.
568. Gardin J.-C. Lashkari Bazar, Une Residence royale Gaznevide 11. Paris, 1963.

569. Gershevitch I. An Iranist's view of the some controversy. Memorial Jean de Menasce ed. par Ph Gignoux et a Tafazzoli, Imperimerie orientaliste. Lonwain, 1974.
570. Chirshman A. Terrasses sakress de Badre Nechandeh et Masjed-i Solaiman. Paris, 1976.
571. Govern W. M. Mc. The Early Empiries of Central Asia. New-York, 1939.
572. Gray L. H. Foundations of the Iranian religion. — Journal of the K. R. Cama Oriental Institute 15 (1929). Reprint Bombay. 1930.
573. De Groot I. M. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, II Berljn und Leipzig, 1920.
574. Gropp Gerd. Die Funktion des Fenertempels der Zoroastrier. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge. Band 2. Berlin, 1969, s. 147—175.
575. Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nahbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.
576. Harmatta I. Language at the Iranian tribes in South Russia. Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 1. 2—3, Budapest, 1951.
577. Henning W. B. A sogdian god. Bulletin of the school of Oriental and African Studies. Vol. 28, 1965, p. 12.
578. Henning W. Sogdica. London, 1940.
579. Henning W. B. The date of the Sogdian Ancient Letters. Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. University of London. V. 12, 1948, p. 3—4.
580. Herzfeld E. Sakastan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Bd. 4. Berlin, 1931.
581. Herzfeld E. Archaeological History of Iran. Berlin, 1934.
582. Herzfeld E. Zoroastr and his world. V. 2. Princeton, 1947.
583. Hudud al Alam (The Regions of the World), tr and exp. by V Minorsky. London, 1970.
584. Johnson U. A. A test of the utility of central place theory, in archaeology. Man, Settlement and Urbanism. London, 1972.
585. Konov S. Kharashtni inscriptions with the exceptions of those of Asoka. Corpus Inscriptionum Indicarum. V. 2, Ed. by Stein Konov, Calcutta, 1929.
586. Laufer B. Notes on Turquoise in the East Chicago, 1913 (Field Museum of Natural History, Publication 169. Anthropological Series. Vol. 13, n. 1).
587. Lie Mantsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte Forschungen. Bd. 10. Wiesbaden, 1958.
588. Markwart I. Eransahr nach der Geographic des Pr. Moses Xorenaci, Berlin, 1901.
589. Markwart I. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. «Philologus», Bd. 54. Yo Hingen, 1895. Sonderdruck aus den Philologus. Suppl. 10, Leipzig, 1905.
590. Markwart I. Über das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914.
591. Marquart I. Wehrot und Arang (Untersuchungen zur Mithschen und geschicht lische Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
592. Memoires sur les countrees occidentes traduits du sanscrit en chinois en 648: Tsionien thang en du chinois en fracais par. S. Julien. I—II. Paris, 1857—1858.
593. Moravcsik Y. Byzanzinoturcica. Die bisantischen Quellen des Geschichte der Türkvolker, II 2 Aufl. Bd. 1—2. Berlin, 1958.
594. Palaeoeconomy. Being the 2-nd vol Cambridge, 1975.
595. Pliny. Natural history with an english transl. by Rackham. Vol. 1—9. London, 1947—1958.
596. Pritsak O. Die Karachaniden. Der Islam. XXX/I. Berlin. 1953.
597. Pulleyblank E. Y. Asia baiyor. IX, 1963.
598. Pulleyblank E. Y. The Conconantal System of Old Chinese. Asia Major. IX, 1972.
599. Rapson E. I. The Cambridge history of India. Vol. 1. Ancient India. Ed. E. I. Rapson. Cambridge, 1922.

600. Sarre F. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925.
601. Schafer, Edward H. The golden Peaches of Samarkand. A. Study of T'ang Exotics. Berkeley-Los Angeles, 1963.
602. Sprengling M. Third century Iran: Sapor and Kartir. Chicago, 1953.
603. Le Strange Y. The Lands of Eastern Caliphate, Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time Timur. Cambridge, 1905.
604. Tarn W. Tarmita — Journal of Hellenic Studies. Vol. IX. London, 1941.
605. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
606. Thomas Edw. Parthian and Indo-Sassanian Coins. — Journal of the Royal Asiatic Society, 1883.
607. Tringham R., Ucco P. Man. Settlement and Urbanism. London, 1972.
608. Upendra Thakur Karttikeya in Literature, Art and Coins. East and West. New series. Vol. 24, 3—4 (September, December), 1974, p. 297—310.
609. Zambaur E. Die Münzprägungen des Islam. Bd. I. Wiesbaden, 1968.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

610. Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX—XV вв. о долине Таласа и смежных районах. Архив Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Рукопись № 30.
611. Воронец М. Э. Дневник рекогносцировочного обследования памятников старины. Архив Музея истории народов Узбекистана. 1940.
612. Жуков В. Д. Отчет о произведенном осмотре Кургантепе. Полевые отчеты Узкомстариса. Архив ГУОПМК УзССР. 1939, д. 121.
613. Жуков В. Д. Результаты археологического осмотра участка правобережья р. Чирчик. Архив Института археологии АН УзССР. Ташкент, 1935, д. 75.
614. Лопатин С. В., Пругер Е. Б., Ермилов А. Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана. Архив Министерства геологии УзССР. Ташкент, 1964.
615. Мершиев М. С. Отчет научного сотрудника Ташкентского областного краеведческого музея о работах на городище Югантепе в 1954 г. Архив Института археологии АН УзССР. Ташкент, 1955, д. 78.
616. Потапов А. А. Обзор тепе среднего течения Чирчика. Архив ГУОПМК УзССР. Ташкент, 1929, д. 96.
617. Потапов А. А. Пскентский курганный могильник. Архив ГУОПМК УзССР, 1930, д. 31.
618. Сухарев И. А. Наброски, чертежи и рисунки, относящиеся к археологической разведке городища близ к. Бурчмула. Архив Государственного музея истории и культуры УзССР в г. Самарканде, ф. 565.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
Часть I. Археологические источники.	9
Глава I. Системная характеристика памятников региона.	9
Глава II. Археологические принципы классификации и интерпретации поселений городского типа.	57
Глава III. Выделение археологических комплексов и их хронология.	65
Часть II. Историческое исследование.	101
Глава IV. Генезис городской культуры. Города Чача III в. до н. э.—V в. н. э.	101
Глава V. Города Чача и Илака в период раннего феодализма (VI—VIII вв. н. э.).	121
Глава VI. Чач-Илак в период средневековья.	141
Глава VII. Общие закономерности развития городской культуры Чача и Илака.	165
Литература	190

Юрий Федорович Буряков

ГЕНЕЗИС И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии АН УзССР,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор А. С. Михерева
Художник Д. А. Файзирахманов
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор Ф. А. Сигал

ИБ № 1983.

Сдано в набор 29.09.82. Подписано к печати 16.11.82. P05791. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 1000. Заказ 193. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 2р. 40к.

